Ѳ. А. Рязановскій.

Демонологія въ древне-русской литературѣ.

Печатня А. И. Снегиревой Москва.
1915.

10383

Fotomechanischer Neudruck der Originalausgabe 1915
nach dem Exemplar der Universitätsbibliothek Halle

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1974

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin, DDR
Ag 509/107/1972 1192

Изъ записокъ XXXVII т. Императорскаго Московскаго Археологическаго Института имени Императора Николая II. 1914 г.

Директоръ А. И. Успенскій.

Демонологія въ древне-русской литературѣ.

Демонологія или ученіе о злыхъ духахъ можетъ быть предметомъ богословскаго изслѣдованія, какъ одинъ изъ догматовъ христіанской религіи, тѣсно связанный со всей системой христіанскаго догматическаго ученія. Но демонологія можетъ быть изучаема и какъ исторически-данная народная вѣра, нашедшая себѣ выраженіе въ памятникахъ литературы, въ частности, литературы древне-русской.

Изученіе демонологіи въ древне-русской литературѣ намѣчено уже давно. Еще Ѳ. И. Буслаевъ въ своемъ разборѣ книги Костомарова: „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ бросилъ послѣднему упрекъ въ томъ, что онъ не использовалъ для своихъ цѣлей демонологіи древнерусскихъ житій свв. Другіе, какъ напр., проф. Кадлубовскій и Яковлевъ, обратили вниманіе на демонологическіе сюжеты въ житіяхъ, показывающіе новый разъ исторію нашего идейно-литературнаго общенія. Третьи, какъ напр., проф. Сперанскій въ своемъ литрографированномъ курсѣ лекцій по древне-русской литературѣ Кіевскаго періода, и многіе другіе — на черты языческихъ представленій въ древне-русской демонологіи, какъ косвенный источникъ для изученія древне-русскаго язычества. Но демонологическія представленія, встрѣчающіяся не въ однихъ только житіяхъ, а и во всѣхъ другихъ памятникахъ древне-русской литературы, могутъ быть интересны не только какъ источникъ по исторіи нравовъ, не только въ отношеніи къ представленіямъ древне-русскаго язычника, не только потому, что на нихъ слѣды нашего культурнаго общенія,—а и сами по себѣ, какъ опредѣленный кругъ вѣрованій, занимавшихъ далеко не послѣднее мѣсто

въ древне-русскомъ міровоззрѣніи; при этомъ всѣ частные интересы, предъявленные къ демонологіи въ древне-русской литературѣ, отступаютъ на второй планъ, занимаютъ подчиненное мѣсто.

Задачей предлагаемой работы мы и ставимъ—дать концепцію древне-русскихъ вѣрованій въ злыхъ духовъ по памятникамъ древне-русской литературы и, по возможности, выяснить генезисъ этихъ вѣрованій.

Но хотя важность изученія демонологіи въ древне-русской литературѣ съ разныхъ сторонъ и сознана, но сдѣлано для этого очень мало. Монографическаго труда, исчерпывающаго этотъ предметъ, до сихъ поръ нѣтъ, есть лишь его скудная литература. Вотъ ея перечень въ хронологическомъ порядкѣ:

1., Примѣчаніе на стрр. 167—168 въ „Памятникахъ старинной русской литературы", изд. Кушелевымъ-Безбородко подъ ред. Костомарова, СПБ 1860. Тт. 1—2.

2., П. Озерецкій. „Воззрѣнія древне-русскаго народа на ангеловъ и злыхъ духовъ" въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей 1864, стр. 573—595.

3., А. Поповъ. „Народныя представленія о діаволѣ и ангелахъ", гл. 4-я въ кн.: „Вліяніе церковнаго ученія и др.—русской духовной письменности на міросозерцаніе русскаго народа и, въ частности, на народную словесность въ древній до-петровскій періодъ". Казань, 1883, стр. 175—201.

4., Ѳ. И. Буслаевъ. „Бѣсъ". Мои досуги, Т. 2, М. 1886, стр. 1—23.

5., Ровинскій. „Русскія народныя картинки", VIII, стр. 324—335.

6., Н. Н. Дурново. „Легенда о заключенномъ бѣсѣ въ византійской и старинной русской литературѣ". Древности. Труды слав. комисс. И. М. А. О-ва, т. IV, вып. 1, стр. 54—152.

7., А. И. Успенскій. „Бѣсъ" (Матеріалы по исторіи русскаго искусства). Золотое Руно, 1907, 1, стр. 21—27.

Вотъ и вся литература предмета, если не считать анализа демонологическихъ житійныхъ сюжетовъ у Яковлева, Кадлубовскаго и др. [1]).

---

[1]) Яковлевъ. Др.-кіевскія религіозныя сказанія. Варшава. 1875. Кадлубовскій. Очерки по исторіи др.-русской литературы житій свв. Варшава. 1902.

Значеніе этой литературы для насъ очень невелико. О небольшомъ примѣчаніи въ П. С. Р. Л-ры о пересказѣ нѣсколькихъ демонологическихъ легендъ у Ровинскаго можно бы и не упоминать.

Большая статья Дурново мало касается прямой задачи нашей работы. Остальныя статьи не претендуютъ на исчерпываніе предмета. Статья Озерецкаго написана для незамѣтнаго духовно-нравственнаго журнала, не преслѣдующаго научныхъ цѣлей, но это самая цѣнная для насъ работа, написанная прямо на нашу тему, въ которой использованы цѣнные матерьялы, заимствованные изъ рукописей Соловецкой библіотеки. Глава объ ангелахъ и дьяволѣ въ книгѣ Попова представляетъ лишь новую редакцію ст. Озерецкаго, дополненную и исправленную. Поповъ слѣдуетъ Озерецкому въ планѣ, заимствуетъ у него матерьялъ, хотя соотвѣтственно своей задачѣ дополняетъ его матерьяломъ изъ народной словесности, смутно, но намѣчаетъ вопросы о генезисѣ др.-русскаго бѣса: о зависимости др.-русской демонологіи отъ Евангелія, о миѳологическихъ чертахъ въ дьяволѣ (стр. 177 — 178; 199). Ст. Буслаева представляетъ изъ себя какъ бы иллюстрацію къ тезису автора, что по житійнымъ демонологическимъ сюжетамъ можно изучать исторію нравовъ. Съ этой цѣлью авторъ пересказываетъ часть житія Илларіона Суздальскаго (XVIII в.) [1]).

Его статья также была бы безполезна для насъ, если бы въ начальныхъ главахъ онъ не бросилъ авторитетныхъ указаній относительно постановки изученія др.-русской демонологіи. Въ историческомъ развитіи бѣса въ др.-русской литературѣ и искусствѣ Буслаевъ различаетъ два періода: 1) періодъ византійско-русскаго бѣса до XVII в. и 2) періодъ западнаго бѣса и бѣса раскольничьяго. „По художественной демонологіи, говоритъ Буслаевъ, нашъ Востокъ существенно отличается отъ западной Европы. Разнообразію жизненныхъ элементовъ на Западѣ сопутствуетъ и разнообразіе въ представленіи бѣса и въ повѣствованіяхъ о его похожденіяхъ; бѣдность поэтическаго творчества на востокѣ отразилась необыкновенною скудостью въ художественныхъ очертаніяхъ злого духа“ [2]).

---

[1]) Житіе пр. ИлларіонаUžд. Казань. 1868.

[2]) Стр. 2.

Поэтому, „древнѣйшія сказанія на Руси, какъ національнаго, такъ и византійскаго происхожденія изображаютъ бѣса въ самыхъ общихъ чертахъ, придавая ему только одно отвлеченное значеніе зла и грѣха". „Самыя изображенія бѣсовъ въ русскихъ миніатюрахъ до XVII ст. однообразны, скудны, незанимательны и сдѣланы какъ бы въ томъ намѣреніи, чтобы не заинтересовать зрителя" [1]). „Кажется, безъ всякаго пристрастія можно сказать, что пороки и грѣхи др. Руси были до такой степени грубы и пошлы, что не могли дать занимательнаго содержанія идеальному типу бѣса" [2]). Но „съ XVII в. злой духъ начинаетъ играть въ русскихъ сказаньяхъ уже болѣе развязную роль. Онъ еще не интересуетъ собою и не смѣшитъ, но уже не совѣстится предстать предъ публикою въ большемъ разнообразіи своихъ качествъ и продѣлокъ". Вліяніе Великаго Зерцала, Звѣзды Пресвѣтлой, Римскихъ Дѣяній „отразилось въ русскихъ сказаніяхъ не столько подражаніями и передѣлками европейскихъ легендъ, сколько въ болѣе свободномъ взглядѣ на вещи. Русской фантазіи былъ данъ большой просторъ, и она съ меньшею боязнью стала входить въ подробности и злыхъ козней лукаваго бѣса" [3]). „Въ то же время всплыли наружу многія старобытныя доморощенныя преданья народной демонологіи и миѳологіи, которыя должны были дать національный колоритъ похожденіямъ бѣса" [4]). Литература повліяла и на искусство. „Демонъ старинной живописи былъ даже не страшенъ по своему виду, а только пугалъ идеею вѣчной гибели. Мастера XVII в. стали намѣренно изощряться въ вымышленіи отвратительныхъ очертаній бѣсовскихъ фигуръ, которыя они по возможности разнообразили, давали имъ различные аттрибуты, одѣвали ихъ въ фантастическіе костюмы, а къ концу XVII и въ началѣ XVIII в. стали сообщать имъ довольно эстетическій мотивъ во внѣшней характеристикѣ грѣха или порока, который олицетворялся въ томъ или другомъ бѣсѣ". „Эта же эпоха внесла новый элементъ въ характеристику бѣсовъ—элементъ сатиры и каррикатуры. Раскольничьи миніатю-

---

[1]) Стр. 7.
[2]) Тамъ же.
[3]) Стр. 9. 11.
[4]) Стр. 11.

ристы стали одѣвать своихъ демоновъ въ одежды лицъ, которыя по ихъ мнѣнію, были предшественниками и слугами антихристовыми. Враги петровской реформы смѣялись надъ западными костюмами и свою насмѣшку выражали въ образѣ бѣса, одѣтаго по европейской модѣ.

Въ концѣ своего развитія др.-русскій бѣсъ получилъ, т. о., легкій шутливый оттѣнокъ" (стр. 12—13).

Переходя къ постановкѣ работы, мы, прежде всего, ограничиваемъ себя со стороны матерьяла. Мы беремъ лишь памятники древне-русской книжной литературы и совсѣмъ опускаемъ изъ поля зрѣнія памятники народной словесности.

Кромѣ соображеній практическаго удобства, которыя при необозримости памятниковъ народной и книжной литературы должны быть признаны вполнѣ законными, для этого у насъ есть и принципіальныя соображенія. Народная словесность, по нашему мнѣнію, не представляетъ изъ себя историко-литературной цѣнности, равной по древности памятникамъ литературы книжной. Она записана лишь въ первой половинѣ XIX вѣка, въ лучшемъ случаѣ, въ концѣ XVIII в.; не въ счетъ—нѣсколько народныхъ историческихъ пѣсенъ, записанныхъ случайно въ XVII в. англичаниномъ Ричардомъ Джемсомъ [1]). Древняя въ своей основѣ, народная словесность прошла, однако, сквозь рядъ вѣковъ, и время не могло не стереть съ нея пыль старины. Поэтому, принципіально едва ли недопустимо совмѣстное изученіе памятниковъ литературы письменной и произведеній народной словесности. Но нельзя отрицать тѣсной связи между литературой книжной и изустной, вліяніе книжной литературы на народную и обратно. Изученіе демонологіи и въ народной словесности, но параллельно и при свѣтѣ демонологіи въ книжной литературѣ, было бы интересно и цѣнно и могло бы дать вторую часть нашей работы. Но такое изученіе лишь—идеалъ и судьба его—остаться въ области благочестивыхъ пожеланій.

Далѣе, мы ограничиваемъ себя хронологически. Сама тема даетъ намъ право ограничить себя памятниками до XVIII в., до начала систематическаго воздѣйствія западной литературы на литературу русскую.

---

[1]) Напечат. въ Изв. И. А. Н. за 1852 г.

Но мы ограничиваемъ себя до еще болѣе ранней эпохи—до начала западнаго вліянія на нее, съ одной стороны, и до раскола съ его своеобразной демонологіей,—съ другой,—другими словами, до XVII в. Въ этомъ мы слѣдуемъ указанію Ѳ. И. Буслаева, которое выше процитировали,—но съ нѣкоторыми оговорками. Историческій процессъ вообще и историко-литературный, въ частности, есть процессъ органическій, и всякія его дѣленія всегда болѣе или менѣе искусственны и имѣютъ оправданіе лишь въ необходимости для нашего ума все дѣлить, чтобы познать. И въ данномъ случаѣ выдѣленіе періодовъ въ демонологіи не безыскусственно. Буслаевъ далѣе смотритъ на демонологію, какъ на историческій источникъ, онъ дѣлитъ ее на періоды по принципу художественнаго интереса къ бѣсу, не отрицая ни того, что въ болѣе старинныхъ памятникахъ по демонологіи можно собрать кое-какія черты нравовъ, ни того, что значительный интересъ къ бѣсу въ художественнномъ отношеніи былъ и въ первомъ періодѣ его исторіи. Но для насъ демонологія интересна сама по себѣ, какъ опредѣленный кругъ вѣрованій, а въ этомъ случаѣ хронологія не можетъ имѣть такого значенія, какъ оговаривается и самъ Буслаевъ. Да и въ демонологическихъ сказаніяхъ въ памятникахъ XVII в., перешедшихъ съ запада, едва-ли много было новаго: черезъ западный рубежъ къ намъ перешли даже въ непереработанномъ видѣ частію тѣ же самыя демонологическія сказанія, какія въ свое время мы получили изъ Византіи... Такъ, въ „Великомъ Зерцалѣ“, сборникѣ повѣстей XVII в., перешедшимъ къ намъ, какъ думаютъ, изъ Польши черезъ Бѣлоруссію, есть повѣсть: „діаволъ не вѣсть Святую Троицу прославляти“ [1]). Этотъ разсказъ взятъ изъ „Луга Духовнаго“ [2]) и извѣстенъ былъ древне-русскому читателю, если не прямо подъ именемъ какой нибудь „повѣсти отъ Лимониса“, то, по крайней мѣрѣ, по житію Филиппа Ирапскаго [3]).

Или тамъ же есть разсказъ: „діаволъ душамъ, иже на небо хотяху возлетати, возбраняетъ“ [4]) о видѣніи пр.

---

[1]) Ркп. Б-ки М. Д. Акад. № 1580, л. 239.

[2]) „Лугъ Духовн.“, изд. Хитрово, Сергіева Лавра, 1886, стр. 144.

[3]) Четьи-Минеи, изд. Синод. Типограф. М. 1902, к. 3, стр. 406; есть въ изд. О-ва люб. Дух. П.

[4]) Четьи-Минеи изд. Синод. тип. М. 1902, кн. 3, л. 227.

Антоніемъ великана, „иже до облакъ досязаше высотою“, поднимже озеро яко моря кипящее“, и который ловилъ души, летавшія въ видѣ птицъ. И этотъ разсказъ буквально взятъ изъ „Лавсаика“ Палладія Еленопольскаго [1]) и также былъ извѣстенъ др.-русскому читателю.

Такихъ примѣровъ мы успѣемъ привести и еще нѣсколько.

Вотъ почему мы будемъ смѣло пользоваться и нѣкорыми памятниками XVII в. Но мы не отрицаемъ и не игнорируемъ совершенно западнаго вліянія на демонологію XVII в.; равнымъ образомъ,—и особеннаго характера раскольничьей демонологіи, вызваннаго движеніемъ, хотя въ основѣ своей раскольничья демонологія—византійская [2]).

Итакъ, мы беремъ лишь памятники письменной литературы и только въ предѣлахъ до XVII вѣка, но, гдѣ можно, пользуемся и памятниками XVIII в., перечитываемъ ихъ, дѣлаемъ нужныя выметки и на основаніи добытаго матерьяла даемъ очеркъ древне-русскихъ вѣрованій въ нечистую силу. Передъ нами необозримая литература др.-русскихъ апокрифовъ, житій, лѣтописей, повѣстей, поученій. Нѣтъ нужды оговариваться, что мы должны заранѣе примириться съ неполнотою матерьяла, который частію еще въ рукописяхъ. Весьма полезныя услуги при изученіи демонологическихъ представленій могла бы оказать намъ иконографія бѣса.

Древне-русскія изображенія страшнаго суда, синодики съ миніатюрами, изображающими исходъ души, мытарства и мученія въ аду, лицевыя житія, апокалипсисы, псалтыри [3]) даютъ интересный и богатый иконографическій матерьялъ, которымъ можно пользоваться систематически. Въ подлинникѣ работы—есть миніатюры и описаніе ихъ, но изъ боязни усложнить работу мы не рискуемъ сдѣлать этого.

---

[1]) Лавсаикъ, СПБ. 1850, стр. 113.

[2]) Такъ, въ извѣстной „повѣсти о табацѣ“ раскольники считаютъ табакъ бѣсовскимъ зельемъ и пр.

[3]) См., напр., Синодикъ Дѣдовской пустыни, изд. О. Люб. Д. П., лицевыя житія Матѳея Прозорлив., Ѳеодора и Василія и др., изд. О. Л. Д. П., Лицевые Апокалипсисы, изд. Буслаевымъ, Годуновскую псалтырь въ ркп. б-ки М. Д. Акад., снимки въ „Историческихъ очеркахъ“ Буслаева, т.т. 1—2 и пр.

Но наша задача не только дать концепцію древне-русскихъ вѣрованій въ бѣсовъ, но и прослѣдить ихъ генезисъ. На древне-русскомъ бѣсѣ накопилось нѣсколько литературныхъ наслоеній. Въ своей литератуной основѣ др.-русскій бѣсъ восходитъ къ Св. Писанію и, главнымъ образомъ, къ книгамъ Новаго Завѣта, которыя сами по себѣ могутъ разсматриваться, какъ памятники др.-русской письменной литературы. Несомнѣнно, что и библейскій бѣсъ сложился подъ опредѣленными культурными вліяніями, какъ объ этомъ можно судить на основаніи самого же Священнаго Писанія. Изъ Евангелія извѣстно, что іудеи обвиняли Іисуса Христа въ томъ, будто Онъ изгоняетъ бѣсовъ силою Вельзевула, князя бѣсовскаго (Мѳ. 12—22, 23; Мрк. 3, 22—26; Лук. 11, 14—20), говорили Ему, что Онъ имѣетъ въ Себѣ бѣса (Іоан. 7, 20; 8, 48). Эти и другіе факты показываютъ, что во время Христа среди іудеевъ существовали развитыя демонологическія вѣрованія, которыя были только приняты Евангеліемъ и пополнены новымъ содержаніемъ [1]).

Но намъ нѣтъ нужды удаляться въ безконечную историческую глубь: др.-русскій бѣсъ христіанскаго происхожденія и появился на святой Руси при ея крещеніи.

На основѣ новозавѣтной демонологіи сложилась демонологія первохристіанская. Литературнымъ выраженіемъ ея являются, съ одной стороны, творенія апологетовъ: Іустина Мученика, Минуція Феликса, Таціана Тертулліана, а затѣмъ и другихъ отцовъ церкви, съ другой стороны— мученическія житія, образовавшіяся, какъ извѣстно, изъ актовъ мученическихъ. Рѣшительными моментами для первохристіанской демонологіи, опредѣлившими ея характеръ, являются: принятіе талмудическаго ученія о происхожденіи бѣсовъ отъ смѣшенія сыновъ Божіихъ (ангеловъ) съ сынами человѣческими (Быт. 6, 2), отчего демоны представлялись существами болѣе или менѣе матеріальными, - и отожествленіе ихъ съ языческими богами (1 Корин. 10, 20—21). Содержаніе демонологическимъ вѣрованіямъ дали вѣрованія классическаго язычества. Въ муче-

---

[1]) Въ Ветхомъ Завѣтѣ мы почти не встрѣчаемъ дьявола: самыя яркія мѣста В. З. о дьяволѣ въ кн. Іова и (неканонической) Товитъ; иногда бросаются о немъ мелкія указанія, напр. 1 Цар.,1 Парал. 21, 1; Прем. 2, 24 и нѣк. др., но змій—прельститель въ смыслѣ дьявола истолкованъ позднѣе (Апок. 12, 9).

ническихъ житіяхъ обычный отвѣтъ христіанина судьѣ: „я не хочу жертвовать идоламъ и злымъ нечистымъ духамъ“. Мученики изгоняютъ бѣсовъ изъ статуй заклинаніями, отчего онѣ разсыпаются въ прахъ; а еще чаще сокрушаютъ ихъ палкой; при этомъ мучители представляются въ близкой дружбѣ съ демонами, что и отразилось и въ общемъ тропарѣ мученикамъ: „мученикъ Твой, Господи... мучителей низложи, сокруши и демоновъ немощныя дерзости“. Античная теофанія стала пониматься въ смыслѣ оборотничества демоновъ, языческая вѣра въ инкубаціонные сны превратилась въ вѣру въ противоестественный грѣхъ съ инкубами-демонами, языческая магика отъ демоновъ, живущихъ въ статуяхъ, античное боговоплощеніе превратилось въ бѣснованіе и т. д. и т. д. Широко-распространенная въ каждой натуралистической религіи вѣра въ чары также осталась въ первохристіанской демонологіи. Роль магическаго средства противъ демоновъ сталъ играть крестъ, знамя котораго первые христіане полагали повсюду, имя Господне, которымъ изгоняли демоновъ изъ бѣсноватыхъ и пр. [1]).

Съ IV вѣка въ церкви появляется монашество. Отдѣльныя лица уходятъ въ пустыни и здѣсь проводятъ суровую жизнь въ борьбѣ съ демонами; основываются монастыри. Отъ этого движенія намъ остались памятники-патерики, равно — и отдѣльныя житія преподобныхъ, изобилующія демонологическими сюжетами. Предметъ ихъ — искушенія свв. отъ діавола, врага человѣческаго спасенія, и борьба свв. этими искушеніями.

Діаволъ принимаетъ при этомъ разнообразные виды отъ вида какого-нибудь гада до ангела свѣта, придумываетъ разнообразныя козни, искушаетъ во всевозможные грѣхи. Дьяволъ, такимъ образомъ, чрезвычайно художественно индивидуализируется, становится интереснымъ образомъ въ занимательныхъ сюжетахъ [2]).

---

[1]) О первохристіанской демонологіи см. ст. А. А. Спасскаго „Вѣра въ демоновъ въ др.-церкви и борьба съ ними“ въ Богословск. Вѣстн. 1907, II, 357—391 стр.; ср. Гарнакъ. Религіозно-нравственныя основы х-ва въ историческомъ ихъ выраженіи“ перев. его-же, Харьковъ, 1907, стр. 60—79.

[2]) О демонологіи ж.ж. свв. см. въ кн. Шестакова: „Изслѣдов. въ области греч. народн. сказан. о свв.“ гл. 4, стр. 215—256. Варшава. 1909, гдѣ не различаются, однако, житія мучениковъ и преподобныхъ.

Въ то же время въ церкви начинается борьба догматическихъ партій и, какъ плодъ ея, развивается догматическое ученіе церкви. Въ связи съ другими догматами разрабатывается и ученіе о злыхъ духахъ, нашедшее себѣ выраженіе въ твореніяхъ отцовъ и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ.

Литература патериковъ, житій святыхъ, святоотеческихъ твореній, церковно-богослужебная лирика изъ Византіи черезъ Болгарію перешла на Русь и вмѣстѣ съ иконографіей дала для древне-русскаго литературнаго обихода типъ бѣса. Но былъ еще одинъ родъ древней литературы; черезъ который нами было воспринято еще одно наслоеніе въ демонологіи. Это—апокрифы. Апокрифы появились еще въ первохристіанствѣ, вызванные къ жизни простымъ психологическимъ фактомъ—интересомъ къ лицамъ и событіямъ Библіи, о которыхъ даны въ ней неполныя и неясныя указанія.

Но ими воспользовались для своихъ цѣлей еретики. Въ частности, въ Болгаріи ими широко воспользовались богомилы и оставили на ней слѣды своей болѣе или менѣе дуалистической демонологіи, почему церковь неодобрительно относилась къ этой литературѣ и включала ее въ индексы запрещенныхъ книгъ.

Вся эта демонологическая литература акклиматизировалась на Руси, стала національной и вызвала къ жизни подобную же литературу. Но здѣсь въ демонологію были привнесены и свои національныя черты. Христіанская религія на Руси могла быть усвоена только потому, что у русскихъ была своя—языческая религія. Новая религія не могла сразу вытѣснить старую и стать на ея мѣсто. Боги старой религіи только уступили свое первое мѣсто христіанскому Богу и святымъ и перешли въ число христіанскихъ бѣсовъ, т.-е., на Руси повторился процессъ, имѣвшій мѣсто въ первохристіанствѣ, а все, что имѣло отношеніе къ язычеству, стало „бѣсовскимъ" и „сатанинскимъ".

Изложенное опредѣляетъ методъ нашей работы и ея планъ. Методъ нашей работы, какъ видно, долженъ быть сравнительно-историческимъ. Излагая демонологію по памятникамъ древне-русской литературы, мы должны выдѣлить въ ней ея библейскую первооснову, прослѣдить въ ней наносныя черты первохристіанства, византійской и бо-

гомильской демонологіи и, наконецъ, указать въ ней русскія національныя черты.

Самый естественный планъ нашей работы можетъ быть такой: въ первой ея части — исторической — мы должны дать очеркъ библейской демонологіи, какъ литературной первоосновы христіанской демонологіи, затѣмъ демонологіи перво-христіанской, византійской и богомильской и только послѣ этихъ предварительныхъ работъ перейти ко второй части съ изложеніемъ демонологіи по древне-русскимъ памятникамъ. Въ каждомъ очеркѣ мы должны выдѣлить заимствованныя и новыя, оригинальныя черты. Только работа по такому плану, въ сущности, могла бы быть удовлетворительной. Но она возможна лишь въ томъ случаѣ, если бы мы располагали вполнѣ достаточнымъ матеріаломъ по демонологіи свв. отцовъ, греческихъ житій мучениковъ и преподобныхъ, а также имѣли бы подробныя свѣдѣнія о богомильной демонологіи. Но это совершенно необъятное и неизслѣдованное море, пускаться въ которое мы не имѣемъ ни времени, ни силъ.

Поневолѣ свой планъ мы должны значительно видоизмѣнить: излагая др.-русскую демонологію, мы, говоря о разныхъ отдѣльныхъ предметахъ, предварительно будемъ излагать ихъ литературную исторію—начинать съ Библіи, переходить къ отцамъ или къ византійскимъ житіямъ и пр., или наоборотъ,—изложивши какое нибудь демонологическое вѣрованіе, производить его сравнительно-историческій анализъ.

Мы не будемъ въ состояніи указать многихъ литературно-историческихъ звеньевъ, но, по крайней мѣрѣ, библейскіе мотивы представленій указать всегда въ состояніи. Изложеніе отъ этого, конечно, много проигрываетъ въ своей стройности и живости, но, въ концѣ концовъ, важно не изложеніе, а содержаніе.

Свой матерьялъ мы могли бы расположить по родамъ литературныхъ памятниковъ, но гораздо интереснѣе дать цѣльный очеркъ демонологическихъ вѣрованій.

Такъ мы и дѣлаемъ, располагая свой матерьялъ по слѣдующимъ главамъ: 1) Исторія дьявола; 2) Миѳологическія черты въ др.-русскомъ бѣсѣ; 3) Общія представленія о дьяволѣ и бѣсахъ; 4) Бѣсы-мучители; 5) Бѣсы искусители; 6) Борьба съ бѣсами; 7) Бѣсы въ эсхатологіи.

I.

Исторія Дьявола.

Когда мы хотимъ составить себѣ сужденіе о томъ, что такое представляетъ изъ себя дьяволъ, какъ опредѣленный, миѳологическій типъ, каково его отношеніе къ другимъ литературно-религіознымъ типамъ, каково отношеніе этого типа къ человѣчеству по памятникамъ древне-русской литературы,—мы должны обратиться къ апокрифамъ. Апокрифы для народной вѣры замѣняли Библію; для древне-русскаго читателя они были то же, что Веды для индуса, Иліада и Одиссея для грека, Калевала для финна. Здѣсь и народная теогонія и космогонія, и космологія, и религіозная исторія человѣчества, и эсхатологія, словомъ,—это эпосъ, обнимающій все религіозное міровоззрѣніе др.-русскаго читателя.

Чтобы уяснить себѣ происхожденіе отдѣльныхъ элементовъ этого обширнаго и сложнаго міровоззрѣнія, мы должны бросать свои взгляды на двѣ стороны, соотвѣтственно происхожденію апокрифовъ. Съ одной стороны, какъ мы говорили, апокрифы древне-христіанскаго происхожденія, обязаны своимъ литературнымъ существованіемъ элементарному психологическому факту — художественному факту — художественному интересу къ лицамъ и событіямъ изъ Библіи, художественно-незаконченнымъ и неяснымъ, исходятъ изъ библейскихъ мотивовъ и стоятъ въ самой тѣсной связи съ толкованіями отцовъ на книги св. Писанія; съ другой стороны—это „басни болгарскія“, которыя „попъ Еремѣй сложилъ“, на которыя очень косо смотрѣла церковь и которыя носятъ на себѣ печать богомильскаго вліянія. Значитъ, мы должны выдѣлять въ нихъ, съ одной стороны, вполнѣ церковные мотивы, съ другой,—явно богомильскіе слѣды [1]).

Итакъ, каково же происхожденіе дьявола, какова его роль въ космогоніи, каково его отношеніе къ человѣчеству по апокрифамъ? Другими словами, какова исторія дьявола?

---

[1]) Впрочемъ, и богомилы исходили изъ Библіи, которую своеобразно толковали, и часто трудно сказать, чисто ли библейскій данный мотивъ въ апокрифѣ или богомильскій.

Въ библіи мы не находимъ такого связнаго разсказа о происхожденіи дьявола и злыхъ духовъ, какъ, напр., разсказъ о міротвореніи или созданіи человѣка. Но въ Новомъ Завѣтѣ по этому вопросу даны нѣкоторыя смутныя указанія.

Прежде всего, здѣсь дается понять, что демоны — бывшіе ангелы (Мѳ. 25, 41); говорится: „Богъ ангеловъ согрѣшившихъ не пощадилъ, но, связавъ узами адскаго мрака, предалъ блюсти на судъ для наказанія" (2 Петр. 2, 4); или: „и ангеловъ, не сохранившихъ своего достоинства, но оставившихъ свое жилище, соблюдаетъ въ вѣчныхъ узахъ, подъ мракомъ, на судъ великаго дня" (Іуд. 1, 6), а въ Апокалипсисѣ рисуется такая картина: „и произошла на небѣ брань: Михаилъ и Ангелы его воевали противъ дракона, и драконъ и ангелы его воевали противъ нихъ, но не устояли и не нашлось уже для нихъ мѣста на небѣ. И низверженъ былъ великій драконъ, древній змій, называемый діаволомъ и сатаною, обольщающій всю вселенную, низверженъ на землю и ангелы его низвержены съ нимъ" (Откр. 12, 7—9 ст.). Дается понять, что ангелы существовали въ четвертый день міротворенія (Іов. 38, 7 ст.), слѣдовательно,—и демоны, и что грѣхъ, которымъ палъ сатана, была гордость (I Тим. 3, 6).

На основаніи этихъ и нѣкоторыхъ другихъ указаній Библіи, церковные писатели разработали ученіе о происхожденіи сатаны и демоновъ. Среди апологетовъ 2-го вѣка была распространена теорія происхожденія демоновъ отъ смѣшенія сыновъ Божіихъ, которыхъ отожествляли съ ангелами, съ сынами человѣческими (Быт. 6, 2), заимствованная изъ іудейскихъ апокрифическихъ преданій. Но другіе отцы церкви цѣликомъ отвергли эту теорію, и Церковь приняла другое ученіе, по которому злые духи сначала были ангелами, духами добрыми, но сами по своему произволенію сдѣлались злыми. „Сперва палъ одинъ—главный, а потомъ увлекъ за собой и всѣхъ прочихъ. Этотъ главный былъ до паденія своего, по мнѣнію нѣкоторыхъ, самымъ первымъ и совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ сотворенныхъ духовъ [1]), преимуществовавшимъ предъ всѣми

---

[1]) „Первѣйшій изъ небесныхъ свѣтовъ, по гордости своей, утративъ свѣтъ и славу, преслѣдуетъ всегдашнею ненавистью родъ человѣческій". Триг. Бог. Пѣсн. Тайноводств., см. IV, Твв. свв. оо. IV, 228.

воинствами ангельскими [1]), а, по мнѣнію другихъ, принадлежалъ, по крайней мѣрѣ, къ числу духовъ первоверховныхъ (ταξιάρχων), водительству которыхъ подчинены низшіе ангельскіе порядки, и именно къ числу тѣхъ, между которыми распредѣлилъ Господь управленіе частями міра[2]). Прочіе же, которыхъ увлекъ падшій Денница вслѣдъ за собою,—это были ангелы подчиненные ему, находившіеся въ его власти, которые потому то и могли увлечься примѣромъ его, или убѣжденіями, или обманомъ [3]).

Точно также и грѣхъ, которымъ палъ діаволъ, по ученію отцовъ, принятому церковью, былъ не плотскимъ, а гордостью [4]).

Ученіе Библіи о происхожденіи злыхъ духовъ, истолкованное отцами, проходитъ черезъ апокрифъ „денницынъ". Только то, что отцы высказывали, какъ свое частное, необязательное мнѣніе, здѣсь является, какъ твердо установленный фактъ.

Этотъ апокрифъ въ краткой редакціи сообщаетъ по лѣтописи греческій философъ князю Владиміру [5]), онъ встрѣчается въ многочисленныхъ спискахъ „слова на соборъ архистратига Михаила" [6]), съ наибольшей вѣроятностью приписываемаго Авраамію Смоленскому, но оригиналъ его въ Толковой Палеѣ, гдѣ читаемъ: „ѿ сатанаиле. Въ сій убо (т.-е. въ четвертый) день единъ отъ ангелъ нарицаемый сатанаилъ иже оубо бѣ старѣйшина.

---

1) Этотъ отступникъ ангелъ, который былъ сотворенъ такъ, что выдѣлялся изъ прочихъ легіоновъ ангеловъ, такъ низпалъ гордостію, что теперь подчиненъ власти устоявшихъ ангеловъ". Greg Magni, Moral., IV, cap. 13.

2) „Изъ ангельскихъ силъ надземнаго міра начальникъ, которому Богъ поручилъ охраненіе земли, не былъ созданъ злымъ по естеству". Дамаск. Точное изложеніе правосл. вѣры кн. 2. гл. 4.

3) „Имъ отторгнуто, ему послѣдовало и съ нимъ низпало безчисленное множество подчиненныхъ ему ангеловъ". Дамаск. Точн. излож. прав. вѣры кн. 2 гл., 4.

4) См. слѣд. стр.

5) Лѣтоп. по Лавр. сп. СПБ. 1872, стр. 85—86.

6) „Сатана свержень съ неба не за любодѣяніе или прелюбодѣяніе, или тайную непозволенную связь; но гордость повергла въ самую глубину бездны того, кому принадлежали слова: на небо взыду выше звѣздъ небесныхъ, поставлю престолъ мой, буду подобенъ Вышнему" (Ис. 14, 13—14). Аѳанас. Александрійскій. см. Макарія, Догматическ. Богослов., СПБ. 1868, т. I, стр. 405—6, 408.

10. моу чину видѣ яко оукраси Богъ твердь ту; о ней же рѣхомъ и землю. и развеличася гордостію. и рече въ помыслѣ своемъ. коль красна поднебесная си. но не вижю живоущаго не ней. да пріиду на землю и пріимоу землю и обладаю ею и боуду яко богъ и поставлю прѣстолъ мой на облацѣхъ [1]). И тоу абие сверже и Господь съ небеси за гордость помысла его по немъ же спадоша иже бяше подъ нимъ чинъ десятый [3]) яко пѣсокъ просоу(ну)шася съ небеси. и проразишася въ преисподняа. друзіи же отъ нихъ на воздусѣ повѣси архангельскій гласъ".

Дальше передается содержаніе этого „гласа архистратига Михаила". „Слышавше же дѣмони гласъ архангела Михаила и абіе повѣшени быша на аерѣ. первіи же ти спадшіи дѣмони. впроразишася въ преисподняя. и соуть яко и глусы. и ти оттолѣ не свѣдять ничтоже въ мирѣ. а еже отъ нихъ на земли падоша. то ти дѣлаютъ злая ходяще по земли съ своими прелестьми. послѣдняя же ихъ оустави архангельскій гласъ по аеру. и ти оубо висятъ. и что могуще пакость творити то творятъ. Съй же оубо сатана старѣй бѣ въ чину иже подъ нимъ. и приставникъ бѣ земному чину. и земли блюдѣніе пріимъ. и отъ Бога естествомъ не лукавъ бѣ исперва. но благъ сый. не могый же терпѣти честь юже ему творецъ вдасть. и самовластною волею съвратися отъ естества и въздвижеся помысломъ на створшаго и Бога. спротивитися Ему мысля. да...

---

[1]) По варіанту далѣе слѣдуетъ такая подробность: „J сотворилъ себѣ престолъ на облацѣхъ сѣверныхъ і вознесся и бысть тогда воевода чину ангельскому. і видѣ Богъ противника себѣ и посла Богъ Михаила архангела и повелѣ сатанаила свержить долу. Иде же Михаилъ къ Сатанаилу; видѣ на немъ божество велико и не смѣ на него и зрѣти. І прииде Михаилъ къ Богу і рече. Господи велико есть на немъ божество твое. Господь же снятъ съ него божество рече: иди и сверги его долу і пріиде Михаилъ и видѣ Сатанаила яко проста человѣка и удари его скипетромъ и спадеся престолъ его, и пойдя Сатана долу и со всѣми силами и отнятъ отъ него Господь божество и снятъ отъ него илъ. ·и да Господь·илъ ангеломъ и нарече имя Михе Михаилъ". Порфирьевъ. Апокр. сказ. о в.-завѣтн. лицахъ и событіяхъ. СПБ. 1877, 86, ср. 88 стр. по другому варіанту Михаилъ свергъ Сатанаила только послѣ того, какъ Богъ постригъ его въ чернецы. См. Чт. О. И. Д. Рос. 1886, II, текстъ „Сказанія о Тив. морѣ".

[2]) См. Чт. О. И. О. Росс. 1847, № 8; Правосл. Собес. 1859, 1, стр. 252—254; Изв. А. Н. 1860, IX, 3, 182—192 стр.

[3]) Варіантъ: „двѣнадцатый".

отступникъ бысть.... своимъ похотѣніемъ тьма бысть. и отвержеся въ стоудъ Его и спаде множество иже бяху подъ нимъ нареченный чинъ ангельскъ".

„Спадьшій же тъй сатана погрѣши помысла своего и наречеся противникъ Божій; въ него же мѣсто постави Господь старѣйшину Михаила. Спадшій же чинъ нарѣкоша демони. Оть нихже Господь отъять славу и честь. и свѣтлость бывшую на небесѣхъ прежде, и преложи я въ духъ теменъ. и по воздуху облетати имъ повелѣ. спадшаго же мѣсто чина. 10-го оумысли Богъ створити человѣка" [1]).

Въ общемъ, какъ видно, апокрифъ „денницынъ" вполнѣ православно-церковенъ. Но приблизительно такъ же о происхожденіи злыхъ духовъ учили и богомилы, исходя также изъ Библіи. „Они говорятъ, что и демонъ, названный Спасителемъ Сатана также есть сынъ Бога и Отца, именуемый Сатанаиломъ и первый (по сравненію) съ Сыномъ и Словомъ, и болѣе могущественный, т. е. перворoдный, такъ что они приходятся другъ другу братьями. Сатанаилъ же—домоправитель, и занимаетъ второе мѣсто послѣ Отца и одѣвается въ одну и ту же одежду съ Нимъ и въ одинъ и тотъ же образъ и одесную Его сѣдитъ на тронѣ, и пользуется равной съ Нимъ честью, каковою опьяненный и сведенный съ ума задумалъ отдѣленіе и, воспользовавшись какимъ то случаемъ, искушалъ нѣкоторыхъ изъ служебныхъ силъ, чтобы онѣ, освободившись отъ тяжести служебной, послѣдовали за нимъ и возстали противъ Отца (Для подтвержденія же этихъ бредней они приводятъ притчу, находящуюся въ Ев. Луки,—о домоправителѣ неправды, уменьшившемъ долги должниковъ. Это-де былъ Сатанаилъ, и написана эта притча о немъ). Потомъ де вышесказанные ангелы, прельстившись облегченіемъ труднаго служенія, побуждены къ этому и другими чрезмѣрными обѣщаніями („положу, говоритъ, престолъ мой на облакахъ и буду подобенъ Вышнему") и они присоединились къ заговору. Богъ же, узнавъ объ этомъ, бросилъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ внизъ" [2]). Такимъ образомъ, апокрифъ

---

[1]) Толковая Палея 1477 года, изд. О. Л. Д. II. 1892. л.л. 18—20.

[2]) Euthimii Zigabeni, Narratio de Bogomilis seu Panoplia, Gottingae, 1842 гл. VI стр. 9—10; ср. изъ Liber Iohannis: „Господи, прежде чѣмъ Сатана палъ, въ какой славѣ состоялъ онъ у Отца Твоего?" И сказалъ мнѣ: „Въ такой славѣ былъ, что управлялъ силами небесными; я же сидѣлъ у Отца моего. Самъ былъ управителемъ всего и подра-

„денницынъ“ одинаково можно считать и строго-православнымъ и богомильскимъ. Чисто богомильской чертой въ немъ нужно считать наименованіе Сатаны Сатанаиломъ, такъ-какъ прибавка „илъ“, по объясненію самого апокрифа, указываетъ не на ангельское, а на Божеское достоинство Сатаны, проповѣдуемое богомилами, и характерна для ихъ ученія [1]).

Свергнутый съ неба, Сатанаилъ, по апокрифамъ, является творцомъ и устроителемъ (диміургомъ) земли (но не вселенной). Это—не православно-церковное ученіе, по которому Богъ—творецъ всего, и земля украсилась творческимъ дѣйствіемъ Логоса, а—богомильское, по которому Сатанаилъ есть Божественное Слово. „Они говорятъ, что Сатанаилъ, свергнутый съ небесъ, не будучи въ состояніи поселиться на водахъ (ибо „земля, говорятъ, была безвидна и не устроена“), такъ какъ и онъ обладалъ божественнымъ видомъ и одеждою и творческой силой, то созвалъ павшія вмѣстѣ съ нимъ силы, ободрилъ ихъ и сказалъ: какъ Богъ сотворилъ небо и землю (ибо „въ началѣ сотвори Богъ небо и землю“), сотворю и я второе небо и все прочее и сказалъ: да будетъ твердь, и было; да будетъ то-то и то-то, и появилось все. И украсивши новое небо и стянувши воды съ поверхности земли и распредѣливъ ихъ, гдѣ ему хотѣлось, какъ это показано въ книгѣ космогоніи, и сотворивши все произрастающее изъ земли и животныхъ и все прочее, назначилъ ее себѣ и прочимъ силамъ, отступившимъ въ жилище“ [2]).

жателемъ Отца и сходилъ съ неба въ преисподнюю и восходилъ отъ преисподней до незримаго престола Отца и созерцалъ славу, которая была у движущаго небеса и помыслилъ положить престолъ свой надъ облаками небесными и захотѣлъ быть подобенъ вышнему. Онъ спускается до огня въ преисподней и, вернувшись, „вошелъ къ ангелу воздуха и къ тому, который былъ надъ водами, и сказалъ имъ: „все это—мое; если послушаете меня, положу престолъ мой на облакахъ и буду подобенъ Вышнему и стягивая воды отъ нижней тверди, также затѣмъ соберу мѣста моря, и послѣ этого не будетъ воды надъ поверхностью всей земли, и буду царствовать съ вами во вѣки вѣковъ“. Цит. по Веселовскому. Разысканія въ обл. р. д. стиха, V. 36 стр.

[1]) Zigab., глл. VII, VIII.

[2]) Zigabeni, op. cit., c. VII, стр. 11—12; ср. Liber Johannis: „И сходя Сатана на твердь эту, не смогъ сдѣлать себѣ никакой опоры (requiem), ни тѣмъ, которые были съ нимъ. И просилъ у Отца, говоря: имѣй милосердіе ко мнѣ, и все отдамъ тебѣ. И сжалился надъ нимъ

О творческой дѣятельности Сатанаила читаемъ въ „свиткѣ божественныхъ книгъ“, сбставившемся подъ вліяніемъ Liber Iohannis. гдѣ есть такой апокрифъ: „Сказаніе о тиверіадскомъ морѣ: Егда не бысть неба, ни земли, и тогда бысть одно море тиверіадское, а береговъ оу него не было; и сниде Господь по воздуху на море тиверіадское и видѣ Господь на мори гоголя пловуща, а тотъ гоголь Сатанаилъ, заросъ во (п)еніи морской. И рече Господь Сатанаилу, аки не вѣдая его: кто еси? И рече Сатанаилъ: Азъ есми Богъ. А меня како наречеши? И отвѣща Сатанаилъ: А ты Богъ богомъ и Господь Господемъ. Аща бы Сатанаилъ не то слово рекъ Господу, и Господь бы его тутъ же искоренилъ на мори тиверіадскомъ. И рече Господь: Сатанаиле! Попырися въ море и вынеси мнѣ земли и кремень. Сатанаилъ же послуша Господа и попырися въ море и вынеси земли и кремень. (И взя Господь землю и песокъ, разсѣя по морю тиверіадскому и рече: Буди на море земля тольста и пространна). И взя Господь оу Сотанаила кремень и преломи его на полы, и въ правой рукѣ оставь Господь оу себя, а въ лѣвой отдалъ Господь Сатанаилу. И взя Господь посохъ и нача бити кремень и рече: Вылѣти изъ него кремени аггели и архангели по образу моему и по подобію и безплотніи. И почали отъ того времени вылѣтати силы огненъныя, и сотвори Господь аггелы и архаггелы и вся девять чиновъ. И виде Сатанаилъ, что сотворилъ Господь, и почалъ тотъ кремень бити, что далъ ему Господь изъ лѣвыя руки, и почали оу Сатанаилу вылѣтати аггелы его сотанаиловы, себе сотвори силу великую. И сотвори Господь (Сатанаила) начальникомъ надо всѣми чиньми аггельскими“ [1]).

Отецъ и далъ ему опору и тѣмъ, которые были съ нимъ, какъ онъ хотѣлъ даже до седьмого дня“. Тогда началось творчество Сатанаила: онъ поднимаетъ небо изъ подъ воды, творитъ солнце, луну и звѣзды: „сдѣлалъ ангеловъ управителями своими по чину Вышняго и по приказанію невидимаго Отца—громы, дожди, градъ и снѣгъ; выслалъ ангеловъ управителями своими надъ этимъ и приказалъ землѣ, чтобы произвела все летающее и все пресмыкающееся, и деревья, и травы, и приказалъ морю, чтобы произвело рыбъ и птицъ небесныхъ“. Веселовскій. V, 38. Ср. Козьмы Пресвитера Бесѣду на богомиловъ. Пр. Собес. 1859, II, стр. 108: „діавола творца нарицаютъ“. стр. 198: „а тварь Его (Бога) діаволю тварь мнятъ“.

[1]) Веселовскій, V, 47—48 стр.; см. ниже.

Какъ и у богомиловъ, Сатанаилъ въ этомъ сказаніи является богомъ, хотя и подчиненнымъ Богу; какъ и у богомиловъ, онъ здѣсь покоится на водѣ; но роль его при устроеніи земли—чисто страдательная: онъ только ныряетъ за пескомъ, а творитъ землю только Богъ; по варіанту также, когда Богъ разсѣялъ землю по морю тиверіадскому, „прорасте древеса и травы и цвѣты, горы и холмы и источники и озера и рѣки. И сотвори Господь отъ земли звѣрей и скоты и рыбы въ водахъ и птасицы, летящия по воздуху, и сотвори день и нощь и гады пресмыкающяся по земли“ [1]), при чемъ о дѣятельности Сатанаила при этомъ — не говорится ни слова. Сатанаилъ творитъ собственно только своихъ демоновъ, въ противорѣчіи съ предыдущимъ апокрифомъ. Но и по Зигабену Сатанаилъ собственно только устрояетъ землю въ сотворенной уже вселенной [2]) и при этомъ (по Lib. Ioh.) громъ, дождь, градъ и снѣгъ творитъ по приказанію Божію. Можетъ быть, этотъ апокрифъ принадлежитъ болѣе умѣренному толку богомиловъ, но гораздо успѣшнѣе допустить, что первоначальный богомильскій характеръ сказанія у православныхъ писцовъ утратился, и Богу было отведено болѣе роли при устроеніи земли.

Въ частности, Сатанаилъ, по апокрифамъ, принимаетъ участіе въ твореніи человѣка. Богомилы учили объ этомъ: „Вылѣпивши тѣло Адама изъ земли, смѣшанной съ водой, (Сатанаилъ) поставилъ его прямо; стекшая же съ него на правую ногу и вылившаяся чрезъ большой палецъ на землю нѣкая жидкость, потекла улиткообразно и образовала фигуру змѣи. Собравши же духъ, который былъ въ немъ, вдохнулъ созданному тѣлу жизнь; духъ же его, также стекши черезъ пустоту на правую ногу и пролившись черезъ большой палецъ, соединился съ улиткообразной лужицей, которая тотчасъ же ожитворилась и, отдѣлившись, превратилась въ змѣю и поползла...

Новый сей димiургъ, увидавши это и уразумѣвъ, что онъ всуе трудится, взмолился къ благому Отцу и убѣ-

---

[1]) См. ниже.

[2]) Представленія объ этой вселенной, состоящей изъ нѣсколькихъ слоевъ: ряда небесъ, воды, земли, преисподней и пр., могутъ быть, кажется, поняты изъ книги Еноха еврейскаго апокрифа, оказавшаго большое вліяніе на христіанскія представленія.

ждалъ послать отъ Себя дыханіе, обѣщавъ, что человѣкъ будетъ общимъ, если Онъ его оживотворитъ, и что отъ рода его пополнены будутъ на небѣ мѣста отпадшихъ ангеловъ. Богъ же-де, какъ благій, согласился и вдунулъ созданному Сатанаиломъ дыханіе жизни. И сталъ тотчасъ человѣкъ въ душу живущую, просвѣщающую тѣло и украшающую его граціей (χαρισιν)" [1]). Нѣчто подобное разсказывали, по лѣтописи, ростовскіе волхвы Яну Вышатину: „Богъ мывъся въ мовпицы и вспотивися, отерся вѣхтемъ, и верже с небесе на землю; и распрѣся сотона с Богомъ, кому въ немь створити человѣка, и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душю вонь вложи; тѣмже аще умреть человѣкъ, въ землю идетъ тѣло, а душа к Богу" [2]). Разница между разсказомъ волхвовъ и вышеприведеннымъ ученіемъ богомиловъ, какъ видно, лишь въ томъ, что дьяволъ творитъ человѣка не изъ земли, смѣшанной съ водою, а изъ банной ветошки или полотенца (ср. сл. подробность въ „свиткѣ божественныхъ книгъ": „солнце отъ нутреннія ризы Господни, понеже Господь по лицу своему утреся"), нѣтъ подробности о змѣѣ, Сатана не обращается съ просьбой къ Богу, а споритъ съ Нимъ.

Но есть и другое богомильское сказаніе о сотвореніи Сатанаиломъ человѣка. Низверженный съ неба Сатанаилъ укралъ у Бога солнце и душу. Утвердившись на водахъ, онъ утвердилъ (вколотилъ) солнце, насадилъ рай „и, произведши все это, слѣпилъ и Адама и пошелъ вложить (въ него) душу, которую укралъ отъ Бога, въ Адама, котораго слѣпилъ, и вложилъ ее отъ устъ, и она вышла ἐκ τοῦ ἀφεδρῶνος, и опять вложилъ ее ἀπὸ τοῦ ἀφεδρῶνος, и вышла изъ устъ; и, какъ ни часто онъ дѣлалъ это, исходила душа, не принуждаемая обитать въ слѣпкѣ, но выходила—иногда изъ устъ, иногда же ἐκ τοῦ ἀφεδρῶνος. И не будучи въ состояніи удержать ее въ жилищѣ, чтобы она оживила Адама, оставилъ ее, и лежало тѣло бездушное 300 лѣтъ, и послѣ этого размыслилъ князь и съѣлъ отъ всѣхъ нечистыхъ животныхъ, какъ змѣя, скорпіонъ, собака, кошка, лягушка, лисица, волкъ, гіена и т. п...,— тогда вошелъ въ слѣпокъ Адама, который онъ слѣпилъ, и вложилъ душу отъ устъ и положилъ руку свою снизу

---

1) Зигабенъ, гл. VII, стр. 12 и сл.

2) Лавр. Лѣт., изд. арх. ком. стр. 172.

τοῦ ἀφεδρῶνος, чтобы воспрепятствовать ей выходить... и заперши ее въ слѣпкѣ, изрыгнулъ тѣ зловонія, которыя съѣлъ поганый, отъ устъ Адама поверхъ души, и была осквернена душа и осталась въ храминѣ, и былъ рожденъ Адамъ, и, поэтому-де, когда бываетъ разсерженъ человѣкъ, измѣняется какъ змѣя, и какъ песъ и какъ, говоря, что душа отъ того зловонія принимаетъ пищу отъ всѣхъ животныхъ" [1]). Опачканіе души Адама нечистотами напоминаетъ другой апокрифъ о твореніи человѣка, взятый изъ того же самаго „свитка божественныхъ книгъ", гдѣ—и „сказаніе о тиверіадскомъ морѣ". Это—„сказаніе, како сотвори Богъ Адама". Когда Господь творилъ человѣка въ землѣ Мадіамской и пошелъ брать для него очи отъ солнца, оставивъ Адама одного лежащимъ на землѣ,—„пріиде же окаянный Сатана ко Адаму и измаза его каломъ и тиною и возгрями. И пріиде Господь ко Адаму и восхотѣ очи вложити во Адама, и видѣ его мужа измазана; и разгнѣвася Господь на діавола и нача глаголати: окаянне діяволе, проклятый, не достоитъ ли твоя погибель? Что ради человѣку сему сотворилъ еси пакость, измаза его? и проклятъ ты буди,—и діяволъ исчезе, аки молнія, сквозь землю отъ лица Господня". Снявъ съ Адама нечистоты, Господь сотворилъ изъ нихъ собаку, велѣлъ ей стеречь Адама, а самъ ушелъ въ горній Іерусалимъ на дыханіе Адамово. „И пріиде вторые Сотона и восхотѣ на Адама напустити злую скверну", но напугался собаки, которая стала на него лаять. „Окаянный же Сотона, веземъ древо, и истыка всего человѣка Адама, и сотвори ему въ немъ 70 недуговъ". Когда пришелъ Іисусъ и спросилъ Сатану: „проклятый діаволе, что сотворилъ человѣку сему, почто вложилъ недуги сія?—Тогда отвѣща діаволъ, окаянный сотона Господу, глаголя: аще пріидетъ кая болѣзнь человѣку сему, да не постигнетъ, до скончанія всего тобя не помянетъ; аще ль поболитъ, кой недугъ въ немъ постраждетъ, тогда всегда тебя имать на помощь призываеши въ недузѣхъ сихъ". Господь прогналъ дьявола и обернулъ недуги внутрь Адама [2]). Человѣка здѣсь

---

[1]) Радченко. Неизвѣстн. сочин. Зигабена о богомилахъ. Нѣжинъ. 1902, стр. 5—6.

[2]) Пам. Ст. Руск. Л-ры. изд. Кушелевымъ-Безбородко, т.т. 3—4, стр. 12—13.

творитъ, какъ видно, не Сатана, а Богъ, но также, какъ выше, Сатана пакоститъ, но не душу, а тѣло Адама, и, какъ тамъ, гнѣвъ производится отъ нечистотъ Сатанаила, такъ здѣсь болѣзни производятся отъ того, что онъ истыкалъ палкой слѣпокъ Адама; словомъ, на этомъ апокрифѣ печать богомильства.

Въ творческой дѣятельности Сатанаила, по ученію богомиловъ, былъ еще одинъ моментъ насажденія рая [1]). И въ апокрифѣ онъ участвуетъ въ насажденіи рая, но вмѣстѣ съ Богомъ. „Тако егда насади Господь виноградъ въ раи, не быстъ ту тогда ни ангелъ, никтоже, токмо Господь и Сатанаилъ; и что повелѣ Господь садити, а Сатанаилъ крадя отъ всякаго сада, отъ Господа прорекована посредѣ рая. И рече Господь: тое будетъ тѣло мое, и я самъ ту буду, и будетъ тебѣ на прогнаніе".—Исшедъ вонъ и рече Сатанаилъ: Господи, благослови, елико насади. Господь рече: ту есмь азъ посредѣ рая. Егда изыде Сатанаилъ видѣти древо свое—древо же его изгна изъ рая, и почернѣлъ Сатанаилъ и быстъ дьяволъ" [2]). Интересно, что дерево, насажденное въ раю (видимо, древо познанія добра и зла), было виноградъ—черта чисто богомильская, „иже намъ бъхма не велять вкусити мясъ, ни вина, скверна во творяще" [3]). Правда, и церковь отрицательно относится къ пьянству, хотя не осуждаетъ вина, но въ Палеѣ исторической есть такая замѣтка: „Мнози оубо о древѣ животнѣмъ въ обличенихъ увѣдишася нѣкацѣхъ ови убо являютъ видѣніе древа, паче же прорицаять и видѣніе о овощехъ нѣкыхъ. едини смоковъ. друзіи же гроздъ. отъ обою бо право не глаголють" [4]) довольно ясный намекъ на богомиловъ.

Въ исторіи человѣчества по книгамъ Ветхаго Завѣта дьяволъ почти не играетъ никакой роли. Но въ новозавѣтныхъ книгахъ отъ дьявола были произведены многія событія изъ Ветхаго Завѣта. Эти новозавѣтныя толкованія ветхозавѣтныхъ сказаній были предлогомъ для перера-

---

[1]) „И когда сотворилъ (Сатанаилъ) землю и море и все, что въ нихъ, насадилъ же и рай". Радченко. Малоизв. соч. Е. Зигабена, стр. 5.

[2]) П. С. Р. Л-ры, 3, 7 стр.

[3]) Прав. Соб. 1864, II, 103 стр., ср. 100 стр.

[4]) А. Поповъ. Книга бытія небеси и земли, кн. 5.

ботки ихъ въ апокрифическія. Въ религіозной исторіи человѣчества дьяволъ, по апокрифамъ, является, какъ его злой геній, отъ котораго среди людей появилось зло, пороки, заблужденія, болѣзни, смерть и отъ темной власти котораго человѣчество спасено было только явленіемъ въ мірѣ Христа, Сына Божія, въ особенности Его смертью и сошествіемъ во адъ.

Библейскій змѣй. прельстившій Еву въ Новомъ Завѣтѣ былъ истолкованъ, какъ дьяволъ и Сатана (Апок. 12, 8; ср. 20, 2 ст.). Въ апокрифѣ искушаетъ уже не змій, а дьяволъ, принявшій на себя образъ ангела свѣта (2 кор. 11, 14). „Тогда приде діаволъ яко ангелъ свѣтелъ и рече к намъ: что рече Богъ ясти или не ясти въ раи?—Адамъ рече: повелѣ намъ ясти токмо едино древо, рече: но блюстися отъ него. Діаволъ рече: много жалоую васъ, понеже не разоуместе: аще ли бысть отъ него сиели и былибъ есте яко и бози. И то рекъ отиде. И обрѣте змію—мнящи яко ангелъ есть—приде ко мне и показа ему плодъ отъ дрѣва, и яко видѣхъ змію—любима есть Богу развіе всихъ вѣщей—и взяхъ отъ неа и си едохъ. И егда снѣдохъ и сердце мое возмутится во мнѣ и возвахъ Адама, рекъ, приди ко мнѣ и видиши чюдо велико,—азъ есми оуста отверзохъ и языкъ мой во мнѣ самъ глаголаше. И сьяде Евга и дастъ и Адаму, и пріатъ Адамъ съяде, и отверзошася очи наши и видѣхомъ наготу свою и сердце наше восхотѣ на похоть и бысть тако“ [1]). Апостолъ Павелъ въ одномъ посланіи говоритъ объ Іисусѣ Христѣ: „Истребивъ ученіемъ бывшее о насъ рукописаніе, которое было противъ насъ, и Онъ взялъ его отъ среды и пригвоздилъ ко кресту: отнявъ силы у начальствъ и властей, властно подвергъ ихъ позору, восторжествовавъ надъ ними Собою“ (Колосс, II, 14—15). Объ этомъ истребленномъ на крестѣ рукописаніи поется и въ церковномъ богослуженіи, напр.: „иже въ шестый день же и часъ на крестѣ пригвождей въ раи дерзновенный Адамовъ грѣхъ. и согрѣшеній нашихъ рукописаніе раздери, Христе Боже, и спаси насъ“. Слова о рукописаніи, понятыя буквально, дали мотивъ соотвѣтствующему апокрифу. Такихъ сказаній о рукописаніи Адама собственно

---

[1]) П. С. Р. Л-ры, 3, стр. 2.
[2]) П. С. Р. Л-ры.

три. По первому сказанію, по изгнаніи изъ рая, Адамъ плакалъ о томъ, что онъ больше не увидитъ свѣта. „Приде же къ нему діаволъ и глагола ему: что ся стонеши и рыдаеши? Адамъ же рече: свѣта ради пресвѣтлаго сокрывшагося мене ради.—Діаволъ рече емоу: азъ ти дамъ свѣтъ запишись ми рукописаніемъ и родъ свой и чяда. Адамъ же свѣта ради дасть ему роукописаніе и написа тако: чий есть свѣтѣ, того азъ и чяда мои,—и приде день и свѣтъ восія по всей вселенней; дьяволъ же веземъ рукописаніе Адамле, сокрый и" („Въ Іорданѣ подъ каменьмъ, гдѣ Христосъ крестился)" [1]).

По другому сказанію, по изгнаніи изъ рая, Адамъ запрегъ воловъ и сталъ пахать землю. „И пріиде дияволъ: „не дамъ ,тебѣ земли работати, понеже моя есть земля, а божія суть небеса и рай; да аще хощеши мой жити, то и землю тяжи; аще хощеши божий быти, то иди въ рай". Адамъ же рече: Божія суть небеса и земля и вселенная". Дияволъ же не дастъ ему орати, глаголаше ему: „напиши мнѣ рукописаніе свое, да еси мой, тогда мою землю работай". Адамъ рече: „чья есть земля, того есми и азъ и чада моя". Вѣдяше бо Адамъ, яко Господь снити хощетъ на землю и родитися отъ дѣвы. ,Дьяволже обрадовася велико и рече: „тако запиши мнѣ". И взятъ плеча и написа рукописаніе си и рекъ: „чья есть земля, того и азъ, и чада моя. И діаволъ взя рукописаніе адамово и держаніе" [2]). Въ пс. 73-мъ говорится: „ты стерлъ еси главы зміевъ въ водѣ, ты сокрушилъ еси главу зміеву" (ст. 13—14).

Въ пѣснопѣніяхъ на крещеніе Господне эти слова прилагаются ко Христу. напр.: „опали струею зміевы главы пещный высокій пламень" и пр. Это послужило мотивомъ для новаго сказанія о рукописаніи Адамовомъ. По этому сказанію, Каинъ „скверкавъ" родился на груди, и на челѣ у него было 12 главъ зміиныхъ, которыя терзали Еву, когда она кормила грудью Каина, такъ что она „окрастовила".

Въ такой бѣдѣ къ Адаму пришелъ дьяволъ и предложилъ ему сорвать съ Каина змѣиныя головы, если онъ дастъ ему рукописаніе: „заколи козлища и знаменуй на

---

[1]) Ср. Лавр. Лѣт., стр. 86.

[2]) Тихонр. П. О. Р. Л-ры, 1, 4, 12; П. С. Р. Л-ры 3, 2 и пр.

камени, еже дамъ ти и рече сице; живый Богу, а мертвыя тебѣ". И сотвори Адамъ тако, якоже повелѣ ему діяволъ, и принесе ему плиту велію каменную, и закла Адамъ козлища, и источи кровь въ сосудъ, и омочи оби руцѣ свои въ крови той, и положи руцѣ свои на плиту бѣлаго камня и вообразися руцѣ адамовы на плитѣ той. И пріиде діяволъ къ Каину и оборва дванадесять главъ зміиныхъ, положи ихъ на камень, и на рукописаніе то и вверзе оную еже во Іорданъ рѣку и заповѣда діаволъ главамъ зміевымъ стрещи то рукописаніе и бѣ хранима тѣми главами зміевыми до пришествія Господа нашего Іисуса Христа" [1]).

Въ апокрифической исторіи Адама и Евы разсказывается еще о другой попыткѣ дьявола искусить Еву въ образѣ свѣтлаго ангела въ то время, когда Адамъ каялся въ Іорданѣ, но эта попытка ему не удалась [2]).

Іисусъ Христосъ называетъ діавола „человѣкаубійцей искони" (Іоан. 8, 44), а въ посланіи Іоанна говорится: „Каинъ... былъ отъ лукаваго и убилъ брата своего" (I Іоан. 3, 12).

Въ апокрифѣ объ убійствѣ Авеля Каиномъ уже играетъ роль діаволъ. „И рече Каинъ ко Авелю: „пойдемъ на поле"; и бысть егда быти имъ на поли, и оумысли Каинъ оубити брата своего Авеля и не оумѣяше, не бѣ бо кто кого убилъ; но наоучи его сатана, рече: возми камень и оудари во главоу",—онъ же наземъ камень и оуби брата своего Авеля" [3]).

Во время потопа дьяволъ хотѣлъ погубить человѣчество. „Искони же ненавистникъ діаволъ поревна роду человѣчю и прикоснуся къ женѣ Ноевѣ, и рече діяволъ: испытаи, гдѣ ходить мужь твой.—Она же рече: крѣпокъ есть мужъ мой, не могу испытати его.—И рече діаволъ: надъ рѣкою растетъ трава, вьется около древа, и ты, наземъ травы тоя, скваси съ мукою; да пои его—исповѣсть ти все. Единого же пріиде Ной по обычаю изъ горы пища ради; исхожаше бо въ 3 мѣсяцъ во всю 7 лѣтъ; сшедши же, рече женѣ своей: дай же ми квасу, яко вжаждахся

---

[1]) Тихонравовъ. П. О. Р. Л-ры, I, 16 стр.

[2]) ibid; 1, 4—5, 13; П. С. Р. Л. III, 2 стр.

[3]) П. С. Р. Л-ры, III, 9; ср. Лавр. Лѣт. 87. П. О. Р. Л. II, 248 и пр.

отъ дѣла своего. Она же нальяша чашу и дасть ему. Ной же испивъ, и рече: есть ли еще? Испивъ же три чаши, и возлеже опочити, якоже веселъ сотворися Ной. Она же нача ласковыми словесы воспрошати его, онъ же не исповѣда ей, она же болѣ нача діявольскимъ ученіемъ и ласканіемъ, около его льстивыми словесами. Онъ же рече ей: посла Богъ ангела своего ко мнѣ и рече ми: хощеть Богъ потопити землю, и повелѣ мнѣ сотворити ковчегъ и внити въ него мнѣ съ тобою и съ сынами и съ женами ихъ. Се уже создахъ его 7 лѣтъ.—И се рекъ, иде на гору и видѣ ковчегъ разоренъ и бысть яко прахъ". Ной создалъ новый ковчегъ, вошелъ въ него съ семьей, созвалъ ударами въ било всѣхъ животныхъ. „Діаволъ же, не хотя добра роду человѣчю, но хотя весь міръ погубити, и прикоснуся къ женѣ Ноевѣ и рече: не ходи безъ моего слова въ ковчегъ къ Ноеви". Когда выступила вода и истребила все живущее на землѣ, тогда не поиде жена Ноева въ ковчегъ по діяволю ученью. Ной же нача звати, глаголя: поди въ ковчегъ; она же идяше, дожидающася слова, еже рече бѣсъ: поди, окаяница, поди прелестница окаяная". Она же стояше, ждуще. Егда Ной рече: поди д... въ ковчегъ", она же поиде, и діяволъ съ нею вниде же въ ковчегъ".—„Тогда окаянный діяволъ хотяше потопить весь родъ человѣчъ и превратився мышью, и нача грысти дно ковчегу. Ной же помолися Богу... и прысни лютый звѣрь, и выскочиста изъ ноздрій его котъ и кошка, и скочиша и удавиша мышь, - и не избысть діяволе злохитрство" [1]. Мотивъ охмѣленія Ноя могъ быть данъ Библіей (Быт. 9, 20—21), но вѣроятнѣе, что это сказаніе принадлежитъ богомиламъ, такъ отрицательно относившимся къ вину и къ женщинѣ.

Для Новаго Завѣта вообще характерно признаніе идолопоклонства—областію діавола (1 Кор. 10, 20—21; Откр. 9, 20, ср. 2, 13 и пр.).

По апокрифамъ дьяволъ соблазнилъ людей послѣ потопа въ идолопоклонство. „Посемь же дьяволъ въ большее прельщенье вверже человѣки, и начаша кумиры творити, ови древяны, ови мѣдяны, а друзіи мрамаряны, а иные златы и серебряны; и кланяхуся имъ, и привождаху

---

[1]) П. С. Р. Л-ры, III, 17—18 стр.; Тихонравовъ II. О. Р. Л-ры, II, 250 стр.; Франко, Памятки... I, 36.

сыны своя и дъщери, и заколаху предъ ними, и бѣ вся земля осквернена. Начальникъ бо бяше кумиротворенью Серухъ. творяшеть бо кумиры во имяна мертвыхъ человѣкъ, овемъ бывшимъ царемъ, другомъ храбрымъ, и волъхвомъ, и женамъ прелюбодѣицамъ“ [1]). Послѣ этого ветхозавѣтнаго апокрифа о дѣятельности дьявола почти не упоминается. Въ рѣдкихъ сказаніяхъ говорится только о томъ, какъ онъ затворилъ всѣ пути къ Аврааму, „да не прейдетъ гость въ домъ его“ [2]); или: „не бе фараонь безъ діаволя поученіа, темъ же виде надъ собою многы казни, не пущаша бо людий еврейскыхъ, но погна въ след ихъ и моремъ потопленъ быст“ [3]); какъ жена Пентефрія по его дѣйству уязвилась „сатаниною“ любовью къ Іосифу [4]) и пр.

Съ пришествіемъ Христа на землю начинается Его побѣдоносная борьба съ дьяволомъ. Въ Евангеліи разсказывается, какъ искуситель хотѣлъ прельстить Іисуса и, такимъ образомъ, подчинить его себѣ, но не успѣлъ въ этомъ (Мѳ. 4. 1—11 ст. и паралл.). Послѣ этого началась побѣда Христа надъ бѣсами, мучившими больныхъ (Лук. 13, 16) и особенно бѣсноватыхъ (Мрк. 1, 25; 5, 8; 9, 25; Лк. 8, 32. 33 и пр.), надъ смертью (Лк. 7, 14; 8, 54; Іоан. 11 гл.), областью Сатаны (Дѣян. 26, 18) и пр. Христосъ говоритъ, что Онъ видѣлъ сатану спадшаго, какъ молнія съ неба (Лк. 10, 18), что „князь міра сего“ уже осужденъ (Іоан. 16, 11) и будетъ изгнанъ (Іоан. 12, 31). Но, какъ актъ окончательнаго разрушенія дѣлъ діавола (1 Іоан. 3, 8), въ Новомъ Завѣтѣ разсматривается смерть Іисуса Христа (Евр. 2, 14), послѣ которой Христосъ сходилъ съ проповѣдью къ душамъ, томившимся въ адѣ (1 Петр. 3, 18—19) и побѣдилъ темныя силы (Колос. 2, 14 15); Сатана былъ связанъ на 1000 лѣтъ (откр. 20, 1—3).

Характеръ апокрифическихъ сказаній о Христѣ—борцѣ съ царствомъ Сатаны—хорошо выраженъ у лѣтописца, „что ради отъ жены родися, и на древѣ распятся и во-

---

[1]) Лавр. Лѣт., 89 стр.

[2]) Франко, Памятки русско-украиньскоі мови и литератури, Львов 1896, I, 86.

[3]) Франко, Памятки русско-украиньскоі мови. Львов. 1896, I, 132—133.

[4]) ibid, 112 стр.

дою крестися?..—Сего ради, понеже родъ человѣческій женою съгрѣши, дьяволъ прельсти Евгою Адама, и отпаде рая; такоже и Богъ, отместье дая дьяволу, женою бо первое испаде Адамъ ис рая; отъ жены же воплотився Богъ повелѣ въ рай внити вѣрнымъ. А еже на древѣ распяту быти, сего ради, яко отъ древа вкушь и испаде породи; Богъ же на древѣ страсть прия, да древомъ дьяволъ побѣжденъ будеть и отъ древа животь примуть праведнии. А еже водою обновленье, понеже при Нои умножившемъся грѣхомъ на человѣцѣхъ, наведе Богъ потопъ на землю, и потопи человѣки водою, сего ради рече Богъ: понеже погубихъ водою человѣки грѣхъ ихъ ради, нынѣ же паки водою очищю грѣхи человѣкомъ обновленьемъ водою" [1]. Но нѣтъ нужды приводить апокрифы о рожденіи Христа, „о древѣ крестномъ"...—Въ апокрифическомъ, „словѣ о Іисусѣ Христѣ, о Господѣ нашемъ", соотвѣтствующемъ Евангельскому разсказу объ искушеніи Христа въ пустынѣ, Христосъ постится съ учениками 40 дней, да преприть діавола". „Слышавъ же діаволъ—алчбу творить Ісусъ—разгнѣвався великимъ гнѣвомъ, и шедъ ста предъ Нимъ. И рече Ісусъ: „откуда еси?"—Діаволъ же отвѣща ему: „азъ тебѣ глаголю, откуду еси ты, отъ коея страны?" Глагола ему Ісусъ: „съ небесъ, отъ вышнихъ силъ"—и рече Ему діаволъ: „иди ты на небо и сяди на престолѣ Своемъ; твоя суть небеса, а моя суть земля"... Послѣ такого „прѣнія" съ Іисусомъ „и взыде діяволъ на гору и возратися отъ Господа, и ту видѣ тму совокуплены бѣсы, и рече сатана бѣсомъ: „чада моя, укрѣпитесь и утвердитесь, Ісусъ, великій супостатъ нашь, пришелъ есть насъ погубити"...

Рече діаволь слугамъ своимъ: „подите вы со мною и азъ съ вами". Идущимъ же имъ, взыде прахъ отъ діавола, и видѣша ученицы Господни горы трясущися и глубина мятущися, и видѣша ученицы Господни вихремъ д... и глаголы слышашась, и трепетъ пріятъ и снидоша со Іисусомъ съ горы единнадесять поприщь... И повелѣ Господь облакомъ преити на землю съ мольніями, и исхитивъ діавола, обѣсили стремглавого за пяты; той сотвори Господь единомъ гласѣ, и силы его разгна яко дымъ, и слуги его. Глаголють же бѣси, вопіюще: „что ся мы здѣемъ небози,

---

[1]) Лавр. лѣт., 192 стр. ср. П. С. Р. Л-ры, 3, 173 стр.

а не бѣжимъ въ пещеры, се уже князя нашего обѣсиху стремглавого во облацѣхъ небесныхъ". Тогда видѣ діаволъ — скончася слово, еже рече Господь и рече діаволъ: „Господи, помилуй мя и не погуби мене, но пусти мя на землю". И то рече діаволъ, и наполни уста своя храпанія великаго. и восклонивсся, хотѣ хитити Ісуса. Глагола Ісусъ: „мыслиши мя хитити, діаволе: ни плюну на тя, ни дууу, слина бо моя свята есть, а уже дуну на тя вѣтръ изо устъ Моихъ: духъ святъ есть; еще не бойся, Сатана съ тобою не буду, буду честенъ вышнему" [1]).

Выше мы приводили апокрифъ о зміевыхъ главахъ и о рукописаніи Адамовомъ. Это рукописаніе лежало въ водахъ Іордана до пришествія Христа подъ охраной зміевыхъ головъ. „И егда пріиде (Христосъ) на Іорданъ ко Іоанну креститися нашего ради спасенія, тогда зміевы главы сташа въ струяхъ іорданскихъ противу Господа, и сокруши зміевы главы сокрушены, тогда взя діаволъ и останокъ того рукописанія и внесе во адъ, идѣ же заключени быша святіи. Егда Господь нашъ Іисусъ Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, тогда и останокъ того рукописанія растерза и заглади" [2]).

Сказаніе объ этомъ побѣдоносномъ схожденіи Христа во адъ, давшемъ начало многимъ пѣснопѣніямъ страстной и пасхальной седмицы (напр.: „снизшелъ еси въ преисподняя земли и сокрушилъ еси вереи вѣчныя, содержащія связанныя, Христе, и тридневенъ, яко отъ кита Іона, воскреслъ еси отъ гроба"), читаемъ въ апокрифическомъ евангеліи Никодима, но встрѣчаемъ и въ другихъ памятникахъ. „Егда невидимъ бысть отъ креста, читаемъ въ вопросахъ св. Варѳоломея, тогда снидохъ въ адъ, изведохъ Адама и вся патреярхи, Авраама, Ісаака, Іакова; егда же снидохъ со ангелы своими во адъ, да стру твердыя затворы і мѣдяныя затворы сломлю, і глаголаше адъ ко дьяволу: вижю азъ, якоже Богъ на землю сниде. І зваху ангели ко властемъ, глаголюще: возмѣте врата князи ваши, отімете врата вѣчная, се бо сходить царь славы; ад же рече: хто есть царь славы, сходяй съ небесѣ къ намъ? Егда же снидохъ. 500. степеніи, и смятесе адъ, глаголя:

---

[1]) П. С. Р. Л-ры, III, 86, 87; Тихонравовъ, П. О. Р. Л-ры II, 282, 285; Франко, 2, 196—200, 200—203.

[2]) Тихонравовъ. П. О. Р. Л-ры, I, 17 стр.

слышно оубо вышнему дышющю і не могу стерпѣти. Дьяволъ же отвѣща, глаголя: не покоряіся, аде, но оукрѣпися, самъ бо Богъ на землю не сниде. Егда же снидохъ 2-ю. 500 степениі, і звахуть ангели и силы: возмете врата, отимѣте, се бо царь славы сходить.—І глагола ад: о лютѣ мнѣ, яко дыханіе Божіе слышю.—І глагола дьяволъ ко аду: что мя. оужасаеши, аде, пророкъ есть, і оуподобился Богу, пророка того імеве і приведемъ его сѣмо, ко мнящимъся взыти на небеса.—І рече адъ: хто есть отъ пророкъ, повѣждь ми, Енохъ ли, правдѣ писатель, но не попусти ему Богъ спити на землю прежде кончанья 6.000 лѣтъ, Илью ли глаголеши местителя, но прежде не снидет(ъ). Что сотворю, яко отъ Бога пагуба есть, оуже бо скончанье наше есть, імамъ бо число въ руку моею.—Разумѣвъ же дьяволъ, яко слово отчее на землю сходитъ, і рече къ нему: не боіся, аде, оутвердивѣ врата і оукрѣпивѣ верея своя, самъ бо Богъ на землю не снидетъ. — І рече адъ: гдѣ скрывѣся отъ лица Божія, великаго царя, остави мя, не противися, прежде бо тебе азъ сотворенъ быхъ, І тогда сотроша мѣдяная врата, і верея желѣзная сломи, и шедъ, яхъ его, и бихъ его 100-мъ ранъ і связахъ его оузами нерѣшимыми, ізведохъ Адама і вся патреярхи“ [1]).

Дьяволъ побѣжденъ; судьба его, однако, еще не рѣшена. Онъ попрежнему сѣетъ зло среди людей. Ему еще принадлежитъ роль въ будущемъ человѣчества. Но объ этомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи.

II.

Миѳологическія черты въ древне-русскомъ бѣсѣ.

Бози языкъ—бѣсове. Пс. 95.

Предыдущее достаточно опредѣляетъ демонологическія представленія въ др.-русской литературѣ. Но для пониманія ихъ мы должны выдвинуть на первый планъ еще одну сторону въ этихъ представленіяхъ: миѳологическія черты въ др.-русскомъ бѣсѣ.

---

[1]) П. С. Р. Л-ры, Ш, 109 стр.; ср. Пономаревъ, Пам. др.-русск. ц. учит. л-ры, I, СПБ. 1894, стр. 148 и др.

Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Коринѳ намъ писалъ: „язычники, принося жертвы, приносятъ бѣсамъ, а не Богу; но я не хочу, чтобы вы были въ общеніи съ бѣсами. Не можете пить чашу Господню и чашу бѣсовскую; не можете быть участниками въ трапезѣ Господней и въ трапезѣ бѣсовской“ (1 Коринѳ. 10, 20—21). Такимъ образомъ, апостолъ язычниковъ считаетъ идоловъ за бѣсовъ [1]), а языческія жертвоприношенія называетъ бѣсовскими, которыми какъ будто питаются бѣсы. Точно также и въ Откровеніи читаемъ: ...„не покланяться бѣсамъ и золотымъ, серебрянымъ, мѣднымъ, каменнымъ и деревяннымъ идоламъ“ (Откров. 9, 20) Но таково же было сознаніе и первохристіанъ изъ язычниковъ. Переступая за порогъ христіанской церкви, язычникъ не оставлялъ своей вѣры въ реальность существованія языческихъ боговъ— онъ только считалъ ихъ теперь не богами, а бѣсами — прельстителями людей. Если раньше боги были его друзьями, то теперь они стали его врагами, съ которыми нужно было вести безпощадную борьбу не на жизнь, а на смерть. „Акты мученическіе полны разсказовъ о томъ, какъ тотъ или другой христіанинъ является въ капище идола и, вполнѣ раздѣляя языческое убѣжденіе въ существованіи языческихъ боговъ, при помощи заклинаній изгоняетъ обитающаго въ немъ бога. Такъ, Панкратій изгоняетъ демона изъ идола Фалько, почитаемаго въ одномъ сицилійскомъ городкѣ Тавроменіи, обращаясь къ нему съ такими словами: „Фалько, глухое, слѣпое и нѣмое животное! кто ты и что здѣсь дѣлаешь? сколько времени ты здѣсь живешь, обольщая созданія моего Бога и принимая отъ нихъ жертвы?“. Демонъ отвѣчаетъ ему: „260 лѣтъ я живу здѣсь и получаю жертвы и приношенія отъ города Тавроменіи, каждый годъ по три невинныхъ ребенка, семьдесятъ три жирныхъ и прекрасныхъ быковъ, свиней и нѣсколько ягненковъ.“—„Заклинаю васъ, злые демоны, продолжаетъ Панкратій, именемъ распятаго нашего Мессіи и Господа, соберитесь сюда отовсюду, возьмите изъ храма идола Фалько, бросьте его въ море на разстояніи 30 стадій отъ берега и сами вмѣстѣ съ нимъ низвержитесь въ глубину бездны“.

Въ концѣ 3 вѣка Евгеній изгоняетъ бѣсовъ изъ идола Трапезунтскаго, при чемъ на этотъ разъ изгнанію подверг-

---

[1]) Слово—„идолъ“– отъ греческаго „εἶδος“, видъ, т.-е. дьявола.

лись ни кто иные, какъ сами Дія, Артемида и Аполлонъ, которыхъ Евгеній удалилъ на необитаемые горы Кавказа"[1]).

Апологеты 2-го вѣка развиваютъ цѣлую философію религіозной исторіи человѣчества, по которой вся религіозно-нравственная жизнь греко-римскаго общества, какъ своимъ происхожденіемъ, такъ и содержаніемъ, обязана демонамъ.

Демоны же научили людей и ставить имъ изображенія или идолы, при чемъ эти изображенія не только носятъ ихъ имена, но и имѣютъ тотъ самый видъ, въ какомъ они являлись людямъ[2]).

При такомъ отожествленіи языческихъ боговъ съ демонами на образѣ демоновъ должны были остаться миѳологическія черты. Такъ оно и случилось. Въ древне-христіанскихъ и византійскихъ житіяхъ можно найти немало сказаній о явленіи бѣсовъ — античныхъ боговъ[3]). Въ такомъ видѣ классическіе боги перешли и на Русь и встрѣчаются, хотя и рѣдко, въ памятникахъ древне-русской литературы.

Вотъ, напр., сказаніе изъ апокрифическаго „Ипатіева мученія": „Плавающимъ же имь по мору. и быс діяволь въ образи старце. и въврьжесе въ море и видѣвше гл҃аше къ нему ипатію чл҃вче б҃жіи повели ему изыти изъ мора. да не злѣ оумретъ. ст҃ыиже г҃ла къ нимъ. чедца моя нѣс чл҃вкь діяволь хотеи насъ прѣльстити. нь да разумѣють. яко волею б҃жіею оудрьжа его и оурани его. И въста ст҃ы изъ кораба. и створь о х҃с знамѣніа. и запрѣти бѣсу не бегати. изшьд ст҃ыи ис кораба. ходи по мору яко по сухоу и пріішьдше оудрьжа его въ корабль. свѣзавь его за нозѣ. и обѣси его на вѣтриломь кораблямь. и въземь оть жезль корабныхъ. и начеть бити его и гл҃ати рьци ми ты кто еси. что сотворил еси. г҃ла и реч. ему пом҃луи ме ученіче истиннаго б҃а. даждь ми отраду. и г҃ла азь есмь ворохамь бесовомь начальникъ имамъ бо въ мори дѣланіа моя и пріидохъ здѣ. въздвигнути вльны яко потопити васъ и многа зла сътворихъ, якоже многихъ потопихъ. и аще ви ліши възвѣщати въсе отпусти ме. г҃ла

---

[1]) А. А. Спасскій. Вѣра въ демоновъ и пр., Богосл. Вѣст. 1907, 11, 361—364 стр.

[2]) Ibid., стр. 369—370.

[3]) Подробнѣе см. Шестакова, цит. сочин., особ. стр. 222—225.

къ нему ст҃їи ипатіе не трѣбуемь слишати отъ скврьнихъ ти оуста словеса нечіста. нь въ часъ сы послю те въ вѣчны огнь свезана“ [1]. Нетрудно узнать въ этомъ сказаніи повелителя морей Нептуна, хотя бѣсъ и называетъ себя фантастическимъ именемъ Ворохама.

Перешедши на Русь съ чертами античныхъ боговъ, бѣсъ подвергся здѣсь тому же самому процессу, что и въ первохристіанствѣ,— воспринялъ въ себя черты русскихъ языческихъ представленій. Болѣе подробное изученіе его съ этой стороны можетъ дать матерьялъ для изученія древне-русской языческой миѳологіи, который при скудости нашихъ свѣдѣній о др.-русскомъ язычествѣ долженъ быть признанъ очень цѣннымъ.

Русскіе пастыри-проповѣдники, прежде всего, развиваютъ теорію древнихъ церковныхъ писателей о томъ, что язычество было „оученьемъ дьяволемь изъобрѣтено потворенемъ темънаго бѣса [2]. Мы уже приводили апокрифическое сказаніе изъ начальной лѣтописи о происхожденіи идолопоклонства отъ дьявола. „Вельми завидитъ діаволъ, говорится въ „словѣ о небесныхъ силахъ“, родоу чл҃ческомоу, и не останетъ прельщая чл҃ки, и въ тварь прельсти вѣровати: в сл҃нце и въ мс ць и въ звѣзды, а иныя въ рѣки, и въ источники, и въ древа польская, и въ огонь, и въ звѣри, и въ иныя вещи многоразличныя, яже невозможно изрещи, и всѣхъ ихъ враги Бг҃оу сотвориша, и да яко самъ испаде изъ рая отъ Бога, тако и насъ отвращаетъ отъ Б҃га мечты своими... дабы емоу не единомоу быти во огни неоугасимомъ“ [3]. Эту святоотеческую теорію пастыри церкви прилагаютъ и къ новымъ церковно-историческимъ условіямъ. Состояніе Руси „въ поганствѣ“ по ихъ поученіямъ—это состояніе ея подъ властью бѣсовъ; принятіе ею христіанства — освобожденіе отъ бѣсовской прелести.

Вотъ что пишетъ лѣтописецъ.

Послѣ крещенія Руси „дьяволъ стеня глаголаше: увы мнѣ, яко отсюда прогонимь есмь. сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣ-

---

[1]) П. О. Р. Л-ры, т. 2, 133 стр.

[2]) Тихонр. Лѣтописи р. Л-ры и Др. IV, 98 стр.

[3]) Цит. по Азбукину, см. Русск. Фил. Вѣстн. 1896, ч. 35, 228 стр.; ср. Прав. Соб. 1859, I, 257 стр.

дуще Бога, но веселяхъся о служб҃ѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се уже побѣженъ есмь отъ невѣнгласа сего, а не отъ апостолъ, же отъ мученикъ, не имамъ уже царствовати въ странѣхъ сихъ [1]). Послѣ крещенія сѣть сокрушися и мы избавлени быхомъ отъ прелести дьяволя. И погибе память его съ шюмомъ, и Господь въ вѣкы пребываетъ, хвалимъ отъ русьскыхъ сыновъ, пѣваемъ в Троици, а дѣмони проклинаеми отъ благовѣрныхъ мужь и отъ вѣрныхъ женъ иже прияли суть крещенье и покаянье въ отпущенье грѣховъ" [2]).

То же самое лишь другими словами говоритъ и святитель Илларіонъ Кіевскій въ своемъ знаменитомъ словѣ „о законѣ и благодати": „И потыкающемся намъ въ путехъ погибели еже бѣсомъ въслѣдовати и пути ведущаго въ животъ не вѣдущемъ, къ сему же и изгнахомъ языки нашими, моляще идолы, а не Бога своего и Творца, посѣти насъ человѣколюбіе Божіе и уже не послѣдуемъ бѣсомъ, но ясно славимъ Христа Бога нашего" [3]); или: „тогда начатъ мракъ идольскій отъ насъ отходити и заря благовѣріа явишася, тогда тьма бѣсовскаго служенія погыбе и солнце евангельское землю нашу осія, капища разрушишася и церкви поставляются и иконы святыхъ являхуся бѣси побѣгааху, крестъ грады освящааше и пастыри словесныхъ овецъ Христовыхъ сташа епископы и прозвитеры и діакони бескверную жертву възносяще" [4]). Но этого мало.

---

[1]) Лавр. Лѣт., 115 стр.

[2]) Ibid., стр. 118.

[3]) Пономаревъ, Памятники др.-р. ц.-учит. л.-ры, I, 68 стр.

[4]) Ibid., стр. 71; ср. стр. 75: „скорчени бѣхомъ отъ бѣсовскія лсти" и пр.

Такое же отношеніе къ язычеству, но не славянскихъ, а финскихъ племенъ встрѣчаемъ въ житіяхъ Стефана Пермскаго, Трифона Печенгскаго и Трифона Вятскаго: „Бѣси бо, говорится въ первомъ житіи, похваливше оумъ и изволеніе Перми и исплъниша всю страну и землю ту прелести кумирьскыа". П. С. Р. Л-ры, IV, 136 стр. „Тое же земли вышепомянутый народъ лопарскій живущъ въ нечестіи и въ самомъ поганскомъ идолобѣсіи, яко звѣри дивіи, почитаху бѣсовъ, а кланяхуся дѣлу рукъ человѣческихъ и боготворяху гады и нощные нятопыри и иные ползущіе животные". Правосл. Соб. 1859, 2, стр. 98; ср. 99, 100.—Въ житіи Трифона Вятскаго читаемъ разсказъ о посѣченіи преподобнымъ вотяцкой священной ели, увѣшанной „утварью бѣсовской": серебромъ, золотомъ, шелкомъ, ширинками и кожей: „Обычай бо бѣ имъ, нечестивымъ по своей ихъ поганской вѣрѣ идольскія жертвы тво-

Языческіе боги на Руси и отожествлялись съ бѣсами. Очень интересно въ этомъ отношеніи древне русское слово „идолобѣсіе“, сохранившее въ языкѣ процессъ отожествленія боговъ съ бѣсами. „А си бози что сдѣлаша? — спрашиваетъ, по лѣтописи, варягъ Ѳеодоръ языческую толпу,— сами дѣлани суть, не дамъ сына своего бѣсомъ“ [1]).

Это очень напоминаетъ отвѣтъ первохристіанъ римскому трибуналу: „не хочу жертвовать идоламъ и злымъ нечистымъ духамъ“.

То же нужно сказать и объ отдѣльныхъ языческихъ богахъ. Перунъ съ серебряной головой и золотыми усами представляетъ изъ себя жилище бѣса, прельщающаго язычниковъ. „Перуна же, разсказываетъ лѣтописецъ, повелѣ привязати коневи къ хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужи пристави тети жезльемъ. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прельщаше симъ образомъ человѣкы, да возмездье приметь отъ человѣкъ“ [2]). А вотъ еще болѣе яркое мѣсто изъ лѣтописи, гдѣ Перунъ представляется живымъ дьяволомъ. „И пріиде епископъ Іоакимъ и требища разори и Перуна посѣче, что въ Великомъ Новгородѣ стоялъ на Перыни, и повелѣ повлещи и въ Волховъ; и повязавше ужи, влечаху и по калу, біюще жезліемъ и пхающе, и въ то время бяше вшелъ бѣсъ въ Перуна и поча кричати: о, горе мнѣ! охъ! достахся немилостивымъ судіямъ симъ. И вринуша его въ Волховъ. Онъ же пловяше сквозѣ великій мостъ, егоже безумніи упивающеся, утѣху творятъ бѣсомъ и заповѣда никому же нигдѣже не перенять его. И иде пидблянинъ рано на рѣку, хотя горинцы везти въ городъ. И пе-

---

рити подъ древомъ ту стоящимъ, и всякой злобѣ начальникъ врагъ-діаволъ вселися ту и обладаше древомъ тѣмъ, мечту творя всякимъ злоказньствомъ“.

Дьяволъ представляется здѣсь живымъ существомъ, живущимъ въ ели; за насмѣшки надъ деревомъ, за обкрадываніе съ него приносовъ и даже за ломаніе его вѣтвей виновныхъ постигаетъ наказаніе и даже смерть. Посѣченіе святымъ этого дерева рисуется, какъ актъ борьбы съ дьяволомъ: св. готовится къ нему 4 недѣли постомъ и молитвой, надѣваетъ на себя икону и рубитъ дерево, призывая на помощь имя Христово и Богоматери. Богъ помогаетъ ему въ этомъ. Житіе Т. Вятскаго. Казань, 1868, стр. 42.

[1]) Лавр. Лѣт., 81 стр.

[2]) Лавр. Лѣт., 114 стр.

рунъ приплылъ къ берегу. къ бервы. и отрину его шестомъ. и рече ему: перунище! досыти еси ѣлъ и пилъ а нынѣ прочь плови—и плы изъ свѣта некощное, сирѣчь во тьму кромѣшную“ [1]).

Въ такого же живого бѣса превратился и другой языческій богъ—Волосъ или Велесъ. Объ этомъ новообразовавшемся бѣсѣ мы узнаемъ изъ житія Авраамія Ростовскаго. „Видѣвъ же преподобный, читаемъ здѣсь, прелесть идольскую соущу (въ Ростовѣ), не оубо бѣ пріяша святое крещеніе, но чюдесный конецъ покланяшеся идолу камену [2]); омрачени бо суть сердца ихъ, бѣсу злу живущу, яко близъ его никому же смѣяти ходити путемъ тѣмъ, и мечьты творяще, мечеть бо христіаньскы творяше страшилища злымъ омраченіемъ“.

Преподобный сталъ молиться, чтобы Богъ далъ ему силу сокрушить идола. „И не възможе. Не дадяше бо ни близъ себѣ окаянный пріити злымъ влъшествомъ своимъ“.

Велесъ оказался настолько могущественнымъ бѣсомъ, что для борьбы съ нимъ святому помогла только сверхъестественная сила: ему явился апостолъ Іоаннъ и далъ ему свою трость, которою Авраамій и „ибоде“ Велеса [3]).

Относительно перехода въ бѣса другихъ языческихъ боговъ, упоминаемыхъ въ другой русской письменности, мы не знаемъ такихъ яркихъ мѣстъ, хотя всѣ они вообще называются бѣсами [4]). Можетъ быть, это потому, что культъ этихъ боговъ не имѣлъ такой всеобщей распространенности, какъ культъ Перуна и Волоса.

Кромѣ стихійныхъ боговъ, славянинъ признавалъ также цѣлый рой своихъ сосѣдей, стихійныхъ обитателей: лѣшихъ, водяныхъ, домовыхъ, берегинь (русалокъ), упырей и пр. Съ принятіемъ христіанства всѣ эти существа пополнили ряды христіанскихъ бѣсовъ. Въ народномъ сознаніи они настолько слились съ бѣсами, что одинаково, напр., сказать: „ступай къ лѣшему!“ или „пошелъ къ чорту!“

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 207 стр.

[2]) Ниже онъ называется Велесомъ.

[3]) Пам. С. Р. Л-ры, I, 221—222 стр.

[4]) „И постави (Володимеръ) кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, нарицюще я богы, и привожаху сыны своя и дъщери и жряху бѣсомъ“. Лавр. Лѣт., стр. 77.

Но встрѣчаемъ мы эти существа и въ древне-русской письменности, перешедшими въ христіанскій пантеонъ.

Въ житіи Евфросина Псковскаго читаемъ такой интересный разсказъ. Нѣкогда святой пошелъ во „внутреннюю пустыню". И вотъ его встрѣчаетъ дьяволъ въ видѣ одного знакомаго „изорника" (человѣка, орущаго, пашущаго изъ части) лицомъ къ лицу, поклонился ему и изъявилъ желаніе идти вмѣстѣ съ нимъ. Дьяволъ шелъ быстрой походкой и постоянно забѣгалъ впередъ.

Всю дорогу онъ занималъ преподобнаго разговорами: „повѣда блаженному отцу недостатки домовыя и обида ему и насиліе отъ нѣкоего, а съ инымъ котораxся, а со инымъ крамолихся и тяжбы ми есть и судъ". Святый по обычаю сталъ скорбѣть о немъ и печаловаться, обѣщая ему помочь, и началъ учить его о смиреніи: „чадо, буди въ обидахъ и тяжбахъ и предъ насильники кротокъ, сердце имѣй смирено и душу милостиву: писано бо есть, чадо: гордымъ Богъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать", не подозрѣвая, что его спутникъ—самъ дьяволъ. Когда св. увлекся разговоромъ, онъ вдругъ замѣтилъ, что заблудился: не можетъ узнать мѣста и вспомнить дорогу ни къ монастырю, ни къ мѣсту своего путешествія. Его спутникъ вызвался показать ему дорогу, пошелъ впереди своей торопливой походкой, но только еще болѣе сбилъ съ пути. День уже догоралъ, наступилъ вечеръ. Святой всталъ на колѣни и началъ читать „Отче нашъ". Но когда онъ еще произносилъ: „но избави насъ отъ лукаваго" („и слово бѣ во устѣхъ его"), его проводникъ началъ быстро таять, какъ дымъ, разошелся по воздуху и сталъ невидимъ. Преподобный пришелъ въ сознаніе и увидѣлъ, что онъ въ непроходимой пустынѣ въ лѣсной чащѣ на кручѣ горы, надъ пропастью, и понялъ что „облуди его врагъ отъ обители вдалѣ пять поприщъ" [1]). Нетрудно узнать въ этомъ дьяволѣ родного русскаго лѣшаго, хотя дьяволъ и не называется этимъ именемъ, который сбиваетъ съ пути, затемняетъ сообразительность путника и заставляетъ его иногда погибнуть. Это тоже самое христіанизованное языческое представленіе, которое позднѣе художественно-вѣрно схвачено было Пушкинымъ:

---

[1]) П. С. Р. Л-ры, IV, 78, 79.

„Хоть убей, ни зги не видно!
„Сбились мы; что дѣлать намъ?
„Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
„Да кружитъ по сторонамъ".

(„Бѣсы").

Въ отвѣтахъ митрополита Іоанна II-го черноризцу Якову упоминается о жертвахъ „бѣсомъ и болотомъ и кладяземъ" [1]). Точно также и въ словѣ съ именемъ Іоанна Златоустаго „о томъ, како первѣе языци кланялися идоломъ", говорится: „а друзии къ кладязѣмъ приходяще молятьс, и въ водоу мечютъ велеару жертву приносяще" [2]). Это говорится, конечно, о водяномъ, котораго въ видѣ бѣса же мы встрѣчаемъ и въ житіи. Вотъ одно „чудо" изъ житія Іова Ущельскаго: „Ѣхали черезъ Мезень рѣку въ лодкѣ Нисогорской волости Фока съ братьею Петровы дѣти на пашню свою и плавили лошадь, и выѣхали до полурѣки, и найде на нихъ духъ нечистый водный и нача лошадь топити; они же лошадь держаху, а нечистый духъ яве хождаше аки рыба велика волнами и нападаше на лошадь и за лодку хваташе, потопить хотя; они же веслы біюще его отрѣюще, и возопиша, плачуще со слезами: святый Ущельскіе пустыни! помози намъ и не дай насъ потопити нечистому духу. И въ томъ часѣ невидимъ бысть и отпустилъ лошадь ихъ, и переѣхаша рѣку, а лодка уже полна воды и не погрязнула" [3]).

Въ одномъ древне-русскомъ поученіи встрѣчаемъ упоминаніе „о проклятомъ бѣсѣ хороможителѣ", котораго въ новосельи хозяинъ встрѣчаетъ „съ кошкою черною и съ курою чернымъ", т. е. о домовомъ [4]). Въ Кіево-Печерскомъ патерикѣ мы встрѣчаемъ нѣсколько разсказовъ про его шалости.

Однажды къ Ѳеодосію Печерскому пришелъ монахъ „отъ единыя веси монастырскія" и сообщилъ, что въ хлѣвѣ, куда загоняли скотину, живутъ бѣсы и вредятъ скотинѣ, не давая ей ѣсть. Много разъ священникъ молился тутъ и кропилъ св. водою, но это не помогало.

---

[1]) Ист. Библ. VI, 15.
[2]) Тихонрав., Лѣтописи, IV, 108 стр.
[3]) Ключевскій. Житія свв., какъ историческій источникъ. Прилож.
[4]) Востоковъ. Опис. ркп. Рум. Муз., стр. 552.

Ѳеодосій отправился въ это село, подъ вечеръ вошелъ въ хлѣвъ и, затворивъ за собою дверь, всю ночь до утра пробылъ тамъ на молитвѣ; съ тѣхъ поръ бѣсы не появлялись и не творили никому на дворѣ пакости“ [1]). Могутъ возразить, что домовой — дѣдушка добрый, бережетъ хозяйское добро, обхаживаетъ скотину, и что это—не онъ. Но иногда онъ и дуритъ: это, во-первыхъ, когда скотина „не ко двору“, во-вторыхъ, когда „домовые дерутся“, и на дворѣ хозяйничаетъ чужой домовой; наконецъ, бываетъ одинъ день въ январѣ, когда домовому не по себѣ и нужно бываетъ погулять. Вотъ и здѣсь онъ раздурился въ одну изъ подобныхъ минутъ. Въ житіи Ѳеодосія же передается другой подобный же разсказъ. Бѣсы стали творить „многу пакость“ въ монастырской хлѣбнѣ, иногда разсыпая муку, иногда разливая квасъ, приготовленный для квашни. Старшій пекарь пошелъ къ Ѳеодосію и разсказалъ ему объ этихъ непріятностяхъ. Ѳеодосій затворился въ хлѣбнѣ, и промолился въ ней до утра, и бѣсы успокоились“ [2]). Это—разсерженный чѣмъ то домовой, вѣроятно, тѣмъ, что ему не оставили припаса.

Есть и еще одинъ подобный разсказъ въ томъ же патерикѣ: одному брату по имени Ларіону „многу пакость“ творили злые духи въ келліи,—каждую ночь, когда онъ ложился спать, къ нему приходило множество бѣсовъ и, взявши его за волосы, волочили съ пинками; а другіе, поднявши стѣну, кричали: „сѣмо да влеченъ боудетъ, яко да стѣною подавленъ боудетъ“. Бѣсы довели его, наконецъ, до того, что онъ пришелъ съ жалобой на нихъ къ Ѳеодосію и высказалъ ему свое намѣреніе перейти въ другую келлію [3]).

Впрочемъ, этому разсказу можно подыскать и нѣкоторыя паралели въ другихъ житіяхъ и найти ихъ византійскій первоисточникъ [4]).

Въ „повѣсти о бѣсноватой женѣ Соломоніи“ бѣсы тащатъ ее „въ воду“, оставляютъ ее „овогда на лѣсу, овогда на полѣ“, приносятъ ее топить „на нѣкое блато“.

---

[1]) Яковлевъ, Памятники, 46 стр.
[2]) Тамъ же, 23 стр.
[3]) Тамъ же, 32 стр.
[4]) См., напр., у Кадлубовскаго, Очерки, стр. 16—17.

Они болѣе похожи на водяныхъ, на лѣшихъ и на болотныхъ чертей, чѣмъ на византійско-церковныхъ бѣсовъ [1]).

Въ бѣсовъ превратилось даже языческое „навье" („мертвецы, отъ navis, мертвый). Въ Лаврентьевской лѣтописи читаемъ: „Предивно бысть Полотьскѣ въ мечтѣ, бываше въ нощи тутѣнъ, стеняше по улици, яко человѣци рищуще бѣси; аще кто вылѣзяше ис хоромины, хотя видѣти, а бы уязвенъ будете невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ тою умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ; по семь же начаша в дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди Полоцкиа и его область; тѣмъ и человѣцы глаголаху: яко навье бьютъ полочаны" [2]). О нихъ же читаемъ въ вышеупомянутомъ словѣ Іоанна Златоустаго, гдѣ осуждается сл. обычай: многіе, говорится здѣсь, „мнящеся крестьяны, а поганска дѣла творять. и попелъ посредѣ сыплють. и процовѣдающе мясо и молоко. и масла и яица. и вся потребная бесомъ. и на пещь льюще въ бани. мытися имъ велятъ. чехолъ и убрусъ вѣшающе въ мовници. Бѣси же злоумию ихъ смѣющеся. поропръщаются в пеплу томъ. и след свои показають на пролщенье имъ. они же видѣвше то отходятъ. поведающе другъ другу. и то все проповѣданье сами ядять и пиют. ихже не достоитъ ни псомъ ясти. о злая дияволя прелесть. иже ни погани того не творять" [3]).

Переходъ языческихъ боговъ и божествъ въ бѣсовъ давалъ возможность существовать др.-русскому язычеству въ христіанствѣ, но подъ новою формою—вѣры въ бѣсовъ. Лѣтопись сохранила намъ объ этомъ драгоцѣнный разсказъ о ростовскихъ волхвахъ, показывающій, что это такъ и случилось.

На допросѣ этимъ волхвамъ у Яна Вышатина на вопросъ: „коему Богу вѣруета?"—она же рекоста: „антихресту". Онъ же рече има: „то где есть?" Она же рѣкоста: „сѣдитъ въ безднѣ" [4]). Съ этимъ надо сопоставить слѣдующій ниже разсказъ о посѣщеніи однимъ новгородцемъ

---

[1]) П. С. Р. Л-ры, 1, 153 и сл.
[2]) Лавр. Лѣт., 207—208.
[3]) Пономаревъ, Памятники, III, 238 стр.
[4]) Лавр. Лѣт., 172 стр.

кудесника въ Чуди. На вопросъ этого новгородца: „то каци суть бози ваши, кде живуть? Онъ же рече: въ безднахъ; суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще, восходятъ же и подъ небо слушающе вашихъ боговъ; ваши бо бози на небеси суть; аще кто умреть отъ вашихъ людий, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умреть, то носимъ къ нашимъ богомь въ бездну“ [1]). Такимъ образомъ, мѣста старыхъ языческихъ боговъ и миѳологическихъ образовъ заняли Богъ, ангелы и святые новой религіи, а прежніе предметы поклоненія уступили имъ свое первое мѣсто и перешли въ христіанскій адъ.

Впрочемъ, можетъ быть, всѣ эти рѣчи волхвовъ представляютъ изъ себя „только литературу“, вложены въ ихъ уста лѣтописцемъ, который, слѣдуя унаслѣдованной изъ Византіи традиціи, и не могъ иначе представлять себѣ вѣрованій волхвовъ, стоявшихъ очень близко къ др.-русскому язычеству.

Древне-русское язычество далеко не исчерпывалось, однако, только вѣрой въ боговъ и въ стихійныя существа: оно имѣло культъ, проникало во всѣ уголки др.-русской общественной жизни. Вмѣстѣ съ разжалованіемъ старыхъ боговъ въ бѣсовъ, цѣлый рядъ явленій, составлявшихъ практическую сторону язычества, сталъ считаться бѣсовскимъ и „сатанинскимъ“.

Т. о., на древне-русскихъ демонологическихъ вѣрованіяхъ лежитъ налетъ др.-русскихъ языческихъ вѣрованій. Это въ дальнѣйшемъ изложеніи мы и должны учесть.

III.

Общія представленія о Дьяволѣ и бѣсахъ въ древне-русской литературѣ.

Перейдемъ теперь къ общимъ представленіямъ о злыхъ духахъ въ древне-русской литературѣ и начнемъ съ именъ ихъ.

Новый Завѣтъ различаетъ Сатану (2 Коринѳ. 12, 7; Мѳ. 12, 26; Лк. 10, 18) или Діавола (Мѳ. 13, 19, 38), названнаго также Вельзевуломъ (Мѳ. 10, 25; 12, 27; Мрк. 3,

---

[1]) Тамъ же, стр. 174.

22; Лк. 11, 15), Веліаломъ (2 кор. 6, 15), искусителемъ (Мѳ. 4, 3) и другими именами, описывающими его сущность,—и многочисленныхъ демоновъ (Лк. 8, 30, 33, 35), называемыхъ также духами злыми (Лк. 7, 21), духами нечистыми (Мѳ. 10, 1) духами злобы (Еф. 6, 12). Сатана—еврейское названіе дьявола, значитъ—„противникъ". Διάβολος отъ глагола διαβάλλω—его греческое названіе, значитъ „клеветникъ". Вельзевулъ—названіе одного изъ сирійскихъ Вааловъ (Ba'al-Lebub—Ваалъ мухъ, нечистотъ)[1]. Такое названіе усваивается дьяволу, во первыхъ, потому, что для Новаго Завѣта вообще характерно признаніе боговъ за образы дьявола[2], во-вторыхъ,—для выраженія крайняго отвращенія къ дьяволу[3]. Слово „δαίμων" обозначаетъ собственно божество и божество добра, счастья, но въ христіанствѣ перешедшаго въ духа зла.

Всѣ эти наименованія злыхъ духовъ встрѣчаются и въ древно-русской литературѣ. При этомъ Сатана въ нѣкоторыхъ апокрифахъ называется еще Сатанаиломъ. Это—богомильское названіе духа зла; прибавка „илъ", по объясненію самихъ апокрифовъ, указываетъ на его божественную сущность (еврейск. „элъ" „элогимъ"). Греческое слово „демонъ" въ славянской библіи переведено словомъ „бѣсъ". По мнѣнію Буслаева, „бѣсъ"—отъ санскритскаго „б'ас" свѣтить означаетъ существо свѣтлое, перешедшее въ христіанскомъ вѣрованіи въ духа тьмы[4].

Замѣчательно, что въ др.-русскихъ письменныхъ памятникахъ мы не встрѣтили обыкновеннаго русскаго слова „чортъ", такъ обычнаго въ памятникахъ народной словесности. Единственный памятникъ, гдѣ намъ впервые попалось это слово,—„Великое Зерцало", гдѣ, есть, напр.,

---

[1]) См. Шестакова, цит. соч., прим. 8 на стр. 222.

[2]) Есть вообще какая-то родственная связь въ новозавѣтныхъ представленіяхъ о діаволѣ съ вѣрованіями въ Ваала. „Геенна" старинное мѣсто человѣческихъ жертвоприношеній Молоху, одному изъ Вааловъ, впослѣдствіи мѣсто свалки нечистотъ (поэтому здѣсь поддерживали постоянный огонь). Также стало въ Н. З. наименованіемъ ада (Мѳ. 10, 28).

[3]) „Веліалъ" — господинъ странъ. воздуха (Белъ). Шестаковъ, стр. 221.

[4]) Буслаевъ. О вліяніи х-ва на славян. яз. М. 1848. стр. 27; ср. 101—103 стр. Ср. Vondrack. Vergleich. Slav. Sramm. S. 120.

такая повѣсть: „яко не подобаетъ рабовъ звати: поиди, чертъ, или діаволъ“ [1]).

Такъ какъ „Великое Зерцало“—памятникъ, перешедшій къ намъ изъ Польши, то мы рѣшаемся думать, что и слово „чортъ“ польскаго происхожденія (czart) и перешло къ намъ приблизительно съ XVII вѣка. Въ западнославянской миѳологіи этимъ именемъ называлось болотное божество, нѣчто вродѣ лѣшаго [2]) (впрочемъ, и у насъ говорятъ: „ступай къ чорту въ болото!)“. Поэтому въ своей работѣ мы не будемъ употреблять слова „чортъ“, а вездѣ будемъ употреблять слово „бѣсъ“.

Что же за образы скрываются подъ этими именами?

Бѣсы—духи. Священное Писаніе часто называетъ ихъ духами, которые костей и плоти не имѣютъ (Лк. 24, 39). Но представленія о злыхъ духахъ еще въ первохристіанствѣ приняли грубо-матеріальныя черты. „Каждый духъ крылатъ, а также ангелы и демоны“, говоритъ Тертулліанъ, который самое существо Божіе и человѣческую душу представлялъ матеріальной [3]). Демоны произошли отъ смѣшенія сыновъ Божіихъ съ сынами человѣческими [4]), почему они не могутъ не быть существами матеріальными. Матеріализмъ въ представленіи демоновъ поддерживался въ первохристіанствѣ отожествленіемъ ихъ съ языческими богами, такъ что различные миѳологическіе вымыслы о похожденіяхъ Юпитера, Вакха, Аполлона, о страстяхъ, волокитствахъ и пирахъ олимпійцевъ считались не сказками, а фантазіей [5]).

Въ древне-русской литературѣ бѣсы рисуются въ чувственныхъ чертахъ. Въ лѣтописи новгородца: „то каци суть бози ваши?“ кудесникъ изъ Чуди отвѣчаетъ: „суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще“ [6]). Въ „повѣсти о бѣсноватой женѣ Соломеніи“ разсказывается, какъ однажды Соломонія увидѣла „демона, пришедшаго къ ней звѣрскимъ образомъ, мохната, имуща кнохти, и ляже къ ней на одръ“ [7]). Она увидѣла въ церкви множество бѣсовъ,

---

[1]) Ркп. Б-ки М. Д. А-міи, № 1580 л. 227 и др.
[2]) Вз. у Клитина. И. религій, см. слав. религія.
[3]) Богосл. Вѣсти. 1907, II, 359 стр.
[4]) Ibid. 359 стр.
[5]) П. С. Р. Л-ры, I; 167 стр.
[6]) Лавр. Лѣт., 174 стр.
[7]) П. С. Р. Л-ры, I, 154 стр.

„а видѣніе они окаянніи бяху черни, и сини, и изувѣры и страшны и бяше яко туча велика“ [1]). Св. Прокопій показалъ ей демона: „Азъ же зря его видѣніемъ чернъ и хвостъ бяше у него, уста же дебела и страшна“ [2]). Бѣсы въ этой повѣсти говорятъ, пьютъ, ѣдятъ, совершаютъ сношенія съ женщинами. Соломонія зачинаетъ—ихъ въ „утробѣ“, носитъ ихъ подъ сердцемъ, только не девять мѣсяцевъ, а полтора года, и, наконецъ, рождаетъ, только не по одному, а сначала сразу шесть, затѣмъ двоихъ, а всего, т. о., одиннадцать бѣсенятъ. Новорожденные „ссаху ея за сосцы яко змиі лютыи“. Хотя бѣсенята здѣсь и раждаются отъ женщины, но есть и бѣсы женскаго пола (чертовки): такъ, къ Соломоніи приходитъ „темнообразная жена“ въ качествѣ повивальной бабки, въ обществѣ бѣсовъ Соломонія встрѣчается съ „дѣвкою Ярославкою“. Бѣсы въ этой повѣсти даже умираютъ. „Бысть туча велія с молниею і со громомъ страшнымъ и тресканіемъ зѣлнымъ и нача ихъ молниею палити і убиша ихъ многое множество. І бяше ихъ блато і езеро исполнено аки смолою“ [3]).

Святый Іоаннъ, разрѣзавъ утробу Соломоніи, вынулъ оттуда демона и подалъ его св. Прокопію („демонъ же нача вопити великимъ гласомъ і витися въ руцѣ его“), который „положи его окаяннаго на помостѣ и закла его кочергами“ [4]). Точно также свв. Прокопій и Іоаннъ поступаютъ и съ другими бѣсами: св. Іоаннъ вынимаетъ ихъ по одному изъ утробы Соломоніи, а св. Прокопій закалаетъ ихъ кочергами и даже наступаетъ на нихъ и давитъ своею ногою. Т. о., бѣсъ по древне-русскому представленію чернаго или синяго цвѣта, покрытъ шерстью, крылатъ, съ хвостомъ, съ когтями на рукихъ и ногахъ и имѣетъ видъ какого то фантастическаго животнаго со всѣми животными отправленіями.

Но отъ животныхъ онъ отличается способностью принимать на себя различные образы. Основаніе для такого представленія есть въ Библіи, гдѣ повѣствуется объ искушеніи Евы дьяволомъ въ видѣ змѣя, и говорится, что

---

[1]) П. С. Р. Л-ры, I, 159.
[2]) ibid., 160 стр.
[3]) Ibid. стр. 155.
[4]) Ibid. стр. 160.

Сатана можетъ преобразоваться въ ангела свѣта, а слуги его—принимать на себя видъ слугъ добра (2 Кор. 11, 4) [1]).

Это представленіе особенно было художественно развито въ восточныхъ патерикахъ и житіяхъ. Съ ними оно перешло на Русь и здѣсь встрѣтилось съ языческимъ вѣрованіемъ въ оборотной. Такъ о Всеславѣ Полоцкомъ говорится въ „словѣ о полку Игоревѣ“: „Всеславъ князь людямъ судилъ князьямъ города рядилъ, а самъ въ ночь волкомъ рыскалъ—великому хърсу волкомъ путь перебѣгалъ“. Бѣсы, однако, принимаютъ на себя такіе образы, которые въ то же время характеризуютъ ихъ духовную природу. Чтобы обозрѣть ихъ, мы раздѣлимъ ихъ на образы естественные и сверхъестественные, а первые—на животные и человѣческіе.

Самымъ элементарнымъ образомъ дьявола является змій. Онъ, конечно, заимствованъ изъ книги Бытія, гдѣ змѣй искушаетъ Еву. Въ Апокалипсисѣ мы также встрѣчаемъ этотъ образъ, при чемъ онъ уже переходитъ въ громаднаго дракона (12, 3—4; 7—9; 13—17; 13, 2—11; 16, 13). Встрѣчаемъ мы этотъ образъ и въ древнихъ патерикахъ. Такъ, въ „Лугѣ Духовномъ“ читаемъ: „Проходя пустыней близъ Каламона, я увидѣлъ огромнаго змѣя, который сползалъ съ горы къ Каламону. Змѣй былъ такъ великъ, что при своихъ движеніяхъ представлялъ видъ какъ бы свода, и я прошелъ невредимо подъ этимъ сводомъ. Я понялъ, что діаволъ хотѣлъ ослабить мое усердіе“ [2]).

Въ „Лавсаикѣ“ „бѣсъ вышелъ изъ бѣсноватаго, и превратившись въ огромнаго дракона лактей въ семьдесятъ, ушелъ въ чермное море [4]).

Очень популярны были въ древней Руси житія великомученика Георгія и Ѳеодора Тирона, повѣствующія о борьбѣ ихъ съ драконами [4]). Этотъ образъ былъ очень удобнымъ для символизаціи духа зла: онъ говорилъ о его мудрости (Быт. 3, 1; Мѳ. 10, 16), изворотливости, отвратительности и слабости (Быт. 3, 15).

---

[1]) Въ первохристіанствѣ въ смыслѣ превращенія демоновъ были поняты всѣ языческія легенды о богоявленіяхъ, волшебныхъ превращеніяхъ... Б. В. 360. 370.

[2]) Лугъ Духовн., стр. 54.

[3]) Лавсаикъ, стр. 123.

[4]) Тихонр. П. О. Р. Л-ры. II. 93—III: П. С. Р. Л-ры, III, 143 с.

Змѣй встрѣчается во многихъ др.-русскихъ житіяхъ. Въ житіи Никиты Переяславскаго разсказывается, какъ „единою нощію исплъзе змѣй превеликъ посреди кѣлія его“ [3]).

Въ образѣ дракона дьяволъ является въ житіи Іоанна Многострадальнаго. Обуреваемый блудною страстью Іоаннъ, закопалъ себя на 30 лѣтъ въ землю по грудь. Дьяволъ сначала изгонялъ его огнемъ изъ подъ земли, а затѣмъ сталъ прилетать къ нему въ видѣ змія страшна и люта зѣло всего мя пожрети хотяща и дышуща пламенемъ и искрыми пожигая мя“. Въ ночь на Пасху „внезапу нападе на мя лютыи тои зміи и главу мою и руце во уста своя вложи и опалиша ми власы на главѣ и на брадѣ, яко же видиши мя нынѣ“ [4]). Библейскій змѣй въ житіи Петра и Февроніи Муромскихъ сливается со сказочнымъ змѣемъ, который, по народному вѣрованію, прилетаетъ къ женщинамъ, особенно тоскующимъ по мужѣ, и изсушаетъ ихъ. Искони ненавидяй добра роду человѣческому діяволъ всели непріязненно летяща змія къ женѣ князя того на блудъ. И являшеся ей яковъ же бѣяше естествомъ, приходящимъ же людемъ являшеся своими мечты, якоже князь сѣдяше съ женою своею“. Такъ прошло много времени, пока жена не сообщила объ этихъ посѣщеніяхъ своему мужу. По совѣту князя, Февронія спросила змѣя, отъ чего ему будетъ смерть? и узнала, что отъ Петрова плеча, отъ агрикова меча“. Случайно по указанію одного мальчика этотъ агриковъ мечъ, оставшійся послѣ битвы богатырей, нашли въ церкви и братъ князя царевичъ зарубилъ змѣя [4]). Объ этомъ агриковомъ мечѣ повѣствуетъ сказка о Добрынѣ Никитичѣ, который побѣдилъ имъ Тугарина Змѣевича, сказочное олицетвореніе темной силы [3]).

Принимаютъ бѣсы образы и другихъ гадовъ: жабъ, мышей и пр., а особенно мышей и животныхъ: собакъ, львовъ, медвѣдей, волковъ и пр. Эти образы также имѣютъ для себя основаніе въ Священномъ Писаніи. Въ Апокалипсисѣ говорится: „И видѣлъ я выходящихъ изъ устъ

---

[1]) Ркп. Б-ки М. Д. А-міи, № 640, л. 199.
[2]) Яковлевъ, Памятники..., 143 стр.
[3]) П. С. Р. Л-ры, 1, 34 и др.
[4]) Ibid. 151 стр.

дракона и изъ устъ звѣря и изъ устъ лжепророка трехъ духовъ нечистыхъ, подобныхъ жабамъ" (Откр. 16, 13). По апостолу, дьяволъ „ходитъ. какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить (1 Петр. 5, 8; ср. Откр. 13, 2). Въ рѣчи Христа о пастырѣ добромъ говорится о „мысленныхъ" волкахъ, расхищающихъ „словесныхъ" овецъ (Іоан. 10, 12). Вообще всѣ эти животные образы дьявола употребляются частію для выраженія его крайней гадливости, частію,— для выраженія его хищныхъ наклонностей. Извѣстно, напр., какимъ презрѣніемъ пользуется на Востокѣ собака— грязная вонючая, питающаяся городскими отбросами; слово „циникъ" даетъ намъ яркое представленіе объ этомъ отношеніи къ нимъ.

Превращеніе бѣсовъ въ различныхъ животныхъ,—художественный мотивъ, разработанный еще въ восточныхъ патерикахъ [1]), откуда перешелъ и въ др.-русскую литературу. Въ Кіево-печерскомъ патерикѣ въ житіи Исаакія затворника разсказывается: „другоици страшахуть и въ образѣ медвѣжи, овогда же лютымъ звѣремъ, ово вълкомъ, ово змиѣ полозяху к нему, ово ли жабы, и мыши и всякъ гадъ, аци же и сами скверни и злы въ видѣніи" [2]). Тамъ же Ѳеодосій Печерскій разсказываетъ о себѣ: „единои бо ми въ нощи, поющу въ кѣльи обычныя пс҃лмы, и се песъ чернъ ста предо мною, яко же мнѣ нельзѣ ни поклоонитися" [3]). Въ житіи Стефана Комельскаго читаемъ: „Превращаяся убо врагъ сы демонъ во звѣрское видѣніе въ медвѣдя и волки и притече нощію къ келіи св. Стефана и рыкающе и зубы скрегчуще. хотя святаго устрашити и симъ изъ пустыни изгнати" [4]). Это—ходячая фраза, встрѣчающаяся во многихъ сѣверныхъ житіяхъ [5]).

Излюбленными человѣческими фигурами для превращеній бѣсовъ являются образы воина, разбойниковъ, иностранцевъ, монаха и проч. Эти образы также имѣютъ для себя нѣкоторое основаніе въ библіи и исторію въ византійской агіографіи.

---

[1]) См., напр. Ч.-Минеи, изд. Синод. Т-іи, 5, 538.
[2]) Лавр. Лѣт. 191—192 стр.
[3]) Яковлевъ, Памятники, стр. 31.
[4]) Лопаревъ. Ж. Стефана К., изд. О. Л. Д. П. 1892, стр. 8.
[5]) См., напр., Ж. Григорія Пельшемскаго въ Ч. М. Макарія, изд. а. ком. чт. 2274; Пономарева, Памятники, т. II, стр. 50, 67 и др.

Ап. Павелъ пишетъ: „Облекитесь во всеоружіе Божіе, чтобы вамъ можно было стать противъ козней дьявольскихъ, потому что наша брань—противъ духовъ злобы поднебесныхъ“ (Еф. 6, 11—12), говоритъ также о раскаленныхъ стрѣлахъ лукаваго (Еф. 6, 11—16). Не мудрено, что діаволъ является въ патерикахъ въ видѣ воина. Въ „Лугѣ Духовномъ“ читаемъ: „Однажды ночью онъ (Маркеллъ) всталъ для совершенія правила. Началъ правило—и слышитъ звукъ трубы какъ бы на войнѣ. Смущенный этимъ, старецъ размышлялъ: откуда этотъ звукъ? Воиновъ здѣсь нѣтъ, время мирное. Среди этихъ размышленій онъ видитъ близъ себя демона, который сказалъ ему: нѣтъ, теперь война! Если же не желаешь воевать и подвергаться нападеніямъ, ступай—ложись и спи и не потерпишь нападеній“ [1]). Въ образѣ же воина бѣсъ обходитъ братію Печерскаго монастыря, кидая на нихъ цвѣты [2]). Въ образѣ воина онъ клевещетъ князю на Авраамія Ростовскаго, что онъ скрываетъ сокровище [3]) и пр.

Образъ разбойниковъ явно основывается на словахъ Евангелія (Іоан. 10, 1). Разсказовъ объ явленіяхъ имъ въ этомъ образѣ много. Такъ, въ житіи Варлаама Важескаго разсказывается слѣдующій случай.

Однажды къ монастырскому сторожу по имени Панфилу пришла толпа бѣсовъ „видомъ и образомъ разбойничьимъ“ какъ будто разорить монастырь и разграбить монастырскую казну. Они напали на Панфила „въ рукахъ имуще луки и стрѣлы, мечи и сумицы, лютѣ устремляющеся, грозяху изсещи его“, заставляя его отойти отъ казны и бѣжать въ лѣсъ [4]). Къ этому образу близокъ образъ каменщиковъ съ мотыками и заступами приходящихъ раскопать келлію св., а вмѣстѣ „загрести“ и его [5]) или съ „ужемъ“ хотя утащить св. въ озеро [6]).

---

[1]) Стр. 182 ср. ж. Ф. Иранск. въ Ч. М., изд. Синод. Т-іи, т. III стр. 405.

[2]) Ж. Матеея. изд. О. Л. Д. П.

[3]) П. С. Р. Л-ры, I, 222.

[4]) Ж. Варлаама Важеск., изд. Григоровича, М. 1887, стр. 25—26; ср. ж. Сергія Радонежскаго, Ч. Мин. Макарія столб. 1498; ж. Даніила Переясл., изд. Смирнова, М. 1908, стр. 26; ж. Никодима Кожеозерск. Пр. Соб. 1865, I, 223 и пр.

[5]) Лавр. Лѣт. 191 стр.

[6]) Кадлубовскій, цит. соч., стр. 16—17.

Въ Евангеліи Христосъ говоритъ іудеямъ: вашъ отецъ діаволъ (Іоан. 8. 44; ср. Откр. 3, 9). Исходя изъ этого, въ византійской агіографической литературѣ стали представлять бѣса въ образѣ іудея [1]). Обычно символъ вскорѣ становится центромъ самостоятельнаго художественнаго вниманія, и бѣсъ въ византійской литературѣ скоро обогатился образомъ агарянина и измаильскаго купца, представителей враждебныхъ народовъ [2]). Но особенно часто стали изображать бѣса въ образѣ мурина—эфіопа, тѣмъ болѣе, что черный цвѣтъ кожи очень шелъ къ представителямъ царства тьмы. Представленія бѣса въ образѣ агарянина и мурина перешли и на Русь. Чаще встрѣчается бѣсъ въ образѣ „чернаго мурина", „темнообразнаго синца", хотя эфіоповъ не видывалъ навѣрно никто изъ русскихъ того времени. Такъ, по житію Пафнутія Боровскаго, одинъ старецъ увидѣлъ въ церкви „нѣкоего мурина, имуща на главѣ шлемъ остръ зѣло, самъ же клокатъ отъ различныхъ цвѣтовъ клочіе имый" и въ руцѣ крюкъ желѣзень" [3]). Тамъ же разсказывается о видѣніи „нѣкоего черна видѣніемъ, бросавшаго горящія головни на келіи двоихъ ссорившихся иноковъ [4]). Перешедши на Русь, мотивъ изображать бѣса въ образѣ иноземцевъ далъ здѣсь образы ляха (поляка) и литовца. Такъ, Матѳей Прозорливый видѣлъ бѣса въ образѣ ляха въ лудѣ [5]), а пр. Сергій „въ одеждахъ литовскихъ островерхихъ" [6]). Въ „повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ" на вопросъ Саввы: „что убо, братіе, яко видѣхъ у отца твоего, окрестъ престола его юношъ много крилатыхъ стоящихъ? Бѣсъ же, улыбаяся, рече ему: или не вѣси, яко мнозіи языцы служатъ отцу моему, индѣи персы и иніи мнози?" [7]).

Въ византійской этнографіи были странные курьезы: наряду съ дѣйствительно существовавшими народами въ ней представлялись также и фантастическіе: люди объ

---

[1]) Шестаковъ, стр. 226.

[2]) Тамъ же, стр. 226.

[3]) Сбн.-филологическаго о-ва при И-тѣ кн. Безбородко Нѣжинъ, 899, томъ 2, стр. 129.

[4]) Тамъ же.

[5]) Лавр. лѣт. 184 стр.

[6]) Четьи-Минеи Макарія. Сентябрь, стлб. 1498.

[7]) П. С. Р. Л-ры I, 174.

одномъ глазѣ—циклопы, съ песьей головой—кинокефалы [1]), антиподы, живущіе подъ землей и проч. Всѣ старанія языческихъ ученыхъ, какъ Плинія, разувѣрить въ этихъ басняхъ оказались напрасными. Дивьи люди встрѣчаются въ византійскомъ романѣ „Александрія", но, что для насъ интересно, также—и въ видѣ бѣсовъ. Въ апокрифическомъ сказаніи о Соломонѣ и Китоврасѣ. Соломонъ спрашиваетъ мужа о двухъ головахъ, оставленнаго въ подарокъ Соломону Китоврасомъ: „которыхъ людей еси ты—человѣкъ ли еси ты или бѣсъ" [2]). Въ другомъ апокрифѣ о Соломонѣ, дѣйствующимъ лицомъ является „бѣсъ объ единомъ оцѣ" [3]). Этотъ „кривый" бѣсъ встрѣчается еще въ двухъ житіяхъ: въ житіи Никиты Переяславскаго въ образѣ монаха, „объ единомъ оцѣ" [4]) и въ житіи Елеазара Анзерскаго въ видѣ „служебника единаока" [5]).

Въ византійской агіографической литературѣ дьяволъ вообще представляется близкимъ къ монахамъ [6]), но иногда онъ принимаетъ на себя и образъ монаха [7]). Въ житіи Өеодора и Василія Печерскихъ бѣсъ также принимаетъ на себя видъ монаха Василія [8]). Въ видѣ монаха онъ является въ житіи Никиты Переяславскаго князю Михаилу Черниговскому, ѣхавшему къ святому за исцѣленіемъ. „И близъ бѣ града Переяславли. почиваше въ станоу. и срѣте и бѣсъ въ образѣ черньца. и повѣда себѣ отъ святаго Никиты манастыря. исходя въ міръ потребы ради. и повелѣ его князь о святомъ старци въспросити. бѣсъ же льстемъ его нарекъ. отиде. князь же Михаилъ въ отчаяніе впад не вѣдааше дабы что сътворил. и мало поут прешедъ. срѣте и тотъ же бѣсъ инѣмъ образа черньца. тоже слово рѣкъ что всоуе труждаеши себе княже толикою поути прѣходя сія рекъ исчезе. и оуразумѣ себе князь и позна діаволе злокозньство. съ тщаніем поут идяше. и не дошедъ монастыря за верстоу единоу. и обрѣте мѣсто красно. и повелѣ себѣ шатеръ ставити, а

[1]) См. изображеніе св. Христофора—псиголовца у Ровинскаго.
[2]) Тихонр. П. О. Р. Л-ры, I, 257, П. С. Р. Л-ры 1, 52.
[3]) Тихонр. П. О. Р. Л-ры I, 269.
[4]) Ркп. Б. М. Д. А. № 640, лл. 201.
[5]) Пр. Соб. 1860, I, 115—117.
[6]) Шестаковъ, 233 стр.
[7]) Л. Духовный.
[8]) Яковлевъ, Памятники, стр.

болярина посла на извѣщеніе старца святаго. и срѣте и тъйжде бѣсъ образомь черньца видомъ черменъ о единомъ оцѣ повѣда старца оумерша“ [1]).

Являются бѣсы и во многихъ другихъ человѣческихъ образахъ: въ видѣ „отрочатъ малыхъ“ (чертиковъ) [2]), въ скомрашь одежи [3]) и пр.

Изъ сверхъестественныхъ образовъ дьяволъ принимаетъ образъ ангела и Іисуса Христа. Первый ясно основывается на словахъ апостола Павла (2 Кор. 11, 14) и встрѣчается часто въ восточныхъ патерикахъ. „Нѣкоему изъ братьевъ, разсказывается въ патерикѣ древнемъ, явился діаволъ, преобразившись въ ангела свѣта, и говорить ему: я архангелъ Гавріилъ и посланъ къ тебѣ“ [4]). Встрѣчаемъ этотъ образъ и въ древне-русской агіографической литературѣ. Въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ передается сл. разсказъ о Никитѣ затворникѣ. Однажды Никита по обыкновенію пѣлъ псалтырь; кто-то тоненькимъ-тоненькимъ голоскомъ сталъ подпѣвать ему, а по келіи стало распространяться благоуханіе. Никита подумалъ: если бы это былъ бѣсъ, то не сталъ бы молиться вмѣстѣ съ нимъ, а онъ не обонялъ бы Духа Св.. Никита сталъ молиться, чтобы Господь явился къ нему и услышалъ гласъ: „не явлюся тебѣ, занеже юнъ еси, да не вънесъся низпадеши“. Затворникъ со слезами отвѣчалъ: „Никакоже Г҃и, прельщуся, наученъ бо быхъ отъ игоумена моего, не внимати прельсти діаволи. тобою же вся велимая ми сътворю“. Голосъ отвѣчалъ: „не възможно ч҃лку, во плоти соущу, видѣти мене, и се посылаю а҃плъ мои, да пребудеть с тобою, и ты боуди волю его творя“. И тотчасъ бѣсъ предсталъ въ видѣ ангела, а монахъ поклонился ему. Мнимый ангелъ научилъ Никиту не молиться—онъ самъ сталъ дѣлать это за него,—а читать и изучать Библію [5]).

Разсказъ о явленіи дьявола въ образѣ І. Христа находимъ въ житіи Исаакія Печерскаго, куда онъ буквально заимствованъ изъ „Лавсаика“ [6]). „Единою же, по обычаю

[1]) Ркп. Б. М. Д. А. №. 640, лл. 199—201.
[2]) Смирновъ. Ж. Даніила Переясл., стр. 52—3.
[3]) П. С. Р. Л-ры, I, 202.
[4]) Патерикъ древній, М. 1874, стр. 346.
[5]) Яковлевъ, Памятники, 127—128 стр.
[6]) Лавсаикъ, стр. 136.

наставшу вечеру, нача покланятися, поя псалмы, да иже до полунощи, и яко трудися сѣде на сѣдалѣ своемъ. Сѣдящу же ему, по обычаю свѣщу погасившу, и се внезапу свѣтъ въсія въ пещерѣ, яко отъ солнца, яко и зракъ человѣку отымати; и поидоста къ нему два юноша прекрасни и блистастася лица ею, акы солнце, и рѣша ему: Исакіе! вѣ есвѣ ангела, а се идеть къ тебѣ Христосъ съ ангелы. И въставъ Исакіи, и видѣ толпу бѣсовъ и лица ихъ паче солнца, единъ же посредѣ ихъ сіаше паче всѣхъ и отъ лица его луча исхожаху; и глаголаста ему: Исакіе, се есть Христосъ, падъ поклонися ему! Исакыи же не разумѣ бѣсовскаго дѣйства, ни памяти имѣ прекреститися, исшедъ изъ келіа, поклонися акы Христу бѣсовскому дѣйству" [1]). Въ Волоколамскомъ патерикѣ есть другой такой же разсказъ: „нѣкоему отъ о҃ць явися сатана, и свѣтомъ неизреченнымъ облиста и г҃ла ему. азъ есмь х҃ъ. онже смѣжи очи свои и г҃ла ему азъ х҃а не хощу здѣ видѣти" [2]), также заимствованный изъ восточнаго патерика [3]).

Въ уясненіи представленія бѣсовъ въ др.-русской литературѣ намъ можетъ очень помочь др.-русская иконографія: между иконографіей и литературой было постоянное взаимодѣйствіе. Какъ же изображался бѣсъ въ др.-русской живописи: на миніатюрахъ, иконахъ, церковныхъ стѣнахъ? Какъ ни разнообразны изображенія бѣса, однако, можно намѣтить нѣсколько его иконографическихъ типовъ.

Элементарнымъ образомъ, подъ которымъ изображался врагъ рода человѣческаго, былъ змій, который вскорѣ развился въ огромнаго дракона съ разноцвѣтной фантастической окраской, съ нѣкоторыми фантастическими аттрибутами: женскимъ лицомъ, рожками и пр. Въ такомъ видѣ дьяволъ изображался въ сценѣ грѣхопаденія, Крещенія Господня и до сихъ поръ остался на картинахъ Страшнаго Суда, при чемъ на разноцвѣтныхъ полосахъ, изукрашивающихъ его тѣло, пишутся грѣхи, истязуемые на мытарствахъ.

Изображаются бѣсы и въ видѣ другихъ животныхъ. На картинахъ страшнаго суда была другая необходимая

---

[1]) Яковлевъ, Памятники, стр. 79.
[2]) Ркп. Синод. Б-ки, № 927, л. 15.
[3]) Патерикъ древній, стр. 346.

деталь: ангелы свѣта извергаютъ въ адъ духовъ тьмы, превратившихся въ козловъ, свиней и др. животныхъ, причемъ вмѣстѣ съ бѣсами падаютъ и ихъ престолы [1]). Съ этимъ нужно сопоставить различныхъ фантастическихъ животныхъ въ арнаментѣ такъ называемые тератологическаго стиля. Но гораздо чаще бѣсъ изображается въ человѣкообразной формѣ съ примѣсью нѣкоторыхъ животныхъ чертъ. Довольно обычно изображеніе въ видѣ „псиголовца" (кинокефала) — человѣка въ цвѣтномъ скоморошьемъ или польскомъ жупанѣ и сафьяновыхъ сапогахъ, но съ собачьей головой на плечахъ, покрытой длиной кудластой шерстью, съ собачьими ушами и краснымъ высунутымъ собачьимъ языкомъ. Еще обычнѣе изображеніе бѣса въ видѣ „мюрина",—человѣкообразной фигурки чернаго, темнаго или грязно-зеленаго цвѣта, мохнатой, съ длинными всклоченными какъ бы женскими волосами, съ длиннымъ высунутымъ языкомъ, какъ у запыхавшейся собаки, съ длинными когтями на рукахъ и ногахъ (на ногахъ иногда пѣтушиныя шпоры), съ зубчатыми крыльями за плечами, какъ у летучей мыши, и маленькимъ хвостикомъ, какъ у поросенка. Позднѣе, не ранѣе XVII в., на головѣ появились рожки. Въ рукахъ иногда сжатъ желѣзный крюкъ или какое-нибудь другое подобное орудіе, а на животѣ изображается другое лицо. Это не столько „мюринъ", сколько классическій фавнъ или сатиръ. Гораздо человѣкообразнѣе изображеніе въ видѣ нагого женообразнаго отрока или юноши съ женственными формами, безбородымъ и безусымъ лицомъ (но Сатана обязательно изображается съ огромной длинной бородой) и всклоченными женскими волосами. Но къ человѣческимъ чертамъ прибавляются зубчатыя крылья и маленькій хвостикъ. Наконецъ, бѣсъ изображается въ видѣ воина въ панцырѣ, латахъ, шлемѣ на головѣ и съ копьемъ въ рукѣ, иногда смѣшиваясь съ образомъ псиголовца.

Изображенія бѣсовъ въ живописи, такимъ образомъ, согласны съ ихъ оборотническими образами въ литературѣ. Ихъ иконографическіе аттрибуты имѣютъ нѣкоторый символическій смыслъ. „Рога на языкѣ Св. Писанія означаютъ силу, могущество, гордость, а діаволъ, какъ бывшій ангелъ, превосходитъ человѣка; овладѣвъ міромъ онъ

---

[1]) Буслаевъ. Историческіе очерки. Т. 2, стр. 134.

„князь міра сего“ и въ то же время представитель гордости. Хвостъ означаетъ лукавство, хитрость, соблазнъ... Когти у дьявола обозначаютъ въ немъ хищническія наклонности. Взъершенные волосы въ классическомъ искусствѣ соотвѣтствуютъ поднятымъ женскимъ волосамъ въ христіанскомъ искусствѣ. „Женскіе волосы, по св. Андрею Кесарійскому, свидѣтельствуютъ о бѣсовскомъ сладострастіи и возбужденіи къ блудодѣянію“ [1]).

Съ изображеніями—бѣсовъ въ иконографіи интересно сопоставить шутовскія бѣсовскія маски, которыя надѣлъ на жидовствующихъ Іосифъ Волоцкой. Онъ велѣлъ посадить ихъ „въ сѣдла ючныя и одежа ихъ повелѣ обращати передомъ назадъ и хрептомъ повелѣ обращати ихъ къ главамъ коньскимъ, яко да зрятъ на западъ въ уготованный имъ огнь, а на главѣ ихъ повелѣ возложити шлемы берестовы остры, яко бѣсовскыя, а еловцы (султаны) мочальны, а вѣнцы соломены съ сѣномъ смѣшаны, а мишени писаны на шлемехъ черниломъ: се есть сатанино воинство“ [2]).

Но при чувственномъ представленіи бѣсовъ др.-русская литература не забыла ихъ высшей духовной природы; „не тацы же суть бѣси, яко ихъ пишутъ,—черни: огнеомраченіи суть“ [3]). Уже ихъ способность принимать на себя различныя личины, свойственныя только волшебникамъ, говоритъ объ ихъ высшей природѣ сравнительно съ людьми. Имъ усваивается также вѣдѣніе, превосходящее вѣдѣніе человѣка, но уступающее всевѣдѣнію Божію; точно также необычныя знанія у людей производятся отъ бѣса. Въ Кіево-печерскомъ патерикѣ разсказывается о бѣсѣ, солидномъ филологѣ, который „нача гла҃ти жидовскы, потомъ латынскы, тоже греческы и спроста рещи, всѣми языки“. Тамъ же бѣсъ научаетъ и богословію. Явившись Никитѣ затворнику въ образѣ ангела, онъ соблазнилъ его изучать Библію. Никита послушался, сталъ прилежно читать писаніе и скоро такъ хорошо его изучилъ, что началъ вести съ богомольцами продолжительныя бесѣды отъ писанія о пользѣ души. Онъ началъ даже „пророчествовать“.—Однажды онъ извѣстилъ князя Изяслава: се-

---

[1]) А. И. Успенскій. Бѣсъ. Золотое Р. 1907, 1, стр. 27.

[2]) Просвѣтитель. Казань, 1855, стр. 55—56.

[3]) Порфирьевъ. Апокрифич. ск. о ветхоз. лицахъ, 89 стр.

годня убитъ князь Глѣбъ въ Заволочьи, пошли сына своего Святослава на столъ Новгороду!“ И, какъ сказалъ Никита, такъ и было („Бѣсъ оубо, замѣчаетъ авторъ, приходящаго быти не вѣс, по, еже самъ сдѣя и научи злыя ч҃лкы, ли оубити, ли оукрасти, сіа и възвѣщаетъ“). Замѣтили, однако, что Никита хорошо знаетъ лишь ветхій завѣтъ и совсѣмъ не любитъ новозавѣтнѣхъ книгъ, и изъ этого ясно поняли, что онъ прельщенъ. Преподобные отцы печерскіе во главѣ съ игуменомъ Никономъ пришли къ Никитѣ и своею молитвою о немъ отгнали отъ него бѣса. Послѣ этого Никита все забылъ, что зналъ, и даже едва вновь научился грамотѣ [1]). Даже царь Соломонъ, поразившій воображеніе нашихъ предковъ своею мудростью, представляется по апокрифу, волшебникомъ имѣющимъ власть надъ всѣми бѣсами [2]). Но какъ ни велико вѣдѣніе и сила бѣсовъ, оно, однако, ниже всевѣдѣнія Божія, а, главное направлено на зло человѣку. „Бѣси, говоритъ лѣтописецъ, не вѣдять мысли человѣчъскыя, но влагають помыслъ въ человѣка, тайны не свѣдуще... Богъ единъ свѣсть помышленья человѣческыя, бѣси же не свѣдаютъ ничтоже, суть бо немощни и худи взоромъ“ [3]). „А ему же есть быти, говорится въ „словѣ о небесныхъ силахъ“, того не вѣдятъ... бѣсове же прорицаютъ и къ чародѣемъ и волшебникомъ, то не все прямо бываетъ понеже бо мнѣніемъ ркутъ предняя: иногда же прельщающе невѣрныя влекуще во свою погибель лестьми и козньми мутяще и лжами смущаютъ умъ имъ аще бо нѣчто улучатъ мнѣніемъ въ правду то горши въ зло совратятъ ихъ“ [4]).

И вообще по своей нравственной природѣ бѣсы представители зла и только зла. Въ этомъ отношеніи они представляютъ полную противоположность Богу и ангеламъ. Св. Писаніе называетъ ихъ духами злыми, а Ап. Павелъ говоритъ, что, какъ не можетъ быть ничего общаго между свѣтомъ и тьмой, такъ не можетъ быть согласія Христа съ Веліаромъ (2 Кор. 6, 15). „Богъ... читаемъ въ лѣтописи, не хощетъ зла человѣкомъ, но блага, а дьяволъ радуется злому убійству и кровопролитью, подвизая свары и зависти.

---

[1]) Яковлевъ, 128—29 стр. Ср. Птрк. др. стр. 237.
[2]) П. С. Р. Л-ры, 3, 853 и пр. Тихонр. П. О. Р. Л-ры, I, 269 стр.
[3]) Лавр. Лѣт., 174.
[4]) Пр. Соб. 1859, I, 254.

братоненавидѣніе и клеветы" [1]). „Бѣси на злое посылаеми бывають, ангели на благое посылаеми. Ангели бо человѣку зла не творять, но благое мыслять ему всегда, паче же хрестьяномъ помагають и заступають отъ супротивнаго дьявола. а бѣси на злое всегда ловять, завидяще ему, понеже видять человѣка Богомъ почтена и завидяще ему на зло слеми (?) скори суть" [2]).

Но не можетъ ли дьяволъ покаяться и снова быть принятымъ Богомъ? Вопросъ объ этомъ поднимался въ святоотечечкой литературѣ. Извѣстно, что Оригенъ по этому вопросу высказался положительно, но церковь осудила это мнѣніе. Въ др.-русской литературѣ проводится мысль что падшимъ ангеламъ „нѣсть оуже покаянія такоже человѣкомъ по смерти" [3]), которую иллюстрируетъ „повѣсть о бѣсѣ Зереферѣ", повидимому, византійскаго происхожденія. Одинъ старецъ былъ великъ и прозорливъ; чувственнымъ образомъ онъ видѣлъ и ангеловъ и бѣсовъ; бѣсамъ онъ даже досаждалъ и оскорблялъ ихъ, такъ что внушилъ имъ къ себѣ невольное уваженіе. Однажды два бѣса разговорились. „Братъ Зереферъ, сказалъ одинъ, если кто изъ насъ покается, приметъ ли его Богъ или нѣтъ?"— „Хочешь ли я пойду къ этому великому старцу и искушу его объ этомъ?" И вотъ Зереферъ пришелъ къ старцу въ человѣческомъ образѣ и сталъ предъ нимъ плакать и рыдать. На этотъ разъ Богъ отнялъ у старца даръ прозорливости, онъ принялъ пришедшаго за кающагося грѣшника и спросилъ, о чемъ тотъ такъ рыдаетъ? Бѣсъ отвѣтилъ: я, святый, не человѣкъ, а бѣсъ: такъ думаю по причинѣ множества беззаконій моихъ". Старецъ, думая, что пришедшій говоритъ такъ по глубокому смиренію, спросилъ, чего же онъ отъ него хочетъ?—„прошу спросить Бога, приметъ ли онъ дьявола въ покаяніе; если его приметъ, то и меня".

Старецъ велѣлъ притти за отвѣтомъ на слѣдующій день, а вечеромъ сталъ на молитву. Старцу предсталъ ангелъ и съ укоромъ сказалъ ему, что онъ молится о бѣсѣ, который его искушаетъ, но Богъ, желая показать, что Онъ никому не отказываетъ въ покаяніи, съ цѣлью

---

[1]) Лавр. Лѣт., стр. 163.
[2]) ibid, 132 стр. Ср. Пономаревъ, III, 249.
[3]) Пр. Соб. 1859, 1, 284.

скрылъ это отъ старца. Дьяволъ, какъ древняя злоба, навыкши гордости, уже не можетъ покаяться; но, чтобы сдѣлать его безотвѣтнымъ въ день суда, Богъ предлагаетъ ему простоять три года днемъ и ночью на одномъ мѣстѣ лицомъ къ востоку и непрестанно повторять по сту разъ: Боже, помилуй меня, древнюю злобу! затѣмъ: Боже, помилуй меня, мерзость запустѣнія! и наконецъ: Боже, спаси меня, помраченную прелесть! Если онъ согласится, то Богъ вновь приметъ его въ число ангеловъ, но древнее зло новымъ добромъ быть не можетъ. Когда на слѣдующій день Зереферъ вновь пришелъ къ старцу и тотъ сообщилъ ему отвѣтъ Бога, онъ, какъ и говорилъ ангелъ, отвѣтилъ на это: „азъ аще быхъ хотѣлъ нарещи себѣ древнюю злобу и мерзость запустѣнія и помраченную прелесть, преже и отъ начала се хотѣлъ сотворити и спастися: нынѣ же древнее зло не буди то азъ, и кто се глаголетъ? Азъ бо даже и до нынѣ дивенъ и славенъ бѣхъ, и вси бо аще повинуются мнѣ, и азъ самъ себѣ нареку мерзость запустѣнія и помраченную прелесть! Никако, калуѳре! не буди то яко да азъ въ таковое безстудіе себѣ всажу“ [1]) и съ этими словами исчезъ.

Бѣсы представляются существами общественными, имѣющими правильное политическое устройство. Въ Евангеліи Сатана представляется какъ царь въ своемъ царствѣ (Мѳ. 12, 22—28), какъ Богъ представляется главой царства Божія; какъ Богъ окруженъ вѣрными слугами—ангелами, такъ и діаволъ окруженъ своими ангелами (Мѳ. 25, 41). Поэтому онъ называется еще княземъ бѣсовскимъ (Мѳ. 9, 34; 12, 24) и княземъ власти воздушныя (Еф. 2,2); говорится и о престолѣ Сатаны (Откр. 2, 13). Ап. Павелъ указываетъ, кажется, опредѣленную іерархію между злыми духами (Еф. 6, 12; ср. Колос. 2, 15). Эти представленія встрѣчаемъ въ художественной обработкѣ въ повѣсти о Меситѣ чародѣи, повидимому, византійскаго происхожденія [2]), а еще ярче въ повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ.

Бѣсъ, побратившійся съ Саввой, предложилъ ему посмотрѣть царство его отца „и приведе его въ пусто мѣсто (Мѳ. 12, 43), на нѣкій холмъ (Мѳ. 4, 8) и показа ему въ нѣкоемъ раздолѣ градъ вельми славенъ; стѣны и покровы

---

[1]) П. С. Р. Л-ры, I, 203—204.

[2]) Золотое Руно, 1807, I, стр. 27.

и помосты всѣ отъ злата чиста блистахуся". Бѣсъ предложилъ Саввѣ поклониться его отцу, и, когда они вошли въ городскія ворота, встрѣтили ихъ юноши „темнообразніи, ризами и поясы златыми украшены, и со тщаніемъ покланяющеся, честь воздающе сыну цареву, паче же рещи діаволу". То-же было при входѣ во дворъ царевъ и въ царскій дворецъ. Сынъ царя представилъ Савву предъ лицомъ князя тьмы. „Той же сѣдя на престолѣ высоцѣ, каменіемъ драгимъ и златымъ преукрашенномъ, самъ же той славою веліею и одѣяніемъ блистаяся, окрестъ же престола его... множество юношъ крилатыхъ стоящихъ, лица же ихъ овыхъ сини, овыхъ багряны, инымъ же яко смола черны" [1]). Бѣсы, подчиняясь Сатанѣ, стараются угодить ему всѣми силами. Въ апокрифическомъ Никитиномъ мученіи бѣсъ, прельщавшій св., такъ объясняетъ ему свое поведеніе: „святче бж҃ій. якоже ты тщишися вѣнецъ пріяти такоже и мы тщимся да благодарственно. отъ отца нанашего Сатаны примемъ" [2]). Въ „словѣ св. Нифонта" бѣсы несутъ отцу своему Сатанѣ сребреницу, полученную скоморохами порадовать его [3]). Съ другой стороны, и Сатана награждаетъ и повышаетъ въ чинѣ подчиненныхъ ему бѣсовъ. Въ „легендѣ о происхожденіи винокуренія" Сатана награждаетъ „піанаго" бѣса, сажая его на своемъ престолѣ, возлагая на голову его свой вѣнецъ и порфиру на плечи, даетъ ему „власть піанственную" и нѣсколько другихъ бѣсовъ въ подчиненіе [4]).

Въ отношеніяхъ между собою бѣсы наблюдаютъ братство. Въ повѣсти о Соломоніи они наблюдаютъ на пирушкѣ порядокъ мѣстъ, „другъ друга честію больша себе творяще", пьютъ изъ круговой чаши. У нихъ есть и религія. Они убѣждаютъ Соломонію и пытками добиваются отъ нея, чтобы она вѣровала въ нихъ и въ отца ихъ Сатану [5]).

Что же дѣлаютъ бѣсы?

---

[1]) П. С. Р. Л-ры, I, 173—4 стр.
[2]) Тихонр. П. О. Р. Л-ры, II, II, 117 стр.
[3]) П. С. Р. Л-ры, I, 208.
[4]) П. С. Р. Л-ры, I, 137—138; ср. Птрк. Древн., отр. 110.
[5]) Пр. С. Р. Л-ры, I, 153 стр. и сл.

IV.

Бѣсы-мучители.

Дѣятельность бѣсовъ среди людей въ др. Руси была живымъ ощущеніемъ, заставлявшимъ напрягать нравственную энергію до высокой степени. Злая дѣятельность ихъ среди людей, прежде всего, проявляется въ причиненіи болѣзней.

Еще въ Евангеліи болѣзни производятся отъ дѣйствія дьявола. При разсказѣ объ исцѣленіи скорченной женщины сказано, что эту дочь Авраамову связалъ Сатана (Лук. 13, 16).

По изгнаніи бѣса изъ бѣсноватаго-нѣмого, нѣмой заговорилъ (Мѳ. 9, 32) и проч. Такъ, собственно, и должно представлять болѣзнь при библейскомъ міросозерцаніи, по которому болѣзни появились только послѣ грѣхопаденія (Быт. 3, 1—15). Вѣрованіе въ происхожденіе болѣзней отъ демоновъ было всеобщее и въ первохристіанствѣ и отразилось въ твореніяхъ апологетовъ. Въ ихъ воззрѣніяхъ на болѣзни отражается, кажется, и вѣрованіе всякой опимистической языческой религіи, что болѣзнь—духъ, вселяющійся въ тѣло, котораго посредствомъ чаръ можно вселить въ тѣло другого человѣка и изгнать оттуда. „Въ нихъ (т.-е., въ демонахъ), говоритъ Тертулліанъ, заключается причина болѣзней и несчастныхъ случаевъ всякаго рода и, въ особенности, внезапныхъ и чрезвычайныхъ потрясеній, сильно ослабляющихъ душу. При этихъ нападеніяхъ на душу и тѣло нужно отмѣтить ихъ тонкость и легкость. Будучи невидимы и недоступны наблюденію, эти духи даютъ себя знать, правда, не въ самомъ дѣйствіи, но въ послѣдствіяхъ его, когда, напр., необъяснимое, лежащее въ воздухѣ зло повреждаетъ древесныя и полевыя растенія въ самомъ ихъ цвѣтѣ, уничтожаетъ ихъ въ зародышѣ и губитъ во время созрѣванія, или когда испорченный по неизвѣстной причинѣ воздухъ извергаетъ приносящее заразу испареніе. Съ такой же таинственностью заразы дыханіе демоновъ и ангеловъ производитъ различныя болѣзни духа посредствомъ умоизступленія, сумашествія и позорныхъ и ужасныхъ пожеланій“ [1]).

[1]) Богословскій Вѣстникъ, 1907, II, 358—359.

Достойный всякаго удивленія Іустинъ, сообщаетъ Таціанъ, сказалъ, что демоны подобны разбойникамъ: какъ послѣдніе берутъ живыми нѣкоторыхъ людей, а потомъ за выкупъ возвращаютъ ихъ роднымъ, такъ и они — демоны, которыхъ почитаютъ за боговъ, вселясь въ тѣло какихъ-либо людей и потомъ посредствомъ сновидѣній внушивши мысль о своемъ присутствіи, велятъ такимъ людямъ выйти на народъ и, насытившись мірскими веществами въ виду всѣхъ, отлетаютъ отъ больныхъ и возвращаютъ имъ прежнее здоровье, уничтоживъ болѣзнь, которую они сами произвели“ [1]).

Богомилы, если имъ, дѣйствительно, принадлежитъ „сказаніе, како сотвори Богъ Адама“, также производили болѣзни отъ Сатанаила и именно отъ того, что онъ „взялъ древо и истыка всего человѣка Адама и сотвори ему въ немъ 70 недуговъ“ [2]). Отъ нихъ же изъ Болгаріи перешли „молитвы составленныя отъ трясавицы лживыя: сѣдящу святому отцу Сисинію на горѣ Синайстей и видѣ изъ моря седмь (варіантъ 12) женъ исходящъ“ [3])—заговоръ отъ лихорадки, гдѣ эта болѣзнь представлена въ видѣ „12 женъ простовласыхъ окаянніи діаволе видѣніе“; при чемъ каждая изъ этихъ женъ изображаетъ опредѣленный фазисъ болѣзни [4]).

Вѣрованіе въ происхожденіе болѣзней отъ дѣйствія дьявола перешло и на Русь, слившись съ народными анимистическими представленіями болѣзней, и проводится въ древне-русской письменности. Необходимое послѣсловіе каждаго др.-русскаго житія составляютъ многочисленныя „чудеса“, представляющія изъ себя своеобразную лѣтопись, которую изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе вели монахи у гроба преподобнаго чудотворца, и достигающіе иногда почтенной цыфры.

Въ нихъ, большею частію, разсказывается, какъ такому то или такой-то случилось заболѣть самыми разнообразными болѣзнями: трясавицею, разслабленіемъ, зубною

[1]) Ibid., стр. 372.

[2]) П. С. Р. Л-ры, III, 13 стр.

[3]) П. О. Р. Л-ры, Тих-ва, стр. VII.

[4]) Вотъ ихъ имена: трясѣя, гнѣя, ледѣя, гнетѣя, грынуша, глухѣя, ломѣя, пухнѣя, желтѣя, коркуша, гледѣя, невѣя (отъ navio). Заговоръ см. у Буслаева: „о н. поэзіи въ д.-р. л.-рѣ. М. 1859, прил. стр. 28.

или очною болѣзнію, сухоткою и пр., но при этомъ постоянно прибавляется: „по дѣйству діаволю". Какъ представлялось это дѣйствіе діавола, показываетъ статья „о различіи скорбей и тягостей бѣсовскихъ" изъ одного рукописнаго сборника Соловецкой библіотеки (№ 892), въ которой читаемъ такія любопытныя строки: „Папущаютъ бѣсове главоболіе, якоже мнѣти всему мозгу трястися и хлобыстати, внегда поклоны творити намъ... и въ слухи намъ входятъ и паки исходятъ. тогда главѣ вельми болѣти и от входа бѣсовскаго умъ помрачается и очи и сердце болитъ и уста сатыхаются, тогда подобаетъ намъ на вѣтре прохлаждатися, и абие съ вѣтромъ разносітъ ихъ безъ вѣсти, яко комаріе сонмище. напущаютъ глухоту, и разженія главѣ и ушамъ, якоже піявица ползающи на главѣ, и якоже кому дерзающу за власы, якоже садняти главѣ, едва мочи стерпѣти, напущаютъ тяжкое помраченіе, якоже непщевати уму. и неразумѣти писанія и складу книжнаго, напущаютъ забвенія и отъемлютъ память, напущаютъ слѣпоту и медленноязычіе и устомъ яко клею слипатися. егда молимся, напущаютъ икоту, напущаютъ выеболіе, якоже клещами кому жгуще жилы; егда сѣдимъ; и въ свирѣли и въ сопѣли сопуще. иже глаголется пузырикомъ и слышитъ душа и разслабляется лѣностію; напущаютъ сердечную болѣзнь на стояніи, и на сѣданіи и на ложи, паче же сего болѣзнію во снѣ погружаютъ и въ уединенномъ житіи, якоже всѣмъ удомъ ослабѣти... напущаютъ рукамъ зудѣніе и ногамъ, и болѣзнь, яко біющу кому на правеже, якоже подгибатися ногамъ напущаютъ тоску и рвеніе, но и всѣмъ удомъ нашимъ касаются, и входятъ и скорбятъ страстныхъ человѣкъ". Словомъ, заключаетъ авторъ этой статьи, „всякому злу конецъ и вина бѣсове есть" [1]).

Съ первыми строками этого отрывка интересно сопоставить разсказъ изъ житія Ѳеодосія Печерскаго о томъ, „яко не даяхуть ему бѣси спати". Когда послѣ вечерней молитвы Ѳеодосій садился на стулъ немного отдохнуть (онъ „николиже на ребрехъ своихъ лежалъ"), „се же слыша гласъ хлопота въ пещерѣ, отъ множества бѣсовъ, яко се имъ на колесницахъ ѣдущимъ, инѣмъ же в сопѣли сопущемъ, и тако всѣмъ кличущемъ, яко трястися

---

[1]) Цит. по Руковод. д. С. П. 1867 стр. 576—577.

пещеры отъ множества плища злыхъ д҃хъ". Преподобный вставалъ, крестился, пѣлъ псалтырь и прогонялъ бѣсовъ, но едва только опять садился на стулъ, „се паки безчисленныхъ бѣсъ гласъ слышатъся, яко и преже", и преподобный опять вставалъ и молился. „Сице же по многы дни и нощи творяхуть ему зліи д҃хи, яко не дадутъ ему не мало опочинути" [1]).

Но въ Кіево-Печерскомъ же патерикѣ разсказывается, какъ бѣсъ погружалъ братію и въ сонъ, кидая на иноковъ „цвѣты глаголеміи лѣпки" [2]). Ѳеодосій же печерскій въ одномъ изъ своихъ поученій жаловался: „егда година (время) церковнаа позоветь насъ на святый съборъ, и тогда сердца наша сотона омрачить лѣностію, яко не ити съ тщаніемъ въ церковь на святое собраніе" [3]). Т. о., болѣзни представляются въ видѣ маленькихъ бѣсенятъ, проникающихъ въ наше тѣло и этимъ причиняющихъ намъ боль, или дѣйствующихъ на насъ волшебными травами и пр.

Но не одну только мигрень, переутомленіе, икоту, сонъ и безсонницу и пр. напускаютъ бѣсы, а и болѣе мучительныя болѣзни.

Въ одномъ др.-русскомъ поученіи осуждается сл. явленіе въ жизни народа: „бѣса глаголемаго трясцею творятъ" [4]). Какъ этотъ бѣсенокъ проникаетъ въ тѣло, показываетъ „повѣсть о скверномъ бѣсѣ", сохраненная въ одной раскольничьей рукописи: „Повѣдаше намъ нѣкій старецъ, яко онъ отъ свв. отецъ слыша, глаголющихъ о нѣкоемъ отцѣ велицѣмъ, яко нѣкогда, ходящу ему по пустыни, видѣ бѣса, идуща мимо его, всего окаляна гноемъ сквернымъ отъ главы и до ногу. И рече ему старецъ: „гдѣ былъ еси діаволе, и чего ради окалянъ гноемъ"? Отвѣща діаволъ: на б....номъ дворѣ былъ и осквернихся отъ б...ныхъ женъ. И рече ему старецъ: „да почто не не омылся еси въ рѣцѣ или въ источницѣ?" Онъ же рече: „не велитъ ми вышній Богъ". И паки рече ему старецъ; „да по не бы въ блатѣ измылся?" Онъ же рече ему: „запрещаетъ ми Богъ вашъ измытися въ немъ". Глагола

---

1) Яковлевъ, Памятники. 22—23 стр.
2) Ibid, 77—78.
3) Пономаревъ, I, 42.
4) Цит. по Русск. Ф. В-ку, 1897, т. 38, стр. 323.

старецъ: „да попе бы въ колесницѣ?“ — „Не велитъ намъ сквернити, понеже христіане піютъ, повелѣваетъ ангелу водному отгоняти насъ; онъ же оружіемъ огненнымъ прогоняя насъ“. Старецъ рече ему: „да гдѣ можешь измытися?“ Бѣсъ рече: „поиду въ христіанскіе домы и гдѣ обрящу сосуды непокровенны, ту вниду и измыюся. Они же послѣ мене пріимутъ болѣзни тяжки и кашлеве и трясавицы и иныя скорби, и сія рекъ невидимъ бысть“ [1]).

Дьяволу же усвояется власть надъ половой любовью, приворотъ и отворотъ. Въ „вопрошаніи Кириковомъ“ осуждается слѣдующій обычай: „а се есть оу женъ, аже не възлюбятъ ихъ моужи, то омываютъ тѣло свое водою и тоу воду даютъ моужемъ“ [2]), даютъ, очевидно, потому, что эта грязная вода имѣетъ волшебное дѣйствіе на полъ. Мы знаемъ и повѣсти о примѣненіи волшебнаго зелья съ цѣлью приворота при помощи дьявола. Это — „повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ“, прототипомъ которой является повѣсть о прельщенномъ отрокѣ, спасенномъ Василіемъ Кесарійскимъ — византійскаго происхожденія [3]). Савва по торговымъ дѣламъ отправился въ Соликамскъ, остановился по дорогѣ въ городѣ Орлѣ на Камѣ и поселился тамъ у старика Божена, стараго друга его отца. У Божена была хорошенькая и молоденькая жена, которую теперь и „уязвилъ“ дьяволъ „на юношу онаго къ скверному смѣшенію блуда“. Савва не разбиралъ ни воскресныхъ дней, ни праздниковъ, ни помнилъ о страхѣ Божіемъ и смертномъ часѣ, но „всегда въ калѣ блуда яко свинія валяшеся“. Но однажды въ ночь на Вознесенье, боясь святости праздника, Савва отказался удовлетворить страсть жены Божена: она, обидѣвшись, напоила его на сл. день волшебнымъ зельемъ, съ котораго Савва сталъ „сердцемъ тужити и скорбѣти по женѣ той“; а она не обращала на него никакого вниманія. „И начатъ отъ великія туги красота лица его увядати и плоть его истончаватися“. Однажды на прогулкѣ за городомъ Савва вслухъ сказалъ: „егда бы кто отъ человѣкъ или самъ діаволъ сотворилъ ми сіе, еже бы паки совокупитися мнѣ съ женою оною,

1) Тихонр. Лѣтописи р. л-ры и др., V, 89—90.
2) Ист. Библ., VI, 925—926.
3) Сиповскій. Рус. повѣсти XVII — XVIII вв. Спб. 1905, 39—44 стр

азъ бы послужилъ діаволу!" Какъ изъ-подъ земли, предъ Саввой выросъ бѣсъ въ образѣ юноши [1]), остановилъ его, назвался его неизвѣстнымъ братомъ и по русскому обычаю расцѣловался съ нимъ. Разговорились; дьяволъ спросилъ, отчего такъ исхудалъ Савва съ лица? и вызвался помочь ему, но съ условіемъ, что онъ дастъ ему на себя расписку („рукописаніе"). Савва охотно согласился, отрекся отъ Христа и предался дьяволу. Проходя послѣ прогулки городомъ, онъ встрѣтилъ Боженовъ у лавки; жена Божена теперь-по родственному расцѣловалась съ нимъ, „юноша же уловленъ бысть лестію женскою, паче же діаволомъ, паки запинается въ сѣти блуда с проклятою оною женою и ниже праздниковъ, ниже воскресенія день помняще, ни страха Божія имѣюще, понеже ненасытно безпрестанно съ нею въ калѣ блуда валяяся" [2]).

Но изъ болѣзней явно демонологическаго характера всегда считалось бѣснованіе. Психологическая природа этого явленія представляетъ непонятную и интересную загадку. Еще въ Ветхомъ Завѣтѣ „духъ лукавый давилъ Саула, когда отступилъ отъ него духъ Господень" (I Цар., 14). Но особенно много разсказовъ о бѣсноватыхъ въ Евангеліи, напр.: „и приводили къ Нему... бѣсноватыхъ.. и Онъ исцѣлялъ ихъ" (Мѳ. 4, 24), или: „когда настал̀ъ вечеръ, къ Нему привели многихъ бѣсноватыхъ, и Онъ изгналъ духовъ словомъ" (Мѳ. 8, 16); называются отдѣльныя лица, которыхъ Христосъ исцѣлилъ отъ бѣснованія, какъ напр., Марія, называемая Магдалиною, изъ которой вышли семь бѣсовъ (Лк. 8, 2—3). Но особенно подробно описано исцѣленіе гадаринскаго бѣсноваго (Мрк. 5, 3—15 и паралл.) и бѣсноватаго-лунатика (Мрк. 9, 17—27); приводить эти описанія, кажется, нѣтъ нужды. Одержимость была широко распространеннымъ явленіемъ въ античномъ обществѣ, но отношеніе къ ней было совершенно противоположно христіанскому: бѣсноватые—прорицатели уважались, какъ лица, сподобившіяся вселенія въ нихъ божества. Одну изъ такихъ одержимыхъ—прорицательницъ, по кн. Дѣяній, встрѣтилъ Ап. Павелъ; своею одержимостью она доставляла большой доходъ господамъ своимъ

[1]) Дьяволъ вообще скоро является на зовъ, см. Ркп. Б. М. Д. А-міи, № 1580, л. 227.

[2]) П. С. Р. Л-ры. I, 169—173 стр.

(Дѣян. 16, 16—18). Памятники первыхъ вѣковъ свидѣтельствуютъ, что одержимость была эпидемическимъ явленіемъ въ первохристіанствѣ. Христіанскіе авторы описываютъ и по своему объясняютъ эту болѣзнь. Мы уже слышали слова Тертулліана объ умоизступленіяхъ, позорныхъ и ужасныхъ пожеланіяхъ, вызываемыхъ демонами въ захваченныхъ ими въ свою власть душахъ. Уже языческій міръ обладалъ заклинателями бѣсовъ, примѣнявшихъ различныя симпатическія и мистическія средства для исцѣленія этой болѣзни.

Существовала особая наука—магія—о духахъ и способахъ власти надъ ними. Но изгнаніе демоновъ изъ одержимыхъ было особеннымъ даромъ христіанъ, которымъ Христосъ обѣщалъ: „именемъ Моимъ будутъ изгонять бѣсовъ" (Мрк. 16, 17). Христіане воспользовались имъ для доказательства, что языческіе боги—демоны, и что они признаютъ себя за таковыхъ; Тертулліанъ съ гордостью указываетъ на этотъ даръ христіанъ, какъ на доказательство истинности христіанства. Сначала даръ изгнанія демоновъ принадлежалъ каждому христіанину, затѣмъ онъ перешелъ къ особымъ лицамъ, извѣстнымъ подъ именемъ экзоркистовъ или заклинателей.

Со временемъ церковная должность экзоркиста совсѣмъ уничтожилась; теперь при крещеніи заклинаніе производится священникомъ [1]). Даръ власти надъ демонами перешелъ исключительно къ святымъ, которые въ патерикахъ и житіяхъ и занимаются изгнаніемъ демоновъ изъ бѣсноватытъ [2]).

Въ др.-русскихъ житіяхъ и особенно въ житійныхъ „чудесахъ"—не мало разсказовъ объ исцѣленіи бѣсноватыхъ силою свв. и дѣйствіемъ христіанской святыни у ракъ преподобныхъ, при этомъ часто подробно описывается и самая болѣзнь ихъ. Въ общемъ дѣло происходитъ приблизительно такъ же, какъ и въ евангельскихъ разсказахъ о бѣсноватыхъ, хотя эти „чудеса" едва ли „одна только литература". Бѣсноватые буянятъ, при чемъ у нихъ развивается такая сила, что они съ успѣхомъ отбиваются отъ множества держащихъ ихъ рукъ; ихъ свя-

---

[1]) Подр. см. у А. А. Спасскаго, Б. В. 1907, II, особ. стр. 374—391.

[2]) См., напр., Палестинскій Патерикъ, вып. 4. Спб. 1899 стр. 13.

зываютъ веревками и даже цѣпями, которыя иногда не помогаютъ; они падаютъ на землю съ клубками бѣлой пѣны на устахъ; „сердоболи“ ихъ обычно ведутъ къ чьимъ-нибудь мощамъ, а одержимые при этомъ особенно сильно кричатъ и сопротивляются; кричатъ, собственно, не они, а живущіе въ нихъ бѣсы, которые иногда называютъ себя фантастическими, какъ бы миѳологическими именами [1]), сообщаютъ о своей дѣятельности, о томъ, почему они не могутъ итти къ святынѣ и поносятъ монаховъ неподобными словами.

Бѣсъ иногда еще на пути къ святынѣ оставляетъ бѣсноватаго, но, большею частію, мы видимъ, какъ одержимаго приводятъ въ церковь, какъ при свѣтѣ лампадъ и свѣчъ въ полутьмѣ поютъ молебенъ у раки, кропятъ болящаго св. водой, прикладываютъ ко кресту или къ иконѣ преподобнаго, а затѣмъ ведутъ прикладываться къ мощамъ, иногда оставляя его безъ сознанія лежать на ракѣ: какъ сначала больной страшно бушуетъ, затѣмъ начинаетъ „по малу тишати“ и, наконецъ, получаетъ исцѣленіе; при этомъ бѣсъ исходитъ иногда „яко дымъ черн и злосмраденъ“.

Изъ множества „чудесъ“ съ исцѣленіемъ бѣсноватыхъ приведемъ для образца одно—изъ житія Лаврентія, затворника печерскаго, хотя въ немъ не достаетъ нѣкоторыхъ характерныхъ чертъ. „И крѣпкаго его ради житіа, дарова ему г҃ь блгдть исцѣленіемъ и къ сему приведенъ быс҃ нѣкій чл҃к от Кіева бѣсноуяся, егоже не возможе затворникъ изгнати, бѣ бо лютъ зѣло яко древо не удобоносимо десятью моужь, он же единъ веемъ заверзаше. Пребывшу же ему многое время и не исцѣлевшу, и повели затворникъ вести его в печерскій монастырь; тогда бѣсный нача въпити: къ кому посылаеши мя азъ бо не смѣю приблизитися къ печерѣ, ст҃хъ ради положенныхъ въ ней, въ монастырѣ же 30 тихъ единыхъ боюся, с прочими ся борю. Влекоущіи же его вѣдяху, яко николи же бывалъ в Печерскомъ монастырѣ и никого же знаетъ в немъ въспросиша же его: которіи соуть их' же ты боишися; бѣсный же нарече всѣхъ по имени: сіи 30, рече, словомъ единымъ ижгеноут' мя, Бѣ бо тогда всѣхъ чер-

[1]) Напр., Фелузеромъ въ житіи Елеазара Анзерскаго, Пр. Соб. 1860, I, стр. 118.

норизецъ въ печерѣ 180. и гл҃аше бѣсному: мы хощемъ въ печерском монастыри затворити тя. Бѣсный же рече: кая пол҄за ми с мертвыми боротися, тіи бо н҃нѣ болшее дръзновеніе имоут к҄ бо҄у о всѣхъ черноризцѣхъ молитися и о приходящихъ к нимъ, но аще хощете брань мою видѣти, ведите мя въ монастырь и изочте тѣхъ 30 всѣхъ по имени, реч: съ прочими же ся борю; и нача гл҃ати жидовское, потомъ латынскы, тоже греческы и спроста рещи, всѣми языкы их҄же. николиже слышалъ, яко боятися и водящимъ его измѣненію языку и разногласію, и прежде вшествія в монастырь исцѣлѣ и добро на҃ч, смыслити. Вшедшимъ же имъ въ цр҃квь, пріиде игоуменъ съ всею братіею; и не знаяше игоумена исцѣлѣвый. ни единаго отъ тѣхъ 30, ихже нарече бѣсноуся; тогда въспросиша же того приведшіи, кто есть исцѣлевый тя. Сій же, взирая на икону богородичину чюдотворную, гл҃яше: яко сего оусрѣтоша нас поименіи ст҃іи оц҃и 30 числомъ и тако исцѣлѣхъ; имена же всѣхъ оубо свѣдаше, самъ же ни единою отъ тѣхъ старецъ знаше“ [1]).

Дьяволъ особенно близокъ къ женщинѣ; онъ поражаетъ ее особыми, женскими болѣзнями. Каждый, навѣрно, видалъ деревенскихъ бабъ—кликушъ. Авторъ, напр., до сихъ поръ живо представляетъ изъ своего дѣтства одну женщину изъ бѣдной-бѣдной деревни (крестьяне-собственники). На Пасхѣ во время Пасхальной славы священникъ далъ ей приложитися ко кресту. Это она сдѣлала съ большимъ трудомъ. вся измѣнилась и почернѣла въ лицѣ и, поцѣловавши крестъ, какъ снопъ, упала на полъ. Чистой, тонко придуманной пыткой было для нея—причащаться. Передъ причащеніемъ въ церкви за обѣдней она кричала „на всѣ голоса“ и мѣшала богослуженію и, чѣмъ ближе было время къ чашѣ, тѣмъ становилась безпокойнѣе; скромная и нравственная обычно, она выкрикиваетъ непотребныя слова. Причащаться ее вели обыкновенно въ нѣсколько рукъ; она потеряла сознаніе, плотно стискивала зубы. такъ что трудно было разжать ей ротъ. иногда изо рта появлялись клубы бѣлой пѣны. Послѣ причащенія она обычно успокаивалась. Особенно много этихъ кликушъ въ мѣстахъ поклоненія святынямъ: у ракъ мощей. у чудотворныхъ иконъ и пр. Такая форма

[1]) Яковлевъ, Памятники, 129—130 стр.

бѣснованія стоитъ въ связи съ вѣрованіемъ въ порчу и сношенія бѣсовъ съ женщинами. Въ античномъ язычествѣ широко была распространена вѣра въ инкубаціонные сны. Въ храмахъ часто можно было встрѣтить супруговъ, пришедшихъ туда ночевать, чтобы излѣчиться во снѣ отъ безплодія. Съ появленіемъ христіанства это вѣрованіе было не отвергнуто, а своеобразно истолковано было церковными писателями. Скандальныя похожденія олимпійцевъ съ красивыми смертными были поняты какъ дѣйствительные факты, но совершонныя демонами. Вѣра въ половыя сношенія дьявола съ женщинами держалась долго и въ Византіи; такъ, въ житіи Василіи Новаго (X ст.) на 18-мъ мытарствѣ Ѳеодоры истязуются грѣхи „пачеестественныя" и между ними „совокупленіе съ бѣсы" [1]). На Западѣ вѣра въ инкубовъ и суккубовъ - демоновъ была чрезвычайно распространена въ средніе вѣка [2]). Но и на Руси отъ волхованія производили рожденіе полоцкаго князя Всеслава, чѣмъ объясняли, что онъ „немилостивъ есть на кровопролитье" [3]). Мы уже приводили въ свое время разсказъ одного др.-русскаго житія о томъ, какъ дьяволъ „всели непріязненна летяща змія" къ женѣ муромскаго князя Павла-Февроніи. Но это разсказъ довольно цѣломудренный; правда, говорится, что „змій же осилѣ надъ нею", но въ разсказѣ онъ представляется только сидящимъ рядомъ съ княгиней. Но есть сказанія наполненныя пикантными подробностями разгульнаго воображенія. Въ житіи Варлаама Важескаго разсказывается объ одной деревенской женщинѣ, жавшей въ полѣ, къ которой явился дьяволъ „зракомъ убо человѣческимъ, дѣломъ же чрезъ естество человѣче". „Страшенъ убо ей явися зѣло, высокъ взоромъ, очима огненъ, зубы скрежеташе на ню, оружіе оскордо въ

---

[1]) Ж. В. Новаго, изд. Кіево-Печерск. Л. 1839, стр. 52.

[2]) См. Ровинскій, Русскія народныя картинки, т. 2, столб. 331. Западный сатанизмъ, восходящій, какъ намъ кажется, къ люциферіанству, одной изъ крайнихъ богомильскихъ сектъ (черезъ альбигойцевъ), послужилъ темой для замѣчательнаго романа Гюисманса: „Тамъ внизу" (La bas), печатавшагося при „Ист. вѣсти." и вышедшаго теперь въ новомъ переводѣ Ю. Спасскаго, а также для полубеллетристическаго произвед. Пшебышевскаго: „Синагога Сатаны"; сатанизмъ-тема и лирической западной поэзіи; см. напр., у Бодлэра „Акаѳистъ Сатанѣ" въ Les fleurs du Mal и пр.

[3]) Лавр. лѣт., стр. 151.

рукахъ имѣя грозяще посѣщи ю. Она же яко видѣвъ тако страшно возопи гласомъ, паде на землю и бысть безгласна и безсловесна и пѣны тещи изо устъ своихъ, отъя бо ся у нея языкъ, руцѣ и нозѣ, уста ея превратишася на едину страну“. Это какъ бы намекъ на „повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи, замѣчательный памятникъ демонологическаго характера XVII в.

Передадимъ вкратцѣ ея содержаніе, чтобы дать понятіе о представленіи кликушества подъ перомъ пылкаго воображенія, отсылая за подробностями къ самой повѣсти.

Соломонія была поповна, родомъ съ р. Сухоны. Она была выдана родителями замужъ за одного крестьянина по имени Матвѣя. Въ первую брачную ночь Матвѣй вышелъ за дверь „тѣлесныя ради нужды“. И вотъ Сатана, „умысля такова самъ или посланъ отъ человѣка недобра на погубленіе жены тоя“, воспользовавшись этимъ, постучался въ дверь: „Соломоніе! отверзи!“ Соломонія подумала, что это ея мужъ, отворила. „И пахну ей въ лицо и во уши и во очи, аки нѣкоторый вихрь велій, и явися аки пламя нѣкое огненное и сине“. Соломонія всю ночь не сомкнула глазъ, а на третій день послѣ этого ощутила въ своей утробѣ демона.

За первымъ посѣщеніемъ вскорѣ послѣдовало второе: на девятый день она увидала демона, пришедшаго къ ней „звѣрскимъ образомъ, мохната, имуща кнохти“, который легъ къ ней и этимъ свелъ ее съ ума. Затѣмъ бѣсы повадились къ Соломоніи въ видѣ добрыхъ молодцевъ сразу „по пяти и по шти“, „и тако нападаху на нея и скверняху ее“. Замѣтивъ, что жена его сохнетъ, Матвѣй отвелъ Соломонію къ отцу, но и тамъ „окаянніи демони хождаху и скверняху ее“. Они стали уносить ее съ собою въ воду, оставляли ее иногда на лѣсу, иногда на полѣ нагишомъ, пока какіе нибудь христолюбцы не приводили ее домой. Въ домѣ отца бѣсы страшно мучили Соломонію: однажды они стали кидать ее по избѣ, какъ мячъ, изъ угла въ уголъ, съ печи на палати, и, наконецъ, на мертвой петлѣ повѣсили ее на брусъ, гдѣ она оставалась до тѣхъ поръ, пока ее, посинѣвшую и избитую, оттуда не вытащилъ ея отецъ. Бѣсы стали совать ей въ руки копье, чтобы она заколола имъ своего отца, и, дѣйствительно, копье находили въ ея рукахъ. Но не слаще было Соломоніи и „въ водѣ“ у нихъ: они растягивали ее по стѣнѣ,

заковывали ей ноги и подвергали пыткамъ; кололи копьемъ. бодали рожками, рѣзали ножомъ, драли когтями. Они добивались, чтобы она вѣровала въ нихъ и въ отца ихъ Сатану. Отъ сношенія съ демонами Соломонія родила сразу шесть демоновъ, которыхъ носила въ утробѣ 18 мѣсяцевъ. а вскорѣ въ разные сроки родила еще пять. Эти бѣсенята были „сини“, „темнозрачніи“ и „ссаху ея за сосцы яко зміи лютыи“. Ухаживать за родильницей приходила „темнозрачная жена“. которая бросила бѣсенятъ подъ мостъ; бѣсенята приносили Соломоніи птичью кровь и какіе то корни. Бѣсы справили ихъ рожденіе пирушкой, въ которой заставляли принимать участіе и Соломонію. Такъ какъ Соломонія отказывалась дѣлать это, какъ и жить съ ними. то они понесли топить ее, „на нѣкое блато“, но Соломонію спасла внезапно поднявшаяся сильная гроза. во время которой ихъ убило цѣлыя тысячи, такъ что отъ труповъ ихъ пошелъ „сильный смрадъ“. У бѣсовъ Соломонія сдружилась съ дѣвкой Ярославкой, которая научила ее. если она не хочетъ оставаться у бѣсовъ, не отвѣчать на ихъ вопросы, не ѣсть и не пить съ ними; она выучила также ее по десяткамъ именамъ демоновъ и посовѣтовала проклинать ихъ въ алтарѣ. Послѣдняя мѣра подѣйствовала, и бѣсы на время оставили Соломонію.—Вскорѣ Соломонія захворала. Во время болѣзни ей явилась во снѣ св. Ѳеодора (изъ житія Василія Новаго) и объяснила причину ея болѣзни: „тебя попъ пьянъ крестилъ и половины святого крещенія не исполнилъ“, не велѣла обращаться къ волхвамъ, а итти въ Устюгъ молиться и наказала креститься истово. Съ этихъ поръ начинаются странствованія Соломоніи по Устюжскимъ церквамъ, гдѣ она вопитъ на разные голоса. мечется о помостъ церковный, испытываетъ различныя мученія отъ бѣсовъ: такъ, однажды „смятеся въ ней окаянный демонъ и начатъ утроба ея рвати и прогрызе у нея лѣвый бокъ наскрозь“, послѣ чего Соломонія „видѣ срачицу свою окровавлену и показа сущимъ ту“; она видитъ разныя видѣнія и, наконецъ, получаетъ исцѣленіе отъ свв. Прокопія и Іоанна Устюжскихъ. Соломонія увидѣла юношу, идущаго въ ея храмину со свѣчой въ рукахъ, а за нимъ—Прокопія и Іоанна. Св. Прокопій, разсказывала Соломонія, „прекрестилъ рукою своею утробу мою, а св. Іоаннъ, держа копейцо въ рукѣ малое, и той приступи ко мнѣ и разрѣза утробу мою, и взя изъ меня демона, и по-

давъ его святому Прокопію; демонъ же нача вопити великимъ гласомъ и витися въ руцѣ его; и св. Прокопій показа ми демона и рече: Соломоніе! видиши ли демона, иже бысть во утробѣ твоей. Азъ же зря его видѣніемъ черн и хвостъ бяше у него, уста же дебела и страшна; и положи его окаяннаго на помостъ и закла его кочергами. Св. же Іоаннъ паки нача изымати изъ утробы моея по единому и давати св. Прокопію; онъ же заклаше ихъ поединому". Но совершенное исцѣленіе Соломонія получила только у гроба св. Прокопія. Тамъ также „нача св. Іоаннъ изимати тою же раною демоновъ, якоже и преже; св. же Прокопій примаше и меташе ихъ на помостъ церковный и давляше ихъ ногою своею".

Наконецъ, св. Прокопій спросилъ, чиста ли утроба у Соломоніи, а св. Іоаннъ осмотрѣлъ ее, „да бы чиста". Послѣ этого „въ утробѣ моей, разсказывала Соломонія, не почуяхъ силы вражія, и бѣхъ яко николиже страдахъ, и язва, иже отъ діавольскаго злаго прогрызенія, исцѣлѣ" [1]).

V.

Бѣсы-искусители.

Главное занятіе бѣсовъ—искушенія, съ цѣлью отвлечь человѣка отъ спасенія. Прототипомъ этихъ искушеній является искушеніе Христа въ пустынѣ (Мѳ. 4, 1—11 и паралл.) и искушеніе Евы змѣемъ (Быт 3, 1—15). Но искушенія по библіи удѣлъ и всѣхъ вѣрующихъ. Въ Евангеліи говорится, что „ко всякому, слушающему слово о царствіи и не разумѣющему, приходитъ лукавый и похищаетъ посѣянное въ сердцѣ его" (Мѳ. 13, 19). Въ другой притчѣ говорится, что „царство небесное подобно человѣку, посѣявшему доброе сѣмя на полѣ своемъ; когда же люди спали, пришелъ врагъ его и посѣялъ между пшеницею плевелы и ушелъ" (Мѳ. 13, 25, ср. 28). Ап. Павелъ говоритъ о „козняхъ" дьявола (Еф. 6, 11), о разженныхъ стрѣлахъ лукаваго" (Еф. 6, 16) и о „сѣтяхъ" діавола (2 Тим. 2, 26). Искушенія Евы и Христа полны дьявольской хитрости; и для искушенія обыкновенныхъ людей дьяволъ можетъ при-

[1]) П. С. Р. Л-ры, вып. 1—2, стр. 153—164.

нимать на себя личину добра, преобразоваться въ ангела свѣта (5 Кор. 11, 14).

Мотивъ искушенія людей дьяволомъ былъ подхваченъ и художественно разработанъ подвижниками монахами, съ IV вѣка наполнившими пустыни Египта, Синая, Палестины, а затѣмъ и множества другихъ мѣстъ. Въ твореніяхъ отцовъ-аскетовъ находимъ подробно описанную психологію грѣха. Зерно грѣха называется у аскетовъ помысломъ. Развиваясь и укрѣпляясь постененно, помыслъ переходитъ въ грѣховное направленіе. Помыслъ, называемый также приращеніемъ или прилогомъ, есть лишь простая попытка со стороны духа зла—склонить ко грѣху. Воля человѣка при этомъ не участвуетъ, и потому помыслъ не подлежитъ нравственоому вмѣненію. Слѣдующій моментъ искушенія—сдруженіе или сочетаніе, когда душа принимаетъ помыслъ, внушенный врагомъ, услаждается имъ; это уже—актъ, подлежащій вмѣненію, такъ какъ здѣсь уже начинается колебаніе воли. Третій моментъ—„страсть“ не въ обычномъ смыслѣ этого слова, а въ смыслѣ склоненія воли ко грѣху, хотя на совершеніе его душа еще не дала своего согласія. Наступаетъ четвертый моментъ—внутренняя борьба представленій добра и зла, когда плоть похотствуетъ на духа, а духъ на плоть, который кончается пятымъ моментомъ — плѣненіемъ т. е., опредѣленіемъ себя къ злому дѣлу, послѣ чего слѣдуетъ и самый грѣхъ.

Ефремъ Сиринъ сводитъ основные помыслы къ слѣдующимъ восьми: чревоугодія и блуда, сребролюбія, гнѣва, печали, унынія, тщеславія, гордости, а Іоаннъ Кассіанъ для удобства дѣлитъ ихъ на 4 пары: чревоугодія и блуда, сребролюбія и гнѣва, печали и унынія, тщеславія и гордости [1]). Но отцы-подвижники оставили намъ и рядъ патериковъ и житій, гдѣ ихъ аскетика находитъ себѣ художественно-реальное выраженіе. Однимъ изъ главныхъ сюжетовъ этихъ произведеній являются искушенія, при которыхъ дьяволъ принимаетъ на себя разные образы, прибѣгаетъ къ хитрымъ средствамъ для обольщенія, а подвижники борются съ нимъ, иногда побѣждая его. Каждому житійному писателю было поле для напряженія своей фантазіи и остроумія; немудрено, что патерики пользова-

---

[1]) Л. Соколовъ. Психологія грѣха и добродѣтели. Вологда. 1905, стр. 9—40.

лись большой популярностью, какъ очень занимательное чтеніе.

Эти патерики перешли и въ древне-русскую литературу [1]), какъ и отдѣльныя житія преподобныхъ въ Четіихъ-Минеяхъ и прологѣ, и пришлись по вкусу др. русскому читателю. Мало того, они вызывали къ жизни новые патерики, какъ Кіево-печерскій или Волоколамскій, а также множество житій русскихъ національныхъ угодниковъ, въ которыхъ также немало демонологическихъ сказаній. Въ большинствѣ случаевъ эти сказанія — бродячіе сюжеты, заимствованные изъ восточной агіографіи или подражаніе имъ, но въ нихъ есть кое-что и свое, русское[1]).

По др.-русскому представленію, дьяволъ особенно старается искушать монаховъ. Вѣдь, человѣкъ созданъ вмѣсто отпадшаго дьявола и его свиты, чтобы занять на небесахъ ихъ освободившіяся мѣста [3]); но въ особенности на это призваны представители ангельскаго чина. И, если дьяволъ не можетъ вообще не завидовать человѣку и не мѣшать его спасенію, „дабы ему не единому въ негасимомъ огни быть“, то особенно онъ старается относительно иноковъ. „Егда постризается человѣкъ, читаемъ въ одномъ сборникѣ Соловецкой библіотеки, имя ангела напишется ему на небеси и веліа радость тамъ бываетъ о немъ. и ежели соблюдаетъ себе благочестно и безгрѣшно, не отводимъ бываетъ съ міряны, но на небеса взводимъ бываетъ вмѣсто чина, его же держалъ есть самаилъ, ангелы бѣсы бывшая. толико ангелъ навержити имать адамле сѣмя. вѣнецъ юже носилъ есть самаилъ. съдержати имать чинъ ангельски. съ черньцы. и много скорбятъ бѣсове, понеже на ихъ мѣсте черньцы стоятъ. яко же воевода держитъ мѣсто, возметъ инъ власть его, много скорбитъ даже до смерти и вражда не можетъ прейти... Сице бо и о инокыхъ паче всѣхъ множае бѣси борютъ и подвизаются отвратити ихъ отъ ангельскаго чина“ [4]).

---

[1]) Въ слав. перев. извѣстны слѣд. патерики: Лугъ Духовный. Азбучный, Синайскій, Египетскій, Скитскій, Палестинскій, Лавсаикъ. Діалоги Г. Двоеслова.

[2]) Въ ркп. Синод. Б-ки подъ № 927.

[3]) Толковая Палея 1477 г., изд. О. Люб. Д. П. л. 20.

[4]) Руковод. Д. С. П. 1867, 583—584 стр.; ср. у Островскаго въ „Грозѣ“: „Ѳекла. Васъ, простыхъ людей каждаго одинъ врагъ смущаетъ, а къ намъ, къ страннымъ людямъ, къ кому шесть, къ кому

Какъ же искушаютъ бѣсы?

Еще ап. Павелъ жаловался: „Дано мнѣ жало въ плоть, ангелъ сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился" (2 Кор. 12,7), подобно тому, какъ дается злой и добрый геній по языческому представленію. И въ др. русской литературѣ читаемъ: „Егда крещаеми бываютъ младенцы, и тогда посылаемъ бываетъ ангелъ Господень на сохраненіе во все житіе его человѣческое, даемъ же ему бываетъ лукаваго сатаны ангелъ. Егда же младенецъ той начинаетъ въ мысль и въ разумъ свой о всемъ приходити, въ правдѣ или въ беззаконіи пребывати, то пріиметъ надъ нимъ старѣйшинство и власть ангелъ Божій, и сохраняетъ его отъ всякаго лукавства діавольскаго и стрежетъ его во дни и въ нощи и имѣетъ же душа та совѣсть въ себѣ со ангеломъ Божіимъ. И вся благая дѣла его написуетъ ангелъ Господень отъ юности и до старости его. А егда же начинаетъ человѣкъ пребывати во злыхъ дѣлахъ, и тогда пріемлетъ надъ нимъ старѣйшинство и власть лукавый сатанинъ ангелъ и вси грѣхи его написуетъ, ходя въ слѣдъ его, дневные и нощные. Но аще ли таковый человѣкъ покается, чисто и истинно грѣховъ своихъ, то пріемлетъ абіе ангелъ Господень старѣйшинство надъ нимъ и власть: тогда же лукавый ангелъ сатанинъ плачется по немъ" [1]). Такимъ образомъ, человѣкъ представляетъ изъ себя какъ бы игрушку въ рукахъ высшихъ силъ, превращенъ въ механизмъ, дѣйствующій такъ или иначе, судя по тому, какая изъ двухъ враждебныхъ, дѣйствующихъ на него силъ возьметъ верхъ надъ его сердцемъ. Человѣкъ, поэтому, лишенъ нравственнаго вмѣненія; вся заслуга его лишь въ разумномъ, сознательномъ отвращеніи отъ зла. Вслѣдствіе такого взгляда, строго запрещается осуждать поступки другихъ: „Аще видиши брата въ блудъ впадающа или во инъ грѣхъ, абіе рцы: проклятъ буди сатана, твое сіе есть дѣло, а не бы сего братъ мой о себѣ

двѣнадцать приставлено... Глаша. Отчего же къ вамъ такъ много? Ѳекла. Это матушка врагъ, то изъ ненависти на насъ, что жизнь такую праведную ведемъ".

[1]) Ч. О. И. Д. Р. 1847, № 8, Слово на с. а. Михаила, 5 стр., ср. Пономаревъ, 3, 47—48 стр.; ср. у Достоевскаго: „красота есть не такъ страшная, но и таинственная вещь. Тутъ дьяволъ съ Богомъ борятся, а поле битвы—сердца людей".

сотворилъ“ [1]). Какъ именно дѣйствуетъ бѣсъ на тѣло человѣка, это мы видимъ въ предыдущей главѣ. Но приблизительно также онъ дѣйствуетъ и на наши помыслы. Ева была соблазнена плодомъ райскаго дерева; съ другой стороны, дьяволъ представляется сѣятелемъ плевеловъ. И въ др.-русской литературѣ мы встрѣчаемся со старымъ языческимъ взглядомъ на волшебное дѣйствіе запаховъ и свойствъ нѣкоторыхъ травъ, которое нашло себѣ яркое выраженіе въ др.-русскихъ травникахъ, цвѣтникахъ, зелейникахъ, а дьяволъ превращенъ здѣсь въ языческаго вѣдуна-зелейника, чарующаго людей таинственнымъ дѣйствіемъ разныхъ травъ и цвѣтовъ. Въ Кіево-печерскомъ патерикѣ читаемъ слѣдующій разсказъ о Матѳеѣ Прозорливомъ: „Единою ему стояти въ церкви на мѣстѣ своемъ, възведѣ очи свои, позрѣ по братьи, иже стоять поюще по обѣма странама на клиросѣ, и видѣ обиходяща бѣса въ образѣ ляха, въ лудѣ, и носяща в приполѣ цвѣткы, иже глаголется лѣпокъ. И обиходя подлѣ братью, взимая изъ лона лѣпокъ, ввержаше на кого-либо; аще прильняще кому цвѣтокъ въ поющихъ отъ братья, мало постоявъ и разслабленъ умомъ, вину створь каку любо, изидяше ис церкви, шедъ в кѣлью, и успяше, и не възвратяшется в церковь до отпѣтья; аще ли вержане на другаго, и не прильняше къ нему цвѣтокъ, стояше крѣпокъ въ пѣньи, дондеже отпояху утреннюю и тогда изидяше в кѣлью свою“ [2]). Эти „лѣпки“, повидимому, та самая „сонъ-трава“, о которой поется въ малорусской пѣснѣ:

„Ой спи, дитя, до обида
„Поки маты прійде
„Та принесе три квиточкы;
„Ой, первую зрослывую,
„А другу сонлі̆вую,
„А третю щаслі̆вую“ [3]).

Изъ восточнаго патерика къ намъ перешло сказаніе объ одномъ эпизодѣ изъ жизни Макарія Египетскаго; въ

---

[1]) Пономаревъ, вып. 4, стр. 106, ср. 116. Впрочемъ, „въ Великомъ Зерцалѣ“ есть повѣсть, „яко неприсно намъ бѣсъ виновенъ бываетъ“, см. Ркп. Б. М. Д. А-міи, № 1880 л. 105.

[2]) Лавр. лѣт., 184, 185 стр.; ср. Др. Птрк. 261 стр.

[3]) Метлинскій, Народн. ю.-русск. пѣсни. К. 1854, 1.

это сказаніе были привнесены новыя черты, и вотъ въ какомъ видѣ предстанетъ предъ нами дьяволъ въ одномъ др.-русскомъ рукописномъ сборникѣ. Однажды Макарій встрѣтилъ въ пустынѣ старца, одѣтаго въ длинную космату льняную одежду, всю въ дырахъ, обвѣшаннаго различными сосудами (варіантъ: тыквами). Макарій спросилъ, кто онъ, и старецъ отвѣчалъ: „дьяволъ; сосуди же ихже видѣши суть, ими же человѣкы различными нравы привлагаю к собѣ, коейждо страсти койждо сосудъ тщуся принести и послушающая мя развращаю, и привлачаю къ похотѣнію и веселюся въ паденіихъ“. Макарій заклялъ дьявола именемъ Божіимъ, чтобы онъ разсказалъ ему дѣйствіе каждаго сосуда, и дьяволъ не могъ скрыть отъ св. своей тайны. „Аще обрящу кого въ законѣ Божіи присно поучающася, запинаю ему главоболіемъ, покропивъ и помазавъ отъ сосуда иже на главѣ моей, а иже бдѣти хотящаго въ молитвахъ и пѣніяхъ, веземъ отъ иже на вѣждахъ моихъ сосуда, и помазавъ очи ихъ в сонъ понуждаю дрѣманіе принося, в иже на ушію моею съсуди ихже зриши; в преслушная дѣлу уготовлена суть, и сими сътворяю не слышати истинное слово хотящимъ спастися, а иже на ноздрѣхъ моихъ съсуды благовоніе юнымъ блудное дѣло сътворяю, а иже на устѣхъ моихъ уготовлены сосуды, прельщаю постники снѣдьми различными, оклеветаніемъ и скверннословіемъ. а иже на выи моей сосудъ горъдѣніемъ низлагаю смиренномудрыя, о сих же бо иже любятъ мои дѣла имѣти въ житіи семъ славу и богатство и ина вся дѣла яже мнятся быти блага отъ бога же отлучаютъ. а иже на персѣхъ моихъ зриши, моему разуму суть сіи сокровища, изъ нихъ же напаяя сердца в пьянство нечестія ослѣпи в благочестивыхъ разумы, хотящу имъ помнити будущая, забвеніемъ памяти ихъ погублю. а иже на чревѣ моемъ сосудъ есть, нечувствомъ исполненъ, имже безсловеснѣ и скотски сътворятъ неразумныя, и звѣрскымъ нравомъ жити ихъ пущаю. а иже на пути своемъ суть, блудной нечистотѣ скверно примѣшатися сътворяю. а иже на руку моею зриши, убійство имѣсте служенія суть уготована. а иже сзади на раму на хрепти лежащая помраченіе и тьма моимъ дѣломъ есть имиже крѣпцѣ подвижуся, на иже мене ратовати тщащихся, а иже на бедрѣхъ и на лыстѣхъ видиши, сѣтьми и клеветами суть исполнена, отъ них же изліявъ, сму-

щаю пути правы ихъ и запинаю тещи путемъ благочестія и моимъ путемъ сотворяю тещи“ [1]). Такимъ образомъ, здѣсь дьяволъ даже и по внѣшнему своему виду — языческій колдунъ.

Въ словѣ „отъ старчества въ рукописи соловецкой Б-ки подъ № 60 старецъ разсказываетъ объ одномъ грѣшникѣ: „8 бѣсовъ видѣхъ послѣдующихъ ему и посыпающихъ его смрадомъ, и мурина сѣдяща на раму его и цѣлующа его, и другого демонка, идуща предъ нимъ и раздражающи его и безстудію учаща его, и около него бѣси идуща и вселящися о немъ“ [2]). Пр. Макарій Александрійскій „увидалъ въ церкви въ образѣ нѣкіихъ малыхъ отроковъ, черныхъ эфіоповъ, быстро бѣгавшихъ туда и какъ бы летающихъ. И вотъ малые эфіопы эти подсаживались къ каждому брату и смѣялись, и если они двумя пальцами касались чьихъ-либо глазъ, тогда тотъ братъ немедленно начиналъ дремать, а если кому клали палецъ на уста, тотъ скоро отрезвлялся. Предъ иными же они ходили въ видѣ женщинъ, а предъ другими представлялись какъ бы желающими нѣчто создать или принести или устроить различныя дѣла. И то, что бѣсы, насмѣхаясь надъ кѣмъ либо, представляли, то же самое иноки тѣ помышляли въ сердцахъ своихъ. Отъ нѣкоторыхъ же иноковъ, если бѣсы начинали предъ ними дѣлать что-либо подобное вышесказанному, они внезапно были отгоняемы нѣкою силою, стремглавъ выталкиваемы и болѣе не осмѣливались ни останавливаться предъ таковыми, ни проходить мимо ихъ. Надъ иными же, слабѣйшими братьями, нисколько не внимательными къ молитвѣ, они надругались, сидя на ихъ шеяхъ и плечахъ“ [3]).

Эти примѣры достаточно даютъ понять образъ дѣйствія бѣсовъ на помыслы. Въ какіе же помыслы ввергаютъ бѣсы спасающихся иноковъ? Изученіе демонологіи съ этой стороны за вылетомъ кочующихъ сюжетовъ можетъ быть

---

[1]) Рук. д. с. п. 1867, стр. 580; ср. Попова, стр. 183 — 184; ср. Патер. др. стр. 899, также Чет. М., изд. С. Т.-іи., V стр. 611; также „діаволъ съ различными слонками иде прельщати братію“ въ Ркп. Б. М. Д. А. № 1580 л. 223.

[2]) Прологъ, ркп. С. Б-ки № 60, л. 297; цит. у Попова, 184 стр.

[3]) Ч. Минеи, изд. Синод. Т-іи, V, стр. 642, 643; ср, „Велик. Зерцало“, лл. 225 об.—226 и об.

живой исторіей религіозно-нравственнаго быта русскихъ монастырей и монаховъ съ отрицательной стороны.

Главное дѣло людей, занимающихся личнымъ спасеніемъ,—бесѣда съ Богомъ—молитва. Потому бѣсы пакостятъ монахамъ, прежде всего, въ молитвѣ. Θеодосій Печерскій поучалъ свою братію „блюстися отъ помыслъ скверныхъ, отъ бѣсовскаго насѣянья; бѣси бо, рече, навѣваютъ черноризцемъ помышленья, похотѣнья лукова, вжагающе имъ помыслы, и тѣми врежаеми бываютъ имъ молитвы“ [1]). Въ другомъ поученьи онъ жаловался: „егда година церковная позовет насъ на святый съборъ и тогда сердца наша сотона омрачить лѣностію, яко не ити съ тщаніемъ въ церковь на святое събраніе,—не реку въ церковь, но и на тотъ обѣдъ. А о навечерници нѣсть ми злѣ глаголати: колико възвѣщалъ есмь о томъ и нѣсть послушающаго ни единаго же“ [2]). Матθей Прозорливый видѣлъ, какъ бѣсъ на молитвѣ повергалъ братію въ сонъ пахучими цвѣтками, а Θеодосію Печерскому онъ мѣшалъ кланяться стоя передъ нимъ въ видѣ огромнаго чернаго пса.

Молодымъ инокамъ съ широкой русской натурой бѣсы внушаютъ помыслъ бѣжать изъ монастыря. О томъ же Матвѣѣ Прозорливомъ разсказывается, какъ однажды, направляясь отъ заутрени къ своей келіи, онъ по старческой немощи присѣлъ отдохнуть у колокольни и, взглянувъ, увидѣлъ толпу бѣсовъ, идущую по направленію отъ монастырскихъ воротъ; одинъ изъ бѣсовъ съ важностью сидѣлъ на свиньѣ, а другіе съ гиканьемъ бѣжали за нимъ. Старецъ спросилъ: „камо идеши?“ Сидѣвшій на свиньѣ бѣсъ отвѣчалъ: „по Михаля по тольбековича“. Старецъ перекрестился и пошелъ въ свою келью; едва развѣло, онъ послалъ своего келейника: „иди, впрашай, ели Михаль въ кельи?“ И узналъ, „яко давѣ скочилъ есть со столпья по заутрени“ [3]). Въ Волоколамскомъ патерикѣ разсказывается о другомъ прозорливомъ старцѣ по имени Евфиміи, замѣчательномъ по дару слезъ, которыя онъ постоянно не только въ кельи, но и въ церкви, не только днемъ, но и ночью „безъ щука испущаше“. Когда однажды Евфимій стоялъ на литургіи, по обыкновенію „теплы

---

[1]) Лавр. Лѣт., 179 стр.
[2]) Пономаревъ, I, 42.
[3]) Лавр. лѣт. 185 стр.

слезы испущая", онъ посмотрѣлъ на клиросъ, гдѣ пѣли два брата монаха, рѣшившіе убѣжать изъ монастыря. И вотъ видитъ выглянувшаго изъ-за нихъ нѣкоего мурина съ открытымъ шлемомъ на головѣ съ лохматой шерстью разныхъ цвѣтовъ и съ желѣзнымъ крюкомъ въ рукахъ. Бѣсъ тащилъ монаховъ крюкомъ за рясы и, когда привлекалъ къ себѣ, хотѣлъ схватить; но лишь только онъ пытался сдѣлать это, крюкъ срывался и отскакивалъ. Это значило, что, когда братія принимали помыслъ и согласовались съ нимъ, тогда бѣсъ удобно тащилъ ихъ, а лишь только отлагали его, орудіе врага было безсильно [1]). Тамъ же разсказывается о видѣніи другого бѣса, бросавшаго горящія головни на кельи двухъ другихъ иноковъ, также рѣшившихъ бѣжать изъ обители [2]).

Плоть монаховъ, смиряемая молитвой и постомъ, плохо поддавалась аскетизму. Болѣе всего они страдали отъ бѣсовъ невоздержанія. Въ житіи Елеазара Анзерскаго разсказывается о нападеніяхъ на него „любопищнаго демона", который „бѣдяше и по вкушенію рыбъ". Но преподобный ставилъ ихъ предъ собою, дразнилъ свое любострастіе, пока они не сгнивали, затѣмъ протухшихъ, ставилъ ихъ вновь предъ собою, произнося себѣ приличное нравоученіе [3]).

Въ восточныхъ патерикахъ немало сказаній про нападенія демона блуда. По своимъ пикантнымъ подробностямъ они такъ и просятся иногда въ число знаменитыхъ новеллъ Боккачіо. Въ апокрифической повѣсти „о Макаріи Римскомъ" разсказывается, напр., слѣдующее. Макарій вышелъ однажды посидѣть предъ входомъ своей пещеры. И вотъ онъ видитъ брошенное кѣмъ то женское платье. Пустынникъ недоумѣвалъ, откуда оно; однако, взялъ его и унесъ въ пещеру, набожно сказавъ: „Господи! что ся дѣетъ въ пустыни сей?" На слѣдующій день онъ нашелъ другую вещь изъ женскаго туалета и также поднялъ и унесъ въ пещеру, но послѣ этого не могъ всю ночь заснуть „отъ разженія беззаконія"; вышедши изъ пещеры погулять на третій день, онъ увидѣлъ женщину,

---

[1]) Ркп. Синод. Блк. № 927, л. 36—37; см. также сб. и. филолог. о-ва при инстит. кн. Безбородко, т. II, стр. 128—129.
[2]) ibid, стр. 127.
[3]) Пр. Соб. 1860, I, стр. 114; ср. Лавсаикъ, стр. 92.

на камнѣ, хорошо одѣтую, „сама жъ лѣпа несказанно“, женщина о чемъ то горько плакала, такъ что, глядя на нее, пустынникъ и самъ заплакалъ и участливо спросилъ; „какъ еси зашла сѣмо?“ Она разсказала: „я родомъ изъ Рима, дочь богатыхъ родителей; родители насильно выдали меня замужъ, а я, не желая осквернить своего дѣвства, на свадьбѣ убѣжала сюда и теперь не знаю, гдѣ нахожусь“; потому и заплакала. Макарій, разжегшись помысломъ, взялъ ее за руку, повелъ въ свою пещеру и далъ ей ѣсть. Во время совмѣстнаго ужина женщина плакала, а монахъ сидѣлъ „мыслію мятущясь“, а затѣмъ легъ спать, не перекрестясь, но не могъ сомкнуть глазъ. Лишь только онъ немного задремалъ, „она жь, вставше, прележа ко мнѣ и отрѣши поясъ мой и руками своими осяза мя по всему тѣлу моему. Азъ же лежахъ, яко мертвъ, не мысливъ зла николижъ. Тогда же помысливъ согрѣшити съ нею и, вставъ отъ сна, и пріяхъ ю, яко грѣхъ сотворити, и легохъ. Она же—не бысть надо мною и исчезе отъ очію моею“. Грѣшный пустынникъ лежалъ ничкомъ на землѣ, только теперь уразумѣлъ козни дьявола и, вышедши изъ пещеры, „плакася горце“ [1]).

На Руси климатъ былъ не такъ жарокъ и кровь не такъ горяча, но половыя страсти все таки были. Блудный бѣсъ, какъ мы уже говорили, сильно мучилъ Іоанна, Печерскаго затворника; борясь съ плотью, Іоаннъ закопался на 30 лѣтъ по шею; бѣсъ сначала выгонялъ его изъ ямы снизу огнемъ, „яко и устомъ слипатися и кистемъ гроскотати“, а затѣмъ сталъ прилетать въ видѣ огненнаго змѣя, разсыпаться искрами и пожигать въ своей пасти, пока Іоаннъ, наконецъ, не побѣдилъ его.

Въ житіи Никодима Кожеозерскаго передается слѣдующій случай изъ его жизни: однажды св. пошелъ къ рѣкѣ за водой и на берегу увидѣлъ „лежащу жену въ червленомъ одѣяніи одѣяну и яко мертву сущу“. Преподобный подумалъ: откуда и какъ въ пустынѣ могъ появиться женскій трупъ? и сразу понялъ бѣсовское мечтаніе. Сотворивъ крестное знаменіе, онъ поднялъ свой жезлъ и со всего размаха ударилъ по „явльшейся ему женѣ“. Вмѣсто женщины оказалось гнилое дерево [2]).

---

[1]) Тихонравов. П. О. Р. Л-ры, II, 75 стр.
[2]) Пр. Соб. 1865 I, стр. 219.

Блудные бѣсы доводили иноковъ иногда до такого изступленія, что имъ оставалось только просить у Бога „или мя оубій, или сіе помышленіе отъими отъ мене [1])!

Искушеніе помысломъ сребролюбія составляетъ тему замѣчательнаго по запутанности фабулы житія Өеодора и Василія Печерскихъ [2]). Въ міру Өеодоръ былъ очень богатъ, но роздалъ свое имѣніе нищимъ и поступилъ въ Печерскій монастырь. Здѣсь бѣсъ началъ искушать его скорбью о потерянномъ богатствѣ, „яко помышляше долготу лѣтъ и изнеможеніе плоти, яко немощно тому пребывати монастырскою ядію".

О своей нравственной борьбѣ Өеодоръ сообщилъ Василію, одному изъ „свершеннѣйшихъ" и его совѣтами на время избавился отъ помысла. Но Василій былъ на-время усланъ куда то изъ монастыря для послушанія и вотъ бѣсъ, являясь Өеодору то въ образѣ ангела, то въ образѣ Василія, сообщилъ ему, что въ варяжской пещерѣ, гдѣ жилъ Өеодоръ, закопанъ кладъ. Өеодоръ сталъ копать и, дѣйствительно, нашелъ много золота и драгоцѣнныхъ вещей.

Послѣ этого бѣсъ сталъ внушать ему планы о побѣгѣ изъ монастыря въ чужую страну, пріобрѣтеніи громаднаго имѣнія и пр., такъ что Өеодоръ сталъ уже готовить коней и повозки для клади. Только возвращеніе Василія, который со свидѣтелями доказалъ Өеодору свое трехмѣсячное отсутствіе, убѣдило его, что онъ поддался бѣсовскому искушенію. Онъ зарылъ кладъ и предался подвигамъ [3]).

Общежитіе требуетъ мягкаго, уступчиваго характера, но такъ какъ такіе характеры—рѣдкость, врагъ рода человѣческаго часто вводилъ монаховъ въ раздраженіе и глухую непріязнь, такъ противорѣчащую христіанской любви.

Въ житіи Мартирія Зеленецкаго разсказывается о трогательной дружбѣ Мартирія и Боголѣпа, которой позавидовалъ дьяволъ. Однажды они ѣздили на лодкѣ въ го-

---

[1]) Ркп. Б. М. Д. А. № 1580, л. 137; одинъ изъ подобныхъ сюжетовъ послужилъ прототипомъ для посмертной повѣсти Толстого: „Отецъ Сергій"; это—разсказъ изъ ж. пр. Мартиніана. См. Ч. Минеи, т. VI, 259—264 стр.

[2]) Напоминаетъ „заколдованное мѣсто" Гоголя.

[3]) Яковлевъ, Памятники, 163—167 стр.

родъ по дѣламъ; на обратномъ пути ихъ завертѣло на быстринѣ и по неловкости Мартирія чуть не потопило какія то цѣнныя бумаги; на землѣ Боголѣпъ грубо крикнулъ на Мартирія, и съ тѣхъ поръ они возненавидѣли другъ друга. Но ихъ вражда, однако, скоро кончилась: во время обѣдни предъ причащеніемъ они упали другъ другу въ ноги и помирились [1]). Но не всегда ссоры кончались такъ удачно. Изъ Волоколамскаго патерика мы знаемъ, что, не вынося другъ друга, монахи иногда покидали обитель [2]). Для характеристики нравовъ братіи Волоколамскаго монастыря интересно поученіе старца Фатѣя „еже не сквернословити языкомъ своимъ всѣмъ православнымъ христіаномъ, паче же намъ, инокомъ, ниже паки рещи матернее лаяніе брату своему: б...инъ сынъ“, гдѣ читаемъ: „гиблемъ же языкъ нашъ отъ нечистаго бѣса, износитъ словеса скверная, и гнусная и нечистая, празднословя испущаетъ изъ устъ своихъ брату своему“; а также: „нынѣ же зѣло умножилося то скверное слово во многихъ братіяхъ; а діаволъ о томъ больше веселится, видя ихъ скверныхъ и гнусныхъ словесъ исполнившихся, еже искази своимъ злымъ коварствомъ“ [3]).

„Боящимъ бо ся Бога, говорится въ одномъ др.-русскомъ поученіи, наводитъ дьяволъ скорби многи“ [4]). Такихъ скорбей было особенно много у богатырей—иноковъ, колонизовавшихъ непроходимыя дебри и болота сѣвера и выдержавшихъ суровую борьбу съ случайностями сѣверной природы. Бѣсъ смущалъ ихъ жутью и страхами сѣвернаго лѣса, превращался въ медвѣдей и волковъ, подходившихъ къ келіи рыкать и ляскать зубами [5]). Но онъ дѣлалъ непріятности и больше. Въ житіи Никодима Кожеозерскаго разсказывается, какъ однажды врагъ рода человѣческаго „келію всю его огнемъ запали“, такъ что только чудесный дождь утишилъ пожаръ [6]). Въ другой разъ онъ запрудилъ рѣку Хозюгу, на которой подвизался преподобный, „яко же нимало ей подвигнутися или потещи во

---

1) П. С. Р. Л-ры, 4, 57 стр.
2) Лист. 36—37.
3) П. С. Р. Л-ры, 4, 190 стр.
4) Пономаревъ, III, 86 стр.
5) Лопаревъ, Ж. Стефана Комельск., стр. 8.
6) Пр. Соб. 1865 ч. I, стр. 221.

своя предѣлы"; вода, постепенно возвышаясь, затопила берега и обошла кругомъ келію святого; въ морѣ воды виднѣлась, какъ островъ, лишь крыша келіи св., на которой стоялъ святой съ иконой Богоматери и на колѣняхъ усердно молился Богу [1]). Въ житіи Елеазара Анзерскаго бѣсъ хвалится: „и Елеазара анзерскаго вмалѣ убо въ море не заверзохъ, да и нынѣшняго строителя Исаію на лединѣ возитися содѣяхъ по морю" [2]). Непривѣтливо встрѣчало подвижниковъ и окрестное населеніе. „Ненаказанніи и злонравніи человѣцы, разсказывается въ житіи Стефана Комельскаго, научаеми діаволомъ, бѣ бо злый врагъ подстрекая сердца ихъ окрестъ пустыни св. живущи, въ ближнихъ весехъ и селехъ приходяще на езеро комельское рыбы ловити, приходяще къ келіи св., многу пакость творяще святому старцу. Стефану, ругающеся и смѣющеся ему бѣсовскія пѣсни поюще и бранящe ему и глаголаху— „изыди изъ пустыни сея, яко угодіе наше есть да не злѣ умреши" [3]).

Къ Никодиму Кожеозерскому однажды бѣсы пришли въ видѣ разбойниковъ, пограбили все, что было въ его келіи и ушли въ лѣсъ [4]).

Но какъ бы ни велики были иногда болѣзни и труды свв. иноковъ, они всетаки иногда могли кончиться ничѣмъ для спасенія, такъ какъ дьяволъ могъ всегда соблазнить тщеславіемъ и гордостью. Примѣры такихъ искушеній мы уже видѣли изъ жизни св. Исаакія Печерскаго, поклонившагося сатанѣ въ образѣ Христа, и Никиты—затворника, прельщеннаго бѣсомъ въ видѣ ангела не молиться.

Но нѣтъ такого помысла, въ который не ввелъ бы иноковъ лукавый. Заниматься подробнымъ изученіемъ др.-русскихъ монашескихъ нравовъ по этимъ искушеніямъ не входитъ въ прямую нашу задачу. Чтобы не удлинять излишне работу, мы кончаемъ на этомъ обозрѣніе монашескихъ искушеній.

Хотя въ др.-русской литературѣ міръ и монастырь обычно противополагаются, и монастырь—это міръ спасе-

---

1) Пр. Соб. 1865, I.

2) Пр. Соб. 1860, I, 118 стр.

3) Лопаревъ, цит. соч., 10 стр.; ср. Смирнова, Ж. Даніила П., стр. 26 и пр.

4) Пр. Соб. 1865, I, стр. 223.

нія и борьбы съ дьяволомъ, а міръ—поле соблазна, но дьяволъ искушалъ не однихъ только черноризцевъ. Вся др.-русская жизнь представляла сплошной монастырь, гдѣ врагъ рода человѣческаго полною рукою сѣялъ свои плевелы. Мірскія искушенія, конечно, отличаются отъ монастырскихъ, какъ отличается міранинъ отъ монаха; они, кромѣ того, измѣняются отъ общественной среды, въ которой дѣйствуетъ дьяволъ.

Вотъ предъ нами новгородскій епископъ Арсеній въ монашескомъ платьѣ, но по своему положенію принадлежащій міру. „Окааньный дьяволъ, испрьва не хотяй добра роду человѣчю" воздвигаетъ на Арсенія „мужа кротка и смѣрена" великую крамолу: „простая чадь" шумитъ на Ярославовомъ дворѣ, что по винѣ Арсенія долго стоятъ жары, такъ какъ онъ выгналъ своего предшественника Антонія на Хутино, а самъ сѣлъ на его мѣсто и придя на дворъ владыки, съ физическимъ насиліемъ выталкиваетъ его за ворота, такъ что перепуганный епископъ запирается отъ толпы въ Софійскомъ соборѣ и утромъ на сл. день убѣгаетъ оттуда въ Хутынскій монастырь [2]). Вотъ другой новгородскій архіепископъ Іоаннъ, про котораго дьяволъ изъ мести сочинилъ грязную сплетню: приходившіе по дѣламъ къ епископу, замѣчали у него, то женскій башмачекъ, то женскія украшенія, а многіе даже видѣли женщину, убѣгавшую изъ кельи епископа. „Народи" возмутились этимъ, стали шумѣть на его крыльцѣ: „неправедное же таковому святителю быти на апостольскомъ престолѣ блоудникоу соущу!" и рѣшили его изгнать, когда Іоаннъ на шумъ вышелъ къ своей паствѣ, они схватили его и сбросили съ Волховскаго моста на плотъ [1]). Только рука Божія посрамила дьявола: плотъ чудесно поплылъ не внизъ по теченію, а вверхъ.

Въ житіи Василія епископа Муромскаго дьяволъ прямо показываетъ, „будто держитъ у себе святитель Василій

---

[1]) П. С. Р. Л-ры, I, 246 стр. Повидимому, здѣсь испытаніе водой, ср.-вѣковой судъ Божій, ведущій свое начало отъ язычества (отъ дьявола). Волховъ вообще географическая достопримѣчательность: такъ, однажды онъ „иде вспять дній пять", а потомъ пошелъ нормально (Лавр. Лѣт. 159 стр.). Простой-ли это лѣтописный курьезъ, или олицетворенія рѣкъ въ видѣ Днѣпра Словутича, Дуная Ивановича? Ср. прилож., стр. 1—2 въ кн. Буслаева: о народной словесн. въ др.-р. л-рѣ, не отсюда ли ведетъ свое начало и оборотень Волхъ Всеславьевичъ?..

на ложи дѣвицу", и вмѣсто плота Василій спасается на своей мантіи [1]).

Иныя искушенія въ княжеской средѣ. „Лукавый пронырливый дьяволъ, не хотяй добра межи братьею", вводитъ здѣсь въ междоусобицу, научаетъ забывать крестное цѣлованіе, братскую любовь и страхъ Божій, воздвигаетъ междоусобныя войны и научаетъ убивать братьевъ, превращаясь, т. о., вмѣстѣ съ Богомъ въ единственный лѣтописный политическій факторъ [2]).

Вотъ предъ нами др. русская дворянка Ульянія Муромская. У ней свои искушенія. Ее постигаютъ семейныя непріятности и ненависть угнетенныхъ холоповъ; „ненавидяй же добра врагъ... часты брани воздвизаше въ дѣтехъ и рабѣхъ; врагъ же наусти раба ихъ: и уби сына ихъ старѣйшаго. потомъ другого на службѣ убиша". Напуганному воображенію ея всюду и особенно на молитвѣ чудятся бѣсы-разбойники, запрещающіе милостыню и заботы о челяди [3]).

Но вообще о искушеніяхъ мірскихъ людей мы не имѣемъ такихъ подробныхъ свѣдѣній, какъ о монашескихъ: о мірскихъ людяхъ мало писалось житій. Но мы знаемъ объ искушеніяхъ безличной народной массы. Хотя подъ перомъ лѣтописца и въ поученіи Иларіона бѣсъ и плакалъ по принятіи христіанства, выкуриваемый изъ своего новаго жилища новой религіей высшихъ классовъ, но, на самомъ дѣлѣ, онъ долго жилъ на Руси въ мелочахъ народнаго быта и прельщалъ народную массу, какъ прельщаетъ еще отчасти и теперь. Нѣтъ возможности оглядѣть съ полнотою въ нашей работѣ всѣхъ этихъ прелестей лукаваго бѣса, оставшихся отъ язычества; укажемъ только на нѣкоторыя изъ нихъ [4]).

Чѣмъ же и какъ прельщалъ дьяволъ др. русскаго человѣка?

Чародѣй дьяволъ прельщалъ др.-русскаго человѣка пьянствомъ, крупнѣйшимъ національнымъ порокомъ. Для

---

[1]) П. С. Р. Л-ры, I, 235—236; ср. 223—224; ср. Пр. Соб. 1860, I, стр. 118.

[2]) Лавр. Лѣт. 163, 177, 199 стр. и др.; Ипат. Лѣт. 234 стр. и пр.

[3]) П. С. Р. Л-ры, I, 64—65.

[4]) См. ст. Азбукина: „Очерки литературной борьбы представителей х-ва съ язычествомъ" въ Русск. Ф. Вѣстн. кн. 35, 36, 37, 38, 39.

этого у дьявола есть волшебная хмель—трава, которая въ притчѣ о хмелѣ одухотворена, какъ это обычно для травниковъ, представлена живымъ злымъ духомъ, повѣдающимъ о своихъ тайныхъ силахъ [1]). Мы видѣли, что первую вѣтку этой травы дьяволъ вручилъ женѣ Ноевой, которую научилъ споить мужа. Но послѣ вознесенія Господня, желая угодить дьяволу, „піаный бѣсъ“ досталъ остатковъ этой травы съ „оравицкихъ горъ“, научилъ одного безработнаго варить „хитрое зеліе, рекóмую горѣлку“ и чрезъ него распространилъ по всему свѣту вино: „въ цари, въ Литву, и въ Нѣмцы, и во вся грады и къ намъ въ святорусскую землю“ [2]). Хмель—трава будетъ позабористѣй монашеской сонъ—травы, а хитрое зеліе—горѣлка дѣйствуетъ съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ иное средство. Въ словѣ съ именемъ Василія Великаго, „како подобаетъ воздръжатися отъ пьянства“, замѣчательно художественно и реально описывается, что дѣлаетъ пьянственный бѣсъ съ пирующими. Сначала все идетъ хорошо, но уже послѣ четвертой чаши, которая — „отъ непріязни“, начинаютъ развязываться языки. „Егда же испіютъ седьмую чашу. еже есть богопрогнѣвательна. духа святаго оскорбительна. бѣсовъ возвеселительна“, пиръ становится крайне непристойнымъ. „Ангелу же отшедшу отъ когождо человѣка а бѣсу приближшуся. и начнутъ бѣсы своя потребы вносити. ово зависти и клеветы, а инъ свары и лаянія, и за власы рванія. инъ кровопролитіе и убійство. инъ же любодѣяніе и блудъ. и всяку нечистоту и студь. инъ же высокоуміе и гордость. инъ же игры бѣсовскыя и пѣсни и плясаніе. и что потреба многа глаголати всяку кознь сатанину. и всяко коварство вражіе исполнятъ. и обросятъ своимъ злостраданіемъ когождо человѣка чяшу“. А вотъ что дѣлается съ отдѣльнымъ участникомъ пира послѣ того, какъ бѣсы опустятъ въ бокалы экстрактовъ всякаго грѣха. „Егда же испьютъ бѣсовскую чяшу. зажжетъ вся внутренняа его. и начнетъ утроба палима быти. гортань пересыхати. слины изгарати. устнѣ слипатися. на губахъ смага спадеть. и тѣло все загорится. и въ лицѣ огнь явится. языкъ одеревенѣетъ, гортань ожестѣетъ. очемъ зракъ минетъ. уму сила оску-

---

[1]) П. С. Р. Л-ры, IV, 447—449 стр.

[2]) П. С. Р.. Л-ры, I, 137—138.

дѣетъ. начатъ съ хмѣлемъ братися акы на брани съ супостататомъ. и по времени нѣкогда едва одолѣетъ своему супостату. и сядетъ на своемъ столѣ, акы царь отъ побѣды възвратився. И начнетъ тогда человѣкъ зипути на чяшу не зная мѣры, и наимется тѣло хмѣлю. акы губа воды и оскудѣетъ сила. изнемогутъ жилы, състави разступятся. и начнуть ногы неправо ступати. и глядати развращено. глаголати безумно. ничимъ раздно съ изступившимъ ума. Тогда же и бѣсъ вся своя хотѣніа въ немъ исполнитъ... Піай вино... егда упіется не помнитъ трепари и тако ти начнетъ ползати на колѣну. и лице окалялъ валяяся въ грязѣ. и блюя хощетъ преспетися. въ руганіе и въ посмѣхъ давъ себѣ и малымъ отрочатемъ и хранителя душа своея ангела отгнавъ отъ себе" [1]). Бѣсы особенно веселятся о пьяницахъ и съ радостью приносятъ отцу своему Сатанѣ „жертву таинственную"; дьяволъ говоритъ: „николиже тако радуюся. о жрътвахъ поганыхъ языкъ, якоже о піаныхъ христіанехъ", и поучаетъ бѣсовъ: „идите поучайте христіанъ на пьянство. и на всяку дѣтель хотѣніа моего" [2]). Сила бѣсовскаго зелья такъ велика, что др.-русскій человѣкъ навсегда отчаялся освободиться отъ его чаръ. Пьяный хуже бѣснаго: „пришедши бо іерѣи сотворятъ молитву бѣсному. проженутъ бѣса. а надъ пьяными, аще бы со всея земли сошлися попове и творили молитвы, то не могутъ прогнати самовольнаго бѣса запойства злаго" [3]). Впослѣдствіи дьяволъ изобрѣлъ и другую

---

[1]) Пономаревъ, III, 95—97 стр.

[2]) Ibid., 99 стр.

[3]) Пр. Соб. 1858, 3, 268 стр.

Въ отрицательномъ отношеніи къ пьянству въ др.-русской л-рѣ, конечно проглядываетъ общая аскетическая тенденція, но отношеніе х-ва къ вину не абсолютно отрицательное (Іоан. 2 и др.); и въ монастыряхъ бываетъ разрѣшеніе елея и вина, „егоже и монаси пріемлютъ". Др.-русскіе проповѣдники возставали противъ пьянства не только какъ противъ порока. Др.-русское пьянство своими корнями восходитъ къ язычеству. Еще Владиміръ язычникъ говорилъ: „Руси есть веселіе пити". Богъ Перунъ, котораго топили въ Волховѣ, бросилъ на мостъ палицу, его же безумніи упивающеся утѣху творятъ бѣсомъ. Въ одномъ др.-русскомъ поученіи противъ язычества сообщается о какомъ то богѣ Преплутѣ, которому „пьютъ вертячеся въ розѣхъ" (въ рогахъ) (Тихонрав. Лѣт. р. л-ры IV, 99 ст.). Внесло здѣсь свою лепту и богомильство со своими апокрифами „о виноградѣ и како растяше" и о женѣ Ноевой, оказавшемъ вліяніе и на легенду о происхожд. винокуренія.

волшебную траву на прельщеніе людей: это табакъ—трава, которую онъ вырастилъ надъ могилой блудницы, „покропивъ надъ трупомъ блудницы тоя“ [1]). Но это—уже раскольничье вѣрованіе.

Есть у дьявола и другіе способы прельщенія вѣрныхъ. У него есть цѣлый штатъ служителей изъ людей—это скоморохи и волхвы. Что же это за люди и какъ дьяволъ прельщаетъ чрезъ нихъ?

Этимологія слова „скомърахъ“ до сихъ поръ не выяснена: въ славянскихъ переводахъ съ греческаго это слово замѣняетъ греческія: μῖμος—актеръ, игравшій жанровыя сцены веселаго и часто неприличнаго характера, и σώταξ дударь, рожечникъ. По обычнымъ правиламъ словообразованія „скомърахъ“ можно считать руссифицированнымъ греческимъ σκώμαρχος отъ глагола σκώπτω — начальникъ надъ насмѣшкою, царь насмѣшки. Скоморохи на Руси являются предъ нами уже съ позднѣйшими чернами, когда первоначальный ихъ характеръ уже утратился. Это была общественная группа вольныхъ гулящихъ людей, занятіемъ которой было: музыка, пѣніе, пляска, актерство. Необходимые аттрибуты скомороховъ составляли короткополое платье съ узкими штанами съ мѣшечкомъ на межиножахъ, какъ будто сшитые по западно-европейской модѣ, распространившейся въ эпоху сатанизма и процессовъ вѣдьмъ;—разные музыкальные, преимущественно духовые инструменты: гусли, гудки со смыками, сурны или волынки, трубы, сопѣли, бубны; маски или хари; впослѣдствіи они водили съ собою ученыхъ медвѣдей и собачекъ. Они появлялись на жальникахъ (плачи по умершимъ), на свадьбахъ, на народныхъ гуляньяхъ, на пирахъ и братчинахъ, заходили и въ частные дома и вездѣ приносили съ собой веселье. Одни изъ нихъ играли, другіе плясали. Неизвѣстенъ ихъ репертуаръ, но въ томъ, что дошло до насъ, поражаетъ находчивость, удальство, веселье и ловкость. Доставалось отъ нихъ и духовенству, котораго они не щадили своей сатирой. Достаточно припомнить веселыя скоморошины о Чурильѣ-игуменьѣ и особенно о дѣвушкѣ-чернавушкѣ [2]), чтобы судить объ этомъ. Скоморохи ходили по Руси огромными ватагами человѣкъ

---

[1]) П. С. Р. Л-ры, 2, 429 стр.

[2]) Напеч. у К. Данилова, Др.-русск. стих. М. 1901 г.

по 60 и даже по 100 изъ волости въ волость, изъ села въ село; въ городахъ, какъ Новгородъ, ихъ всегда можно было встрѣтить на улицахъ. Народъ очень увлекался ихъ играми, даже духовенство поддавалось соблазну, а, такъ какъ скоморохи приспособлялись къ христіанскимъ праздникамъ, то оставлялъ для нихъ и христіанскіе храмы, подрывая доходы духовенства. Но онъ палъ жертвою своего увлеченія: скоморошескій классъ сталъ безъ нужды увеличиваться, а, такъ какъ народъ не могъ его кормить, то скоморохи стали „играть сильно", грабить населеніе и совершать много другихъ уголовныхъ дѣлъ. Духовенство издавна имѣло зубъ на скомороховъ, считало ихъ за своихъ сильнѣйшихъ враговъ и въ своихъ проповѣдяхъ вооружалось противъ нихъ. Правительство, также проникнутое аскетическимъ духомъ, въ разное время издало противъ нихъ рядъ указовъ, которыми, наконецъ, скоморошество и было уничтожено, оставивъ о себѣ память въ народныхъ пословицахъ: „Богъ далъ попа, а чортъ скомороха", „всякій спляшетъ да не какъ скоморохъ" [1]).

Скоморошество имѣло несомнѣнную связь съ др.-русскимъ языческимъ культомъ, а скоморохи играли въ немъ роль руководителей. Уже одно названіе ихъ представленій бѣсовскими даетъ намъ вѣрныя указанія объ этомъ, но ихъ „кощуны" и прямо называются „еллинскими, т.-е. языческими, б...словіями [2]); есть извѣстіе, что въ XI вѣкѣ они подняли возстаніе противъ христіанства въ Польшѣ [3]). Объ этомъ же говоритъ ихъ участіе на жальникахъ, куда они, очевидно, приходятъ по старой памяти о языческихъ тризнахъ, — на свадьбахъ, которыя когда-то совершались на „игрищахъ межю селы", на пирахъ и братчинахъ, остаткахъ языческихъ возліяній въ честь боговъ, и на народныхъ праздникахъ. Мы располагаемъ еще свѣдѣніемъ о ихъ власти надъ болѣзнями, роднящей ихъ съ волхвами. Кромѣ пѣсни о Терентьищѣ [4]) объ этомъ говоритъ одно изъ „чудесъ" пр. Сергія, гдѣ скоморохи, разсердившись на одну женщину, напустили на

---

[1]) „О скоморохахъ" ст. Бѣляева, Временникъ О-ва И. Д. Р., XX, стр. 69—92, см. у Азбукина въ цит. соч., въ „Архивѣ" Калачова.

[2]) Акты арх. эк., III, 402 стр.

[3]) Бѣляевъ, цит. соч. стр. 70.

[4]) Кирша Даниловъ, Др.-р. ст-ія.

нее порчу, „яко и лице ея обратися въ тылъ". Она, говорится здѣсь, однако, не захотѣла отъ скомороховъ „пользы". „якоже есть въ мірѣ мнози творятъ, отъ кудесниковъ помощи ищутъ", но возложила упованіе на Бога [1]). Ясно тетакъ уже должно было смотрѣть на скомороховъ духовенство.

Еще древніе церковные писатели возставали противъ увлеченія театральными зрѣлищами, игравшими въ античномъ обществѣ роль, о которой краснорѣчиво говоритъ крикъ римской черни: panem et circenses!

Татіанъ въ „рѣчи къ эллинамъ" подвергъ спектакли саркастическому осмѣянію (гл. 22, 23). Тертулліанъ въ трактатѣ de spectaclis съ обычнымъ своимъ ригоризмомъ пишетъ: „гдѣ наиболѣе проявляетъ себя діаволъ, свита и ангелы его, какъ не въ идолопоклонствѣ? Итакъ, если все устройство зрѣлищъ состоитъ изъ идолопоклонства, то ясно, что все, касающееся до зрѣлищъ, уже предосуждено свидѣтельствомъ нашего отреченія въ крещеніи отъ всего, что принадлежитъ діаволу, свитѣ и ангеламъ его: вспомнимъ объ элементахъ, изъ какихъ состоятъ они, какое каждый изъ нихъ имѣетъ начало, объ именахъ, какими они обозначаются, о содержаніи ихъ, какими суевѣріями они наполнены, о мѣстахъ, какимъ божествамъ посвящаются, и о самомъ искусствѣ, отъ какихъ виновниковъ оно происходитъ, если ничто изъ этого не касается ни до идола, ни до идолопоклонства, то не касается и до нашего отреченія при крещеніи [2]). Христіанамъ запрещалось быть гладіаторами, актерами, учить театральному искусству. Черезъ правила церковныя такое отношеніе къ театру перешло и на Русь [3]) и здѣсь было приложено къ скоморохамъ, при чемъ вмѣстѣ оказывалась и классовая вражда духовенства къ скоморохамъ и общее аскетическое направленіе русской національной вѣры.

Общее отношеніе къ скоморохамъ въ др.-русскихъ поученіяхъ можно выразить фразой: скоморохи-слуги дьявола, а ихъ занятія—его прелесть.

Еще лѣтописецъ писалъ: „но сими дьяволъ льститъ и другими нравы, всяческими лестьми пребавляя ны отъ

[1]) Книга чудесъ пр. Сергія, твореніе Симона Азарьина, СПБ., 1888, стр. 4-я.

[2]) О зрѣлищахъ, гл. 4.

[3]) См. напр., Мѣрило Пр., Ркп. Б. М. Д. А. № 187 л. 125 и др.

Бога, трубами и скоморохи, гусли и русальи. Видимъ бо игрища утолчена и людій множество, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоять; егда же бывает годъ (время) молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви“ [1]). „Умысли сатана, читаемъ въ одномъ древнемъ лѣтописномъ сборникѣ, како отвратити людей отъ церкви и собравъ бѣси преобрази въ человѣки, и идяше въ сборѣ велицѣ и упестренѣ въ градъ и вси біяху въ бубны, друзіи же въ козицы и въ свирѣли... Мнози же, оставивши церковь и на позоры бѣсомъ течаху“ [2]).

Святому Нифонту, разсказывается въ словѣ о русальяхъ, однажды на пути въ церковь встрѣтился князь бѣсовскій „унылъ же и дряхлъ“ и съ нимъ 12 другихъ бѣсовъ. Услышавъ церковное пѣніе, бѣсы стали поносить своего князя. „О семъ ли есте скорбни?“ отвѣчалъ тотъ, „иже слышите Іисуса славима в церкви Мрьинѣ? то мало ны о семъ оскорбляють ны, а многажды же мирьскими пѣсми славятъ ны; аще ли вы іесть се неизвѣстно, то пождите, да вы покажю иже начнутъ ны славити и вы обрадоватися имате“. И вотъ на пути бѣсамъ встрѣтился человѣкъ „скача съ сопѣльми; за нимъ шло множество народа: одни только слушали сопѣльника, другіе пѣли и плясали; всѣхъ ихъ на веревкѣ тащилъ одинъ „мюринъ“.

Бѣсы обрадовались, стали плясать и веселиться вмѣстѣ съ людьми. Одинъ богачъ велѣлъ скомороху играть и плясать предъ нимъ и за это далъ ему „сребреницу“.

Бѣсы, вынувши ее изъ чашки, послали въ бездну къ Сатанѣ. „Всегда оубо жертву отъ кумиръ приемлю, но такъ ся обеселити не могу; якоже отъ сихъ крестьянъ приносящихъ бываіеть ми радость и веселіе“, сказалъ Сатана, и вернувъ монету наказалъ бѣсамъ: идите и поучайте на игры грѣшныя назаряны“ [3]).

Отдѣльные элементы, входившіе въ составъ игры скомороховъ, какъ и въ составъ языческаго богослуженія, разсматриваются, какъ чары дьявола.

У всѣхъ народовъ есть сказанія о чарующемъ дѣйствіи музыки.

---

[1]) Лавр. лѣт., 165—166 стр.
[2]) Азбукинъ, Русск. Фил. В., т. 35, 256 стр.
[3]) П. С. Р. Л.-ры, 1, 207—208; Пр. Соб. 1865, 2, 237—8.

Греческій Орфей подъ звуки струнъ заставляетъ плясать горы; у насъ есть сказанія про гусли-самогуды. „Всякому родоу мосикійноу изоучилъ дьяволъ", говорится въ др.-русской литературѣ [1]). Въ кіево-печерскомъ патерикѣ Сатана, явившись Исаакію въ образѣ Христа, приказываетъ бѣсамъ: „възмите сопѣли, бубны и гусли иударяйте, атъ ны Исакій спляшеть". И удариша въ сопѣли, и въ гусли и въ бубны и начаша имъ играти; и утомивше и оставиша и оле жива и отъидоша поругавшеся ему" [2]). Интересно, что въ то время, какъ разсказъ о явленіи Сатаны въ образѣ Христа заимствованъ изъ „Лавсаика", подробность о музыкѣ и пляскѣ въ келліи Исаакія—чисто русская прибавка. Въ „Великомъ Зерцалѣ" есть повѣсть: „нѣкоей дѣвкѣ, танцобати обыкшей и пѣти, бѣси что сотвориша", въ которой разсказывается, какъ одну страстную любительницу потанцевать бѣсы во снѣ затащили въ адъ и изожгли ее тамъ за это горячими головнями [3]). Противъ танцевъ и танцующихъ въ др.-русской проповѣди не мало сильныхъ выраженій. „А всѣхъ же играній проклятѣе есть многовершимое плясаніе: то бо отлучаетъ человѣка отъ Бога и во дно адово ведетъ. Плящущая бо жена невѣста сатанина нарицается и любовница діаволя, супруга бѣсова; не токмо сама ведена будетъ во дно адово, но и тіи иже съ любовію позоруютъ и въ сластѣхъ разжигаются на ню похотію, прельщающе святыя мужи плясаніемъ, якоже дщи Ирододіада. Пляшущая бо жена многимъ мужемъ жена есть; того діаволъ многи прельщаетъ во снѣ и на явѣ. И вси любящеи плясаніе со Иродіадою въ негасимый огонь осудятся. Грѣшно бо есть и скверно и скаредно и своему мужу съ таковою женою совокуплятися" [4]). Еще Лука Жидята говорилъ: „москолудство [5]) вамъ неприлично, братіе" [6]), а въ кіево-печерскомъ патерикѣ бѣсъ является въ образѣ ляха въ „лудѣ". „Но что неразумніи глаголете? говорится въ другомъ поученіи: кая пакость отъ глума? люте есть глаго-

---

[1]) Р. Ф. В., 37 кн. стр. 231.
[2]) Лавр. Л. 187 стр.
[3]) П. С. Р. Л-ры, I, 209 стр.
[4]) Пономаревъ, III, 104 стр.
[5]) Отъ „маска" и ludus—игра.
[6]) Пономаревъ, I, 15 стр.

лющему горькое сладко и свѣтъ во тьму прелагающему" [1]).

Еще въ Евангеліи іудеи обвиняютъ Іисуса Христа въ томъ, что Онъ изгоняетъ бѣсовъ силою Вельзевула, князя бѣсовскаго (Мѳ. 3, 22—26). Впослѣдствіи апостолы, столкнувшися во время своей проповѣди съ языческими магами, стали производить ихъ чудеса отъ дьявола. Ап. Петръ говоритъ Симону волхву: „вижу тебя исполненнымъ горькой желчи и въ узахъ неправды" (Дѣян. 8, 23); ап. Павелъ говоритъ Еллимѣ—волхву: „о, исполненный всякаго злодѣйства, сынъ діавола, врагъ всякой правды!" (Дѣян. 13. 10).

Языческая мантика—также отъ діавола: ап. Павелъ встрѣтилъ однажды служанку—прорицательницу, „обратился и сказалъ духу: именемъ Іисуса Христа повелѣваю тебѣ выйти изъ нея. И духъ вышелъ въ тотъ же часъ" (Дѣян. 16, 16 — 18). Точно также смотрѣли на магію и мантику и первохристіанскіе писатели [2]). Такое отношеніе къ магамъ проходитъ и чрезъ византійскую литературу, перешедшую на Русь. Таково, напр., Прохорово житіе евангелиста І. Богослова, гдѣ разсказывается о борьбѣ апостола съ волхвомъ Кинопсомъ (въ лѣтописи: Конобъ, Кюнопъ) [3]) или повѣсти „о Кипрянѣ волхвѣ" и „Меситѣ чародѣи" [4]). Этотъ взглядъ унаслѣдованъ былъ на Руси и звучитъ въ отзывѣ лѣтописца объ Аполлоніи Тіанскомъ, явно заимствованномъ у византійскихъ хронистовъ. Разсказавъ о чудесахъ Аполлонія, лѣтописецъ приводитъ слова „Анастасія Божья града" (Синаита?): „не точью бо за живота его тако и таковая сотвориша бѣсове его ради, но и по смерти его пребывающе у гроба его знаменія творяху во имя его на прельщеніе оканнымъ человѣкомъ, болма крадомымъ на таковая отъ дьявола" [5]). Этотъ взглядъ былъ на Руси перенесенъ на волхвовъ: лѣтописи и поученія, съ одной стороны, считаютъ ихъ обольщенными дьяволомъ, съ другой, — что посредствомъ ихъ дьяволъ обольщаетъ людей ко злу.

---

[1]) Пономар. III, 108.
[2]) Ч.-Минеи Макарія подъ 26 сент.
[3]) Іуст., Аполог., 1, 14, М. Феликсъ, гл. 27.
[4]) См. Р. Ф. Вѣст. 37 т., 249—250 стр.
[5]) Лавр. Лѣт., 38 стр.

Волхвы носили различныя названія. Таковы: кудесникъ, колдунъ, баснемъ сказатель, чаровникъ, кобникъ, вѣдунъ, знахарь, зелейникъ обавникъ. Всѣ эти названія указываютъ на довольно разнообразную дѣятельность волхвовъ. Волхвы были общественнымъ классомъ, игравшимъ роль жрецовъ. Они приносили жертвы и руководили богослуженіемъ, заботились о чистотѣ и неприкосновенности кумировъ и мѣстъ богослуженія, какъ и о сохраненіи миѳологіи, производили заклинанія таинственныхъ силъ природы съ цѣлью предотвратить ихъ вредное дѣйствіе; они управляли природой, насылали дождь и ведро; собирали волшебныя травы и коренья и лѣчили народъ; они гадали по полету птицъ, предсказывали, напр., о томъ, что Днѣпръ потечетъ вверхъ. Словомъ, это были люди близкіе какъ къ природѣ, такъ и къ божествамъ. Все это создавало имъ огромную популярность въ языческомъ обществѣ. Волхва приглашали въ домъ при крещеніи ребенка, которому онъ давалъ языческое имя и завязывалъ на шеѣ волшебный узелъ (наузы), ихъ приглашали на свадьбы и особенно задабривали, чтобы уберечь молодыхъ отъ порчи; къ нимъ обращались во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни: при кражѣ, чтобы узнать вора, при падежѣ скота—лечить его, при угрозѣ врага — предотвратить его нашествіе, въ болѣзни — получить какую-нибудь цѣлебную траву или зелье, за приворотомъ и отворотомъ въ любовныхъ дѣлахъ и пр. Волхвы тайно еще долго существовали въ христіанской Руси. Народъ долго находился подъ ихъ вліяніемъ, только иногда во время голода или засухи совершая надъ ними насиліе, сожигая ихъ, топя ихъ въ водѣ, выгребая ихъ трупы изъ могилъ подобно тому, какъ бьетъ язычникъ своего идола, не получивъ отъ него желаемаго. Церковь по уставу Владиміра преслѣдовала всякіе виды волшебства, хотя и не смертною казнію; иногда, впрочемъ, она даже брала ихъ подъ свою защиту (Серапіонъ Владимірскій). Ихъ болѣе преслѣдовала свѣтская власть за совершеніе уголовныхъ дѣлъ и за возмущеніе народа: такъ Янъ пыталъ и повѣсилъ ростовскихъ волхвовъ, а новгородскій князь разсѣкъ волхва пополамъ. Ударъ волхвамъ былъ нанесенъ самымъ исчезновеніемъ язычества; волхвы стали жить, сблизившись съ христіанствомъ, передѣлавъ заговоры на христіанскій ладъ, употребляя для волхованія предметы церковнаго обихода: просфоры, кресты и проч.

Окончательный ударъ волхвамъ былъ нанесенъ съ появленіемъ различныхъ волшебныхъ книгъ изъ Греціи, популяризовавшихъ тайны волшебной науки [1]).

Чтобы показать отношеніе церкви къ волхвамъ, какъ къ обольщеннымъ слугамъ дьявола, напомнимъ рядъ сообщеній о нихъ лѣтописи.

Подъ 912 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о чудесной смерти Олега по предсказанію волхва и замѣчаетъ: „се же есть дивно, яко отъ волхованія собывается чародѣйство" [2]).

Не сомнѣваясь въ силѣ чаръ, онъ, однако, считаетъ ихъ бѣсовскими искушеніями: „такоже и вся ослабленьемъ божьимъ и твореньемъ бѣсовскимъ бываетъ, таковыми вещьми искушатися нашея преславныя вѣры аще тверда есть и крѣпка, пребывающе Господеви и не влекома врагомъ мечетныхъ ради чудесъ и сотонинъ дѣлъ творимыхъ отъ врагъ и слугъ злобы" [3]). Подъ 1024 г. разсказывается о появленіи во время голода волхвовъ въ Суздалѣ „по дьяволю наущенью и бѣсованью", которые избивали стариковъ, державшихъ, по ихъ словамъ, урожай. Князь Ярославъ казнилъ ихъ, говоря, что Богъ за грѣхи наводитъ бѣдствія, „а человѣкъ не вѣсть ничтоже" [4]).

Подъ 1041 г.—цѣлый рядъ разсказовъ о волхвахъ. „Волхвъ прельщенъ бѣсамъ, пришелъ въ Кіевъ, пророчествуя, что Днѣпръ потечетъ вверхъ, а Русь помѣняется мѣстами съ Греціей. Невѣгласы послушали его, а вѣрные смѣялись: „бѣсъ тобою играетъ на пагубу тебе". И, дѣйствительно, въ одну ночь онъ пропалъ безъ вѣсти: „бѣси бо, резонируетъ лѣтописецъ, подътакже на зло вводятъ, посемъ же насмисаются, ввергъше и въ пропасть смертную, научивше глаголати" [5]).

Въ то же время появились волхвы въ Ростовѣ и стали избивать по Волгѣ лучшихъ женъ, обвиняя ихъ, что онѣ

---

[1]) Литература о волхвахъ: Сахаровъ. Сказаніе о р. чернокнижіи; Аѳанасьевъ. Вѣдунъ и вѣдьма (уч.-лит. альманахъ изд. Щепкинымъ, М. 1851); Онъ же, Колдовство на Руси въ старину (Современникъ, 1854, кн. 26); Потебня, О миѳическомъ значеніи нѣкотор. обрядовъ и повѣрій. Ч. О. И. Д. Р. 1865, № 4 и пр.

[2]) Лавр. Л., 38 стр.

[3]) ibid, стр. 40.

[4]) ibid, стр. 144.

[5]) Лавр. лѣт. 170 стр.

держатъ урожай и, такъ какъ дѣло было въ голодный годъ, то соблазнили многихъ. Когда они въ сопровожденіи большой толпы пришли на Бѣлоозеро, то столкнулись съ Яномъ Вышатинымъ, собиравшимъ тамъ подати. Янъ сдѣлалъ на нихъ облаву и подвергъ допросу. Волхвы держатъ себя съ достоинствомъ; подчеркиваютъ свое вѣдовство. Изъ допроса выясняется, что по ихъ ученію не Богъ, а дьяволъ вмѣстѣ съ Богомъ сотворилъ человѣка изъ банной ветошки. Вмѣсто Бога волхвы вѣруютъ „антихресту“. При всемъ сверхъестественномъ вѣдѣніи волхвовъ Янъ подвергаетъ ихъ неожиданнымъ пыткамъ и, наконецъ, отдаетъ на растерзаніе толпѣ. „И тако, резонируетъ лѣтописецъ, погыбиуста наущеньемъ бѣсовьскымъ инѣмъ вѣдуща, а своея погибели не вѣдуща“... „Но се есть бѣсовьское наущение: бѣси бо не вѣдять мысли человѣчьскыя, но влагають помыслъ въ человѣка, тайны не свѣдуще. Богъ единъ свѣсть помышленья человѣчьская, бѣси же не свѣдають ничтоже, суть бо немощни и худи взоромъ“ [1]). Кудесникъ изъ Чуди, къ которому обратился одинъ новгородецъ, катался по полу земли „и шибе им бѣсъ“. Новгородецъ долженъ былъ снять тѣльный крестъ „егоже бози боятся и не смѣютъ прити“. Кудесникъ „нача опять призывати бѣсы, бѣсы же метавше имъ повѣдаша, что ради пришелъ есть“. Въ разговорѣ кудесника съ новгородцемъ выясняется, что его боги живутъ, „въ безднахъ; суть же образомъ черни, крилати, хвосты имуще“ и пр. [2]).

Послѣдній разсказъ подъ 1071 г.—о новгородскомъ волхвѣ, который возмутилъ народъ и былъ разсѣченъ княземъ топоромъ. „Онъ же погыбе, замѣчаетъ лѣтописецъ, тѣломъ и душею, предався дьяволу“ [3]).

Но и въ другихъ памятникахъ такое же отношеніе къ волхвамъ и къ волшебству въ разныхъ видахъ. „Видѣ азъ отъ божественнаго написанія, поучаетъ Серапіонъ Владимірскій, яко чародѣйци и чародѣица бѣсы дѣствують на родъ человѣкомъ и надъ скотомъ и потворити могутъ; надъ тими дѣйствують и имъ вѣрують. Богу попущшю, бѣси дѣствують; попущаеть Богъ, иже кто ихъ боится; а иже кто вѣру тверду держить къ Богу с того чародѣици

---

[1]) Лавр. л. 170—174.
[2]) ibid. 174—175 стр.
[3]) Лавр. лѣт. 176 стр.

не могуть"[1]). Въ житіяхъ обычно при обращеніи больного къ чародѣямъ болѣзнь только усиливается.

Въ легендѣ о женщинѣ, вошедшей въ церковь въ нечистомъ видѣ, разсказывается: „ближикы же ея многи обавники приведоша, творяще волшьбами помощъ сътворити ей. несена бо на рѣку и въ воду вложена бысть, многими волшьбами ликоваху ея, и не могоша помощи ей. Дивно бо о семь Божья судьбы надѣющеся чарами единаго бѣса прогнати отъ нея, болѣ же легиона бѣсовъ вниде въ ню. и злѣ нача трясеньемъ лютымъ плоть ея съкрушатися и польми бѣсигися ей. якоже всѣмъ познано яви отъ множества бѣсовъ ей моучими быти"[2]).

Все, что входило въ науку волхвовъ: заговоры, примѣты, гаданья, орнитомантія, зелейничество, и пр.—все это съ принятіемъ христіанства также стало суевѣріемъ, прелестью бѣсовской.

Такъ, лѣтописецъ обращается къ своимъ современникамъ: „се бо не погански ли живемъ. аще усрѣсти вѣрующе? Аще бо кто усрящетъ черноризца то возвращается, ли единець (грреч. μόνος кабанъ). ли свинью; то не поганьскы-ли се есть? Се бо по дьяволю наученью кобь сию держать. Друзіи же и закыханью вѣрують, еже бываеть на здравье главѣ. Но сими дьяволъ льстить и другими нравы, всяческими лестьми превабляя ны отъ Бога"[3]). „Иже бо соніемъ и мечтаніемъ вѣруяй, безъ иного грѣха со діаволомъ осудится, яко еговъ слуга", говорится въ словѣ „о снѣхъ поищпыхъ". „Едино токмо ищеть бѣсъ прелестный отъ человѣка. яко да видитъ токмо умъ ему, яко любить пріимати мечты еговы. тогда съ дерьзновеніемъ показуетъ ему мечтанія различна. ово устрашая его, ово утѣшая и веселяя. дондеже приведетъ его идѣже требуетъ"[4]). „А мы и мало поболимъ, говорится въ „словѣ І. Златоустаго о лѣчащихъ болѣзни волхованіемъ и наузы", зелейники и волхвы въ домы своя приводимъ... Помысли, человѣче, яко не отнимутъ болѣзни чаровници, но точію грѣхъ сотворити великъ и лютъ. Бога бо оставль, къ

---

[1]) Пѣтуховъ. С. Владимірскій, СПБ. 1888, прилож., стр. II; ср. Прав. Соб. 1859. 1,254; Пономарева, IV. 125, 121 и пр.

[2]) П. С. Р. Л-ры. I, 210, ср. 156.

[3]) Лавр. л. 165 стр.

[4]) П. С. Р. Л-ры, IV, 214.

бѣсомъ течеши“ [1]). Такихъ выдержекъ можно бы приводить безъ конца. но мы не задаемся цѣлью исчерпать всю практическую сторону др.-русскаго язычества, представляющаго огромное явленіе и переходимъ къ слѣдующей главѣ.

VI.

Борьба съ бѣсами.

Итакъ, вездѣ все бѣсы и бѣсы...

Заболѣла ли голова, мучитъ ли безсонница, или, наоборотъ, одолѣваетъ сонъ, случился ли кашель или лихорадка. стукнулъ ли въ голову хмель, заставила ли плясать веселая музыка или запала въ душу пѣсня, влечетъ-ли къ себѣ женщина и т. д. и т. д.,—все это чары волшебника дьявола. влекущія къ погибели. Общее жизне ощущеніе древне-русскаго человѣка должно бы быть очень тяжелымъ; но со времени побѣды Христа надъ дьяволомъ человѣкъ можетъ освободиться отъ чаръ дьявола и даже пріобрѣсти власть надъ бѣсами. „Богъ не вдастъ діаволу радости“, говоритъ лѣтописецъ [2]). Противъ бѣсовскихъ нападеній Богъ далъ вѣрующимъ чудесное оружіе, неотразимо дѣйствующее противъ нихъ. Много этихъ средствъ противъ бѣсовъ: молитва, постъ, имя Господне, честный крестъ и др.

Вѣрованіе въ чудодѣйственную силу молитвы и поста противъ бѣсовъ явно утверждается на словахъ Евангелія (Мѳ. 16, 21). Въ др.-русской письменности—не мало указаній на чудесную силу молитвы. Въ житіи Мартирія Зеленецкаго передается такой случай: однажды монастырскій пономарь Авраамій пошелъ утромъ къ келіи св. Боголѣпа за благословеніемъ клепать къ утрени и дорогой подумалъ: „яко и намъ старецъ тяжкій уставъ правила предаде, а самъ ничего же отъ сихъ совершаетъ; насъ же ради хощетъ отъ Бога себе мзды пріяти“. И вотъ Авраамій видитъ всю келію Боголѣпа въ огнѣ. Думая, что это пожаръ. и испугавшись за жизнь Боголѣпа, пономарь бѣ-

---

[1]) Пономаревъ, IV, 122 стр.
[2]) Лавр. Лѣт. 127 стр.

гомъ кинулся къ келіи и сталъ стучать въ дверь, творя торопливо молитву Іисусову. Старецъ извнутри келіи отвѣтилъ „аминь“ и далъ благословеніе, а огонь тотчасъ исчезъ. „Чадо, сказалъ Авраамію св. Мартирій, сій есть огнь—молитва его бѣсомъ палительна, юже видѣлъ еси творимая имъ прежде соборнаго пѣнія, а не огнь сей, явльшійся ти во увѣреніе, да не уничтожиши праведника“ [1]). „Тако же убо и мы, говорится въ одномъ др.-русскомъ поученіи, егда убо молимся, удобь одолѣемъ врагу-дьяволу, лѣнящежеся сами попускаемъ на ся злодѣя“ [2]). Особенное значеніе имѣетъ молитва ночная. Ее усиленно рекомендовалъ Владиміръ Мономахъ: „а того не забывайте (ночной молитвы), не лѣнитеся: тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола и, что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ человѣкъ избываетъ“ [3]).

Ученіе о побѣждающей бѣсовъ силѣ поста особенно раскрывается въ поученіяхъ на св. четыредесятницу, когда въ церкви читается молитва: „даждь и намъ, Блаже.... главы невидимыхъ зміевъ сокрушити, побѣдителями же грѣха явитися“. „И къ симъ воздержанье имѣти отъ многаго брашна, поучаетъ Θеодосій Печерскій свою братію: въ яденьи бо мнозѣ и питіи воздрастаютъ помыслы лукавіи, помысломъ же въздрастшимъ сстваряется грѣхъ. Тѣмже противитеся бѣсовьскому дѣйству и пронырству ихъ“ и пр. [4]).

Вѣра въ силу имени Господня также явно утверждается на Евангеліи. 70 Апостоловъ, вернувшись съ проповѣди, радостно сообщали Христу: „Господи, и бѣсы повинуются намъ о имени Твоемъ“ (Лук. 10, 17). Христосъ обѣщаетъ Своимъ послѣдователямъ: „именемъ Моимъ будутъ изгонять бѣсовъ“ (Мрк. 16, 17). Апостолы и стали тотчасъ по вознесеніи пользоваться этимъ средствомъ; даже невѣрующіе прибѣгали къ нему (Дѣян. 19, 13; Марк. 9, 38). Въ первохристіанствѣ именемъ Христовымъ изго-

---

1) П. С. Р. Л-ры, 4, 58 стр.

2) Пономаревъ. III. 53 стр.

3) ibid, III, 138; ср. IV, ср. 106 и 140. Это вѣрованіе основано на апокрифич. видѣніи ап. Павла, въ которомъ всѣ ангелы—хранители въ полночь уходятъ поклоняться престолу Божію и жалуются на хранимыхъ имя людей. См. Пр. Соб. 1858, 2. 603—604 стр.

4) Лавр. Лѣт. 179 стр.

нялъ бѣсовъ каждый христіанинъ, а нѣкоторые имѣли особую харизму экзоркизма. Въ житіяхъ также немало сказаній про огнепалительную для дьявола силу имени Божія.

Вотъ бродячій сюжетъ изъ „Луга Духовнаго“: „къ келліи старца въ иноческомъ одѣяніи явился діаволъ. На стукъ въ дверь старецъ отворилъ и сказалъ ему: произнеси молитву!“ Дьяволъ произнесъ: „нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминъ“.

Старецъ трижды заставлялъ его сотворить молитву и діаволъ все говорилъ: „нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. „Не добро ты пришелъ, сказалъ старецъ. Сотвори молитву и скажи: „Слава Отцу и Сыну и Св. Духу всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“. Послѣ этихъ словъ діаволъ исчезъ, какъ бы убѣгая отъ огня“ [1]).

Но самое страшное оружіе на врага нашего спасенія это — честный и животворящій крестъ. Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ немало говорится о побѣждающей силѣ креста, напр.: „Крестъ хранителъ всея вселенныя, крестъ христіанамъ слава, крестъ царей держава, крестъ вѣрныхъ утвержденіе и демоновъ язва“, или: радуйся, живоносный кресте, непобѣдимая побѣда,... бѣсовъ сопротивоборче и пр. „Велика есть сила крестная, читаемъ въ лѣтописи; крестомъ бо побѣждени бываютъ силы бѣсовскія... Ничего ся не боятъ бѣсы токмо креста. Аще бо бываютъ отъ бѣсъ мечтанья, знаменоваше лице крестомъ, прогоними бываютъ [2]). Даже невѣрные бываютъ защищены отъ бѣсовъ, если они совершаютъ крестное знаменіе. Въ „повѣсти отъ избранныхъ словесъ о крестномъ знаменіи“ передается такой разсказъ. Одинъ еврей завернулъ ночевать въ капище. Засыпая, онъ почему то вспомнилъ вѣру христіанскую и перекрестился. Ночью въ капище пришла толпа бѣсовъ, видя лежащаго на полу еврея, бѣсы говорили: „сей сосудъ нечистъ лежитъ да крестомъ покровенъ“ и ничего ему не сдѣлали [3]).

Превращеніе дьявола въ колдуна, шепчущаго на травы и обольщающаго ихъ тайными силами, создало народное

[1]) Стр. 144; ср. М.-М. Синод. Т., Ш. 406, также ркп. Б. М. Д. А. 1580, лл. 239—240.

[2]) Лавр. Лѣт. 168 стр., ср. Пономаревъ II. 80—81 и др.

[3]) Тихонр. Лѣтоп. Р. Л-ры. V, стр. 95.

представленіе, что есть травы, которыми можно чаровать и противъ дьявола. „Есть трава именемъ архангелъ, читаемъ въ одномъ рукописномъ травникѣ, собою мала, на сторонахъ по девяти листовъ. тонка въ стрѣлку, четыре цвѣта: червленъ, зеленъ, багровъ, синь. Та трава весьма добра: кто ее рветъ на Иванъ-день сквозь златую или серебряную гривну и ту траву носитъ, и тотъ человѣкъ не боится дьявола ни въ ночь, ни злаго человѣка [1]).

Близко къ этому стоитъ вѣрованіе: „боится какъ чортъ ладана", нашедши себѣ выраженіе въ слѣдующемъ классическомъ разсказѣ изъ житія юродиваго Михаила Клопскаго: „о пришествіи святаго на Клопско". Во время всенощной по 9 пѣсни канона „попъ Макарій" пошелъ къ своей кельѣ — покадить предъ иконами (келія его была недалеко отъ церкви). Къ его удивленію, дверь отперта и въ кельѣ за столомъ сидитъ какой-то невѣдомый старецъ „брадою сѣдъ", пишетъ книгу Дѣяній—„плаваніе Павлово", и предъ нимъ свѣча горитъ. Макарій напугался, убѣжалъ, перепугалъ игумена Ѳеодосія и братію. Послѣ всенощной Ѳеодосій „съ кадиломъ и темьяномъ" направился „и с братиею" къ келліи Макарія.

„Игуменъ и съ братіею ужасенъ бывъ, мнящи, яко привидѣніе есть злокозненнаго врага, всегда воюющаго родъ христіанскій". Келья заперта извнутри, но чрезъ окно видно, какъ на прежнемъ мѣстѣ предъ свѣчой сидитъ старецъ и что-то пишетъ. „Молитвами свв. отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ", сказалъ игуменъ, стукнувъ въ дверь. Вмѣсто „аминь" голосъ извнутри повторилъ молитву Іисусову, такъ что отъ неожиданности всѣ дивились. Игуменъ опять произнесъ молитву, и опять тотъ же отвѣтъ,—и такъ до трехъ разъ. Игуменъ заговорилъ со старцемъ: „кто ты? человѣкъ ли еси? ли бѣсъ? и что имя тебѣ?" Изъ келліи голосъ, какъ эхо повторяетъ: „кто ты? человѣкъ ли еси? ли бѣсъ? и что имя тебѣ?" Игуменъ разсердился, приказалъ выломать двери верхъ у сѣнцовъ и вошелъ съ братіею въ келью. Покадивъ иконы, онъ затѣмъ покадилъ и каждаго изъ братіи и, наконецъ, новоприбывшаго старца. И что же? „Старецъ отъ кадящаго теміана закрывается, яко похабъ ся

[1]) Цит. по Р. д. с. Паст. 1864. 580 стр.

творя, а крестомъ ся знаменается“. Изъ того игуменъ заключилъ, что старецъ не бѣсъ, а „своитинъ“, и не велѣлъ его трогать никому изъ братіи [1]).

Третье народное средство противъ дьявола—громъ и молнія. Св. Іоаннъ многострадальный, такъ много потерпѣвшій отъ змія, молится: „блесни молніа твои, иждьжени, да исчезнетъ отъ лица твоего“ и послѣ молитвы „абіе быс молніа, и лютый змій исчезе отъ мене и к тому не видѣхъ и до н҃нѣ“.

Въ „повѣсти о Соломоніи“ поднялась „туча велія съ молніею и съ громомъ страшнымъ и тресканіемъ зѣльнымъ и нача ихъ молніею палити, и убиша ихъ многое множество. И бяше ихъ блато и езеро исполнено аки смолою“, а вскорѣ „бысть паче буря велія и громъ и молнія“, которой бѣсы очень устрашились [2]). Въ „мѣрилѣ праведномъ“ XV века говорится, что „стрѣлы и топори громніи“ употреблялись для изгнанія бѣсовъ [3]). Въ „бесѣдѣ трехъ святителей“ какъ будто и объясняется, почему громъ имѣетъ такое дѣйствіе: „отчего громъ и молнія сотворена бысть?—Гласъ Господень въ колесницѣ огненной утверженъ и ангела громная приставлена“ [4]).

При помощи всѣхъ этихъ волшебныхъ средствъ святые не только освобождались отъ бѣсовскихъ чаръ, но и сами пріобрѣтали надъ ними власть и заставляли служить себѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Среди „басенъ и кощунъ“ о царѣ Соломонѣ, властвовавшемъ надъ бѣсами посредствомъ волшебнаго перстня, есть апокрифъ о томъ, какъ Соломонъ заклялъ ихъ „во имя Отца и Сына и Св. Духа“, претворилъ въ макъ и заключилъ въ дельву, т. е. въ бочку, въ которой они и сидѣли въ Вавилонѣ до царя Ирода: только Иродъ, обманутый дьяволомъ, выпустилъ ихъ, оттуда и они вылетѣли съ дымомъ и смрадомъ [5]). Эта легенда является литературной первоосновой цѣлаго цикла легендъ о заключенномъ бѣсѣ въ византійско-русской литературѣ [6]). Она встрѣчается въ

---

[1]) Некрасовъ. Зарожденіе націон. л-ры на рус. сѣв. Одесса 1870, прил. 1—2 стр., ср. 12—15.

[2]) П. С. Р. Л-ры, 1—2, 155—156 стр.

[3]) Р. Ф. Вѣстникъ, 38 т., 323 стр.

[4]) П. С. Р. Л-ры, III, 169 стр.

[5]) Франко, Памятники, I, 291—293 стр.

[6]) См. ст. Н. Дурново, Легенда о заключенномъ бѣсѣ.

житіи Авраамія Ростовскаго. Однажды Авраамій собирался пѣть обѣдню въ церкви и послѣ обычныхъ молитвъ къ причащенію хотѣлъ умыть себѣ руки. Бѣсъ, „хотя спону сотворити святому водою“, залѣзъ въ сосудъ, но святой догадался объ этомъ, оградилъ сосудъ крестомъ и положилъ его надъ сосудомъ. Бѣсъ сидѣлъ въ сосудѣ, палимый крестною силою, но не могъ выйти оттуда. Только счастливое обстоятельство выручило его изъ бѣды: къ Авраамію пришли посѣтители, и одинъ изъ любопытства взялъ крестъ „знаменатися имъ“; бѣсъ воспользовался этимъ и вышелъ изъ сосуда „аки дымъ чернъ и злосмраденъ“, такъ что напугалъ присутствовавшихъ [1]). Эта же легенда встрѣчается съ легкой варіаціей и дополненіемъ въ житіи Іоанна Новгородскаго. Іоаннъ, поя въ келліи псалтырь, услышалъ бѣса, барахтающагося въ умывальникѣ и закрестилъ его рукой. Это подѣйствовало съ такимъ успѣхомъ, что менѣе, чѣмъ черезъ часъ, бѣсъ началъ кричать: о люте нужде сея! се бо палимъ есть огнемъ; не могу терпѣти; скоро испусти, святче Божій“. Іоаннъ допросилъ бѣса, кто онъ, зачѣмъ пришелъ, и выпустилъ его подъ тѣмъ лишь условіемъ, что онъ немедленно свозитъ его въ Іерусалимъ поклониться гробу Господню. Бѣсъ принужденъ былъ согласиться, сталъ, какъ вороной конь, у келліи св., далъ осѣдлать себя и въ одну ночь домчалъ изъ Новгорода въ Іерусалимъ. Пока Іоаннъ покланялся святынямъ въ храмѣ Воскресенія Христова, бѣсъ стоялъ „не могій двигнутися“, а затѣмъ въ ту же ночь привезъ св. въ Новгородъ [2]).

Въ житіи Ѳеодора и Василія Печерскихъ есть такая легенда. Однажды келарь привезъ Ѳеодору пять возовъ пшеницы молоть на жерновахъ, чтобы онъ не бралъ на себя лишняго труда—таскать зерно. Когда однажды вечеромъ Ѳеодоръ пѣлъ псалтырь „изустъ“, внезапно послышался „гласъ аки громъ,“ и тотчасъ начали сами собой молоть жернова. Святый сказалъ: „запрещаетъ ти. г҃ъ, вселукавый діаволе“! Но бѣсъ продолжалъ молоть. Ѳеодоръ сказалъ: „въ имя о҃ца и с҃на и с҃таго д҃ха, свергшаго вас с нбесъ и давшаго въ попраніе своимъ оугодникомъ, велитъ ти мною грѣшнымъ, не престати отъ ра-

[1]) П. С. Р. Л-ры, I, 222 стр.
[2]) П. С. Р. Л-ры, 245 стр.

боты, дондеже измелиши все жито, да и ты поработаеши на с҃тую братію!“ Бѣсъ не смѣлъ ослушаться и къ утру измололъ всю пшеницу, чему не мало удивился келарь. Но, что еще удивительнѣе, взялись откуда-то еще другіе пять возовъ муки [1]).

Въ томъ же житіи передается и другой подобный случай. Въ монастырѣ случился пожаръ, сгорѣла церковь и келліи, и на постройку ихъ по Днѣпру пригоняли много лѣса. Не желая утруждать другихъ работой на себя, Өеодоръ сталъ таскать на плечахъ бревна съ берега Днѣпра на гору для постройки своей келліи. Но Өеодоръ носилъ бревна въ гору, а бѣсы свергали ихъ внизъ. Тогда Өеодоръ заклялъ ихъ: „во имя г҃а б҃а н҃шего, повелѣвшаго вамъ въ свинія итти: велитъ вы мною, рабомъ своимъ, да всяко древо, иже на брези, на гору взнесете!“ Не смѣя ослушаться, бѣсы въ одну ночь перетаскали бревна на гору да еще подобрали дерево къ дереву: положили особо помосты, особо тяжелые и неудобоносимые лубы [2]). Т. о., бѣсы не только мололи на монастырскую братію, но и и принимали дѣятельное участіе въ построеніи Кіево-Печерскаго монастыря! А вотъ идиллическая картинка изъ „Великаго Зерцала“: „Нѣкоего пустынника молитвою связанъ бысть бѣсъ стрежаше рѣпы его. и нѣкогда пріиде человѣкъ кстарцу рѣпы красти и нача рѣпы рвати яко возметъ ю себѣ и бѣсъ его окликалъ дабы не рвалъ рѣпы и хотѣлъ сказати пустыннику. онъ же мнѣвъ яко привидѣніе чюдится и неистинное глаголаніе и егда хотяше отити не можаше подняти, но сила отъ множества рѣпы исчезе. шедъ бѣсъ сказа пустыннику о немъ. изшед пустынникъ потяза его о краденіи рѣпы. онъ же прося прощенія и рече: прости мя святче божій. бѣсъ научилъ мя се творити абіе воскрича бѣсъ о неправедный! не трижды ли оглашяхъ тя не рви рѣпы, скажу старцу почто ты напрасно злословиши и клевещеши на невиннаго крадепію твоему. и паки человѣкъ той рече: прости мя, старче, бога ради отъ своея мысли смущенъ бѣ о немъ и абіе простивъ отпусти его съ рѣпою и яко невиненъ намъ бѣсъ къ дѣломъ, но мыслію точію“ [3]).

---

[1]) Яковлевъ, Памятники, 68 стр.
[2]) Яковлевъ, Памятники, 69 стр.
[3]) Ркп. Б. М. Д. А-міи № 1580, л. 105.

Интересно, что для того, чтобы пріобрѣсть власть надъ бѣсомъ, святые обычно стараются узнать его имя. Имя бѣса представляется какой-то таинственной сущностью его, обладать имъ все равно, что обладать его носителемъ. Эта подробность, конечно, восходитъ къ Евангелію, гдѣ Христосъ спрашиваетъ бѣсноватаго, какъ ему имя, и бѣсы отвѣчаютъ: „легіонъ (Мрк. V, 9). Она встрѣчается еще въ византійской агіографіи. Такъ, въ апокрифическомъ „Ипатіевомъ мученіи“ Ипатій допрашиваетъ бѣса, какъ ему имя, и бѣсъ отвѣчаетъ: „азъ есмь ворохамь“, послѣ чего св. начинаетъ его бить и мучить. То же и въ русскихъ житіяхъ. Въ житіи Никиты Переяславскаго князь Михаилъ Черниговскій молитвами св. Никиты „запретилъ“ бѣсу, явльшемуся въ образѣ монаха, „и ста недвижимъ“. „Преподобный же чюдотворецъ повелѣ емоу оу стѣны стлъпа прилъпеноу быти три часы, повѣда своа прелести и клятся къ святому не створити къ человѣкомъ пакости и посланъ бысть въ бездну къ своему отцоу сатонѣ“ [1]).

Но, вовлеченный въ кругъ чаръ дьявола, человѣкъ и не одинокъ въ борьбѣ съ нимъ. Кромѣ духовъ зла есть еще много духовъ добрыхъ, которые борются съ дьяволомъ и помогаютъ человѣку бороться съ нимъ. Это—ангелы и святые.

Ангелологія въ др.-русской литературѣ благоуханно-поэтична и очень интересна. Богъ сотворилъ ангеловъ прежде всякой твари (по другой версіи—въ четвертый день міротворенія вмѣстѣ со свѣтилами; ср. Апокал. 12, 4) и устроилъ ихъ десять чиновъ: „1. чинъ ангели. 2. чинъ архаг҃гли. 3. чинъ начала. 4. чинъ власти. 5. чинъ силы. 6. чинъ престолы. 7. чинъ Г҃дьствія. 8. чинъ херувими. 9. чинъ серафими, многоочитіи, десятый же чинъ въ демоны приложися“ [2]). Это ученіе извѣстно еще изъ книги о девяти чинахъ ангельскихъ, невѣрно приписываемой Діонисію Ареопагиту.

Дѣятельность ангеловъ неодинакова, какъ неодинаково и ихъ іерархическое положеніе. Богъ „овѣхъ отъ нихъ постави во славословіе велие, пѣти имъ трисвятое. Пѣснь же ихъ такова бысть: святъ, святъ, святъ Г҃дь Саваофъ, исполнь небо и земля славы Его. Единіи же отъ нихъ

[1]) Рки. М. Д. А-міи № 640, л. 201 и об.

[2]) Порфирьевъ. А-скія сказ. о в.-завѣти. л., стр. 83.

предстоять день и нощь безпрестани. Иніи же приставлени быша на службу и служать Г҃ду Бгу всею мыслію своею. И что же старѣйшинамъ ихъ внидеть во умъ, то и повелѣвають воздати сущимъ, и быша же шествія ихъ скорѣе молніи: имя яко мысль члв҃ческа ови же суть отъ нихъ посылаеми бывають на соблюденіе и на сохраненіе вѣрнымъ чл҃камъ: иже суть хранители душамъ. И друзіи же посылаеми бывають на помощи наши и пущаеми суть на брани супротивнымъ. А иніи же посылаеми на казнь согрѣшающимъ чл҃вкомъ" [1]). Въ этомъ отрывкѣ намѣчаются слѣдующіе разряды ангеловъ по роду ихъ дѣятельности: 1) ангелы служебные; 2) ангелы—правители стихій; 3) ангелы-хранители; 4) ангелы-хранители народовъ; 5) ангелы немилостивые. Собразно своей задачѣ, мы обратимъ свое вниманіе лишь на ангеловъ стихійныхъ и ангеловъ-хранителей. Основаніе для вѣрованія въ стихійныхъ ангеловъ находится въ св. Писаніи. Въ Апокалипсисѣ говорится объ ангелѣ водномъ (16, 5) и объ ангелахъ, „стоящихъ на четырехъ углахъ земли, держащихъ четыре вѣтра земли, чтобы не дулъ вѣтеръ ни на землю, ни на море ни на какое дерево" (7, 1). Вся природа и особенно воздушныя пространства въ памятникахъ др.-русской литературы одухотворена. Въ одномъ Луцидаріусѣ читаемъ: „отъ земли даже до луны лукавіи дуси, демони тѣ суть поставлени, человѣки отъ воздуха прельщающе, а отъ луны даже до звѣздъ пребывають святіи ангелы: сіи суть поставлены, да человѣка хранять отъ лукавыхъ бѣсовъ" [2]). Въ посланіи старца Елеазарова монастыря Филофея „о написаніи Николаевѣ дьяку великого князя Мисгорю Мунехину" говорится: „а о звѣздномъ теченіи и о солнце и о лунѣ да вѣсть твоя честность, яко не самыя тыя звѣзды двизаеми суть, ниже чувственны или животны и ни зрять ни на что же, но огнь невещественъ ничтоже вѣсть ниже знаемъ. Но приносимы суть отъ ангельскихъ невидимо силъ. Самовидецъ сему Богоизбранный сему Апостолъ, иже третины тверди не дошедъ посреди самыхъ звѣздъ былъ и тамо видѣлъ самыя тыя Ангельскія силы, како непрестанно служеніе имуть человѣка ради" [3]). Въ апо-

---

[1]) Чт. О. И. Д. Р. 1847, № 8, Слово на с. А. М., 1 стр.
[2]) Тихонрав. Лѣтопись р. л-ры 1859, 1, 44 стр.
[3]) Пр. Соб. 1861, ч. 2., стр. 88—89.

крифической книгѣ „о всей твари чтеніе", не дошедшей до насъ, изображается, какъ „300 ангелъ воротятъ солнце" [1]). Но не только небесныя свѣтила, но и каждое стихійное явленіе имѣетъ своего ангела управителя: „аг҃гли облакомъ и аг҃гли мракомъ и аг҃гли градомъ. аг҃гли ледомъ аг҃гли мгламъ аг҃гли голотемъ аг҃гли иніи аг҃гли мразу аг҃гли росамъ аг҃гли гласомъ аг҃гли молніямъ, аг҃гли грому аг҃гли зноеви зимѣ лѣту весни есени. и всѣмъ созданіемъ его" [2]).

Посредникомъ между ученіемъ Библіи и др.-русской письменностью для такого взгляда было широко распространенное „Епифанія Кипрскаго архіепископа сказаніе, какъ Богъ сотвори отъ начала до седьмого дни" [3]), на которое ссылается еще лѣтописецъ подъ 1110 годомъ, и вопросы „о водѣ, и о дожди, и о грому и о молніи", гдѣ передается бесѣда Епифанія со св. Андреемъ о самомъ процессѣ дѣятельности стихійныхъ ангеловъ [4]). Эти представленія слились на Руси съ національно-языческими образами. Такъ, въ бесѣдѣ трехъ святителей читаемъ: Иванъ рече: отчего громъ сотворенъ бысть? Василій рече: два ангела громная есть: еллинскій (т. е. языческій) старецъ Перунъ, и Хорсъ жидовинъ, два еста ангела молніина. Вопросъ: что есть громъ и молнія? Толкъ: ангелъ господенъ летая бьетъ крилома и гонитъ дьявола" [5]). При такомъ всеобщемъ одухотвореніи природы др.-русскому человѣку диктовался цѣлый рядъ практическихъ совѣтовъ противъ дѣйствія дьявола. Въ апокрифѣ „а се имена аг҃гельска. иже обладають и винограды и градинами" читаемъ: „і име ему плутось. напиши име ему на кр҃сте и постави посред҃ виноград҃. или нивъ. или градине. и проженеть въсакаго дьявола оттуд҃. ст҃ы д҃хь оумножить въ дому твоему жита и вина и въса бл҃га въ обытели. 2. аг҃гль ефиимъ иже домови обладаеть въсакому хр҃стіа-

---

[1]) Порфир. Апокр. ск., 29 стр.; см. одну изъ иллюстрацій въ ист. р. л-ры, т. I подъ ред. Арсеньева, Бороздина и О.—Куликовскаго; ср. изъ „Майской ночи" Гоголя: „не правда ли, вѣдь, это ангелы Божіи поотворяли окошечки своихъ свѣтлыхъ домиковъ на небѣ и глядятъ на насъ? Да, Левко?"

[2]) Порфирьевъ, То-же, стр. 84.

[3]) Рук. д. с. паст. 1867, 587 стр.

[4]) То-же. 588 579 стр.

[5]) Цит. по Рук. д. с. п. 1876, 591 стр.

нину. и пиши име ему на кр҃сте и постави въ дому твоему и проженеть отъ дому того. въсакаго діавола. и не прикоснется николиже“[1]). А въ одной раскольничьей рукописи — цѣлый рядъ совѣтовъ на самые разнообразные случаи жизни съ обращеніемъ къ ангеламъ, напр.: „аще ложишься спать, помяни ангела Потопилу: тотъ часъ не прикоснется діяволъ ни какой злой человѣкъ. Ангеле Потопиле! во твое имя сохрани и помилуй раба своего“[2]).

Про ангела-хранителя мы уже приводили выдержку изъ „слова о небесныхъ силахъ“. Въ словѣ Ѳеодосія Печерскаго „объ умѣренности и застольномъ питьѣ“ картинно показывается взаимоотношеніе при человѣкѣ ангела-хранителя и ангела сатаны. „Обѣдающе же“, говорится здѣсь, „пустошныхъ не глаголите. Нифонтово воспоминающе видѣніе, иже человѣка видѣ съ женою и съ дѣтьми обѣдающа, передъ ними нѣкія въ красныхъ стояще ризахъ числомъ елико ядущихъ. Нифонтъ же чудися моляше Бога, да проявитъ, бѣша бо обѣдающіи убози, откры ему Богъ, яко ангели суть, никогда бо не отходятъ блюдуще вѣрныя, но егда смѣхъ или кощуны начнутъ-ли клеветами осуждаютъ кого, то отходятъ ангели, и бѣсъ пришедъ насѣваетъ злая“[3]).

Но изъ всѣхъ ангеловъ самый страшный для дьявола и бѣсовъ — архангелъ Михаилъ. Онъ, какъ мы видѣли, сверглъ сатану съ неба, онъ же и окончательно побѣдитъ его при концѣ міра. Въ апокрифѣ о смерти Моисея, восходящемъ къ далекой іудейской древности, Михаилъ споритъ съ дьяволомъ о тѣлѣ Моисея и говоритъ ему: „запрещаетъ ти Господь, діаволе“[4]). Богомилы считали Іисуса Христа, связавшаго діавола, за воплощеніе архангела Михаила[5]).

[1]) Тихонрав. П. О. Р. Л-ры, II, стр. 344.

[2]) Тамъ-же, стр. 346; ср. Ж. М-ва Н. Пр. т. 117, 15—16 стр.

[3]) Пр. Соб. 1858, III, 254 стр.; здѣсь же проводится воззрѣніе, что рвота пьяницы отгоняетъ ангела-хранителя такъ-же, очевидно, какъ ладанъ бѣса.

[4]) П. С. Р. Л-ры. III, 48 стр.; ср. Іуды, 1, 9 ст.

[5]) „Они силятся доказать, что это Слово и Сынъ есть архангелъ Михаилъ, ибо сказано: нарицается имя Его велика совѣта ангелъ (Ис. 9, 6): онъ же называется архангеломъ, какъ божественнѣйшій изъ всѣхъ ангеловъ, Іисусомъ же, какъ исцѣляющій всякій недугъ и всякую болѣзнь, Христомъ же, какъ помазанный плотію“. Euthymii Zigadeni, Narratio de Bogomilis, seu Panoplia, изд. Гизелера, 1832, гл. VIII, стр. 16—17.

Но и святые помогають побѣждать дьявола. Власть святого надъ бѣсами—признакъ его святости. Поэтому въ челобитныхъ о канонизаціи какого-нибудь святого обычно прилагается списокъ его чудесъ съ исцѣленіями болѣзней, происходящихъ „по дѣйству діаволю“, и, въ частности, бѣснованія. Но какъ каждому святому даны особыя „благодати“: Моисею Угрину и Іоанну Многострадальному дана благодать избавленія отъ блудной страсти, святому Вонифатію отъ пьянства, Петру и Сисинію — отъ трясавицъ, Іоанну Крестителю — отъ головной боли, Антипію — отъ зубной боли и грыжи и т. д. и т. д.—такъ есть и особые святые—демоноборцы. Насколько мы замѣтили при чтеніи житійной литературы, такими демоноборцами являются: св. Іоаннъ Богословъ, св. Никита Великомученникъ и св. Никита Переяславскій, св. Николай чудотворецъ, св. Іоаннъ и Прокопій Устюжскіе и др.

Основаніемъ для почитанія Іоанна Богослова, какъ демоноборца, вѣроятно, послужило житіе его, составленное ученикомъ его Прохоромъ, наполненное разсказами про борьбу апостола съ магами и бѣсами. Какъ демоноборецъ, Іоаннъ Богословъ выступаетъ въ житіи Авраамія Ростовскаго, которому онъ вручаетъ трость на избоденіе бѣса Волоса[1]). Какъ видно изъ этого житія, въ честь Іоанна Богослова, какъ демоноборца, сооружались храмы.

Объ этомъ же узнаемъ изъ житія Варлаама Важескаго, гдѣ св. обращается къ апостолу съ такою молитвою: „моли непрестанно, угодниче Христовъ, да сохраненъ будетъ св. храмъ твой и обитель твоя отъ навѣтныхъ прилогъ лукавыхъ бѣсовъ“ [2]). Въ „повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ“ Богоматерь является для освобожденія Саввы отъ дьявола въ сопровожденіи двухъ святолѣпныхъ мужей — одинъ изъ нихъ Іоаннъ Богословъ[3]). По апокрифу ап. Іоаннъ Богословъ явится вмѣстѣ съ Ильею и Енохомъ обличать антихриста[4]).

Основаніемъ для почитанія Никиты Великомученика, какъ демоноборца, также послужило его апокрифическое житіе, гдѣ разсказывается про его борьбу съ дьяволомъ.

---

[1]) П. С. Р. Л-ры, I, 221—222 стр.
[2]) Григоровичъ, Ж. Варлаама В., стр. 15.
[3]) П. С. Р. Л-ры, I, 179.
[4]) Тихонр. П. О. Р. Л-ры, II, 226 стр.

Здѣсь разсказывается, какъ дьяволъ явился Никитѣ въ образѣ ангела и отъ имени Божія повелѣлъ ему поклониться кумирамъ, но Никита узналъ его по откровенію свыше. „Простреже блаженный руку свою ять дьявола и поверже подъ собою и наступи на шею его и задави. мняше да видить дьявола и снемъ оковы яже бяху на ногу его и бьяше дьявола оковами глаголя рци ми демоне бѣсѣ. кто тя послалъ сѣмо. бѣсъ же реч҇ страстотръпче божій ослаби ми ногу твою"[1]) и пр. „Ведомъ же на судище, разсказывается далѣе, блаженный Никита держаше бѣса за руку и пришедшу ему на судище и поверже предъ царемъ ничь"[2]). Кадлубовскій отмѣчаетъ, кромѣ того, вліяніе на развитіе представленій о св. Никитѣ, какъ демоноборцѣ, и титула мученика и пѣснопѣній на Воздвиженье креста, и иконографіи[3]). Распространенность культа св. Никиты, какъ демоноборца, отражается, напр., въ разсказѣ Волоколамскаго Патерика объ одномъ „мужѣ", который молился Никитѣ объ исцѣленіи: Никита своимъ явленіемъ исцѣлилъ болящаго и вмѣстѣ избавилъ отъ страшнаго мужа, который примчался на конѣ къ одру больного и хотѣлъ его погубить[4]). Въ концѣ житія св. Никиты есть такая интересная приписка: „оу него же будеть чтеніе се ст҇аго славнаго мч҇нка Х҇ва Никиты. за шесть дній бѣжат отъ него дѣмони. о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ". Такимъ образомъ, самое житіе св. превращается въ своего рода заговоръ. Извѣстны также иконки съ изображеніемъ св. Никиты, навязываемыя змѣевиками, которыя носились въ качествѣ амулетовъ. Въ заговорахъ противъ дьявола имя св. Никиты часто упоминается.

Черты Никиты-великомученика были перенесены на Никиту Переяславскаго, который также выступаетъ какъ демоноборецъ. Его имя также встрѣчается въ заговорахъ противъ нечистой силы, въ честь его, какъ демоноборца, также воздвигались храмы[5]).

---

1) Тихонрав. II, 116—117 стр.

2) Тихонрав. II, 118 стр.

3) Кадлубовскій, Очерки, 109 стр. и сл.

4) Ркп. Синод. Б-ки, № 927, лл. 9—10.

5) Кадлубовскій, очерки, 114—124 стр. По нашему мнѣнію, на образъ Никиты Столпника Переяславскаго могъ имѣть вліяніе еще образъ Симеона Столпника, память котораго также 24-го мая.

Когда бѣсы стали смущать страхами Ульяну Муромскую, то по ея молитвѣ Богородицѣ и святителю Николаю „явися ей святый Никола держа книгу велику и разгна бѣсы, яко дымъ бо исчезоша, и воздвигъ десницу свою, благослови ю, глаголя: „дщи моя мужайся и крѣпися и не бойся бѣсовскаго прещенія! Христосъ бо мнѣ повелѣ тебе соблюдати отъ бѣсовъ и злыхъ человѣкъ“. Въ другой разъ также „явися ей святый Никола, имѣя палицу и прогна ихъ отъ нея; яко дымъ исчезоша; единаго же бѣса поймавъ, мучаше; святую же благослови крестомъ, и абіе невидимъ бысть“ [1]).

Какъ мы видѣли, въ „повѣсти о бѣсноватой Соломоніи“ Соломонія получаетъ исцѣленіе отъ Прокопія и Іоанна Устюжскихъ. Какъ борцы съ бѣсами, являются еще: Пресвятая Дѣва, святитель Петръ Московскій, Георгій Великомученикъ, Ѳеодоръ Тиронъ и много другихъ. Но, повторяемъ, власть надъ бѣсами—признакъ святости, и каждый святой—непримиримый врагъ бѣсовъ.

VII.

Бѣсы въ эсхатологіи.

Наша работа была бы незаконченной, если бы мы не написали о бѣсахъ въ эсхатологіи, хотя бы въ общихъ чертахъ. Подъ эсхатологіей разумѣется кругъ представленій, относящихся къ послѣднимъ судьбамъ человѣка и міра. Такимъ образомъ, эсхатологія ясно раздѣляется на частную и общую. Мы коснемся эсхатологическихъ представленій лишь постольку, поскольку въ нихъ есть демонологическій элементъ, раздѣляя изложеніе на двѣ части: бѣсы въ частной эсхатологіи и въ общей.

Въ Библіи мы находимъ лишь неопредѣленныя указанія о посмертной судьбѣ человѣка (Сирах. II, 26—27; Евр. 9, 27); о роли злыхъ духовъ при этомъ ровно ничего не говорится, если не считать сообщенія ап. Іуды о спорѣ архангела Михаила съ дьяволомъ о тѣлѣ Моисея, взятаго изъ Іудейскихъ апокрифовъ. Въ этомъ отношеніи язычество выгодно отличалось отъ первохристіанства. Въ античной

---

[1]) П. С. Р. Л-ры.

религіи существовали представленія о путешествіи души въ аидъ, о переправѣ черезъ Стиксъ въ лодкѣ Харона, о Церберѣ съ трехгортаннымъ лаемъ, усыпляемомъ медовыми пирожками и снотворнымъ зельемъ, и пр. Еще разработаннѣе такія представленія въ египетской религіи (125 глава книги мертвыхъ). Однако, уже въ первыя вѣка вырабатывается опредѣленный кругъ представленій о частномъ судѣ, гдѣ роль языческихъ загробныхъ образовъ играютъ бѣсы и ангелы; а вмѣсто магическихъ заклинаній, соотвѣтственно нравственному характеру христіанской религіи, служатъ добрыя дѣла души. Такъ, въ словѣ Кирилла Александрійскаго „объ исходѣ души", которое обыкновенно печается въ слѣдованной псалтири, довольно подробно говорится о мытарствахъ. Но еще раньше Кирилла такія представленія встрѣчаются у Ефрема Сирина[1]), Макарія Великаго[2]) и др.

Ученіе о мытарствахъ по частямъ вошло въ житія Антонія Великаго, Іоанна Милостиваго, но классическимъ произведеніемъ на эту тему было житіе Василія Новаго († 944 г.), написанное ученикомъ его Григоріемъ, въ которомъ передается разсказъ св. Ѳеодоры, явившейся во снѣ Василію, о ея смерти и странствованіямъ по мытарствамъ.

„Когда я приблизилась къ концу жизни моей, разсказывала Ѳеодора, и насталъ часъ разлученія души отъ тѣла, увидѣла я множество эфіоповъ, стоявшихъ вокругъ одра моего; лица ихъ были черныя, какъ сажа и смола, очи горѣли, какъ угли огненныя, и весь видъ ихъ былъ столь же страшенъ, какъ видъ огненной геенны. И начали они производить шумъ и смятеніе: одни ревѣли, какъ скоты и звѣри, другіе лаяли, какъ псы, нѣкоторые выли, какъ волки; при этомъ всѣ они, съ яростію смотря на меня, грозили мнѣ, набрасывались на меня, скрежеща зубами, и хотѣли тутъ же поглотить меня. Приготовляли они и хартіи какъ бы въ ожиданіи судіи нѣкоего, имѣющаго придти туда, и развертывали свитки, на которыхъ были написаны всѣ злыя дѣла мои. И была убогая душа моя въ великомъ страхѣ и трепетѣ. Тогда претерпѣвала

[1]) Слово на почившихъ о Христѣ. Тв. Свв. о.о., XV, стр. 269.
[2]) Бесѣда о двояк. состоян. умершихъ изъ сей жизни, Хр. Чт., 1828, 31 т., 113—114 стр.

я не только муки смертныя, происходившія отъ разлученія души съ тѣломъ, но также жесточайшія страданія отъ видѣнія тѣхъ страшныхъ эфіоповъ и грозной ярости ихъ, и это было для меня какъ бы другою смертью, болѣе тяжкою и лютою. Я старалась отвращать взоръ мой отъ видѣнія то въ одну сторону, то въ другую, чтобы не видѣть мнѣ страшныхъ эфіоповъ, не слышать голосовъ ихъ, но никакъ не могла избавиться отъ нихъ, ибо вездѣ было ихъ безчисленное множество, и не было никого, кто бы помогъ мнѣ" [1]). Отъ бѣсовъ избавило Ѳеодору появленіе двухъ ангеловъ которые встали у ея одра. „Черные же эфіопы, увидѣвъ ихъ, содрогнулись и отступили подальше. Одинъ изъ ангеловъ сказалъ имъ: „о, безстыдные, проклятые, мрачные и злобные враги рода человѣческаго! Зачѣмъ вы всегда поспѣшаете прежде времени къ умирающимъ и своимъ безстыднымъ шумомъ устрашаете и возмущаете всякую душу, разлучающуюся съ тѣломъ? Но теперь прекратите свою радость, такъ какъ здѣсь вы не пріобрѣтете ничего. Вамъ нѣтъ какой-либо части въ сей душѣ, потому что съ нею Божіе милосердіе". При такихъ словахъ свѣтлаго юноши эфіопы тотчасъ же взволновались и начали съ крикомъ показывать написанія злыхъ дѣлъ моихъ, сдѣланныхъ отъ юности. „Какъ это мы не имѣемъ въ ней части? А эти грѣхи чьи? Не она ли содѣлала это и это?"... „И вотъ пришла смерть, рыкая, какъ левъ; видъ ея былъ очень страшенъ: она имѣла нѣкоторое подобіе человѣка, но тѣла совсѣмъ не имѣла и была составлена изъ однѣхъ только обнаженныхъ костей человѣческихъ. Съ собою она несла различныя орудія мученій: мечи, стрѣлы, копья, косы, серпы, желѣзные рога, пилы, сѣкиры, тесла и иныя орудія неизвѣстныя" [2]). Смерть разняла по одному каждый членъ тѣла своими орудіями, наконецъ, дала отпить изъ чаши такой горечи, что душа содрогнулась и вылетѣла изъ тѣла. „Въ это время бѣсы, явившіеся въ образѣ эфіоповъ, обступили ангеловъ, державшихъ меня, и начали вопить, показывая написанія

---

[1]) Четьи-М., изд. Синод. Тип., 7 т., 532 стр.

[2]) Ibid., стр. 533. Смерть въ ея классическомъ представленіи, какъ здѣсь, также нужно считать живымъ бѣсомъ; по крайн. мѣрѣ, въ лѣтоп. сказано: „и поживе Адамъ лѣтъ 930 и пріиде смерть сатанина". Цит. по „Ист. оч." Буслаева, I, 618 стр.

грѣховъ моихъ: „множество грѣховъ имѣетъ душа эта. Поэтому, пусть дастъ она отвѣтъ предъ нами“. Ангелы, съ своей стороны, припомнили все доброе, что когда-либо сдѣлала Θеодора. „Все это и всѣ другія малѣйшія дѣла мои свв. ангелы собирали, готовясь положить ихъ на вѣсы противъ моихъ злыхъ дѣлъ. Эфіопы же, видя это, скрежетали на меня зубами, желая похитить меня изъ рукъ ангельскихъ и низвести на дно ада“. Споръ окончило явленіе св. Василія, который подалъ ангеламъ мѣшечекъ со своими молитвами и добрыми дѣлами за душу Θеодоры, окристаллизованными въ видѣ монетъ. Лукавые же бѣсы, видя это, пришли въ недоумѣніе, а затѣмъ, огласивъ воздухъ плачемъ, скрылись“ [1]).

Послѣ этого началось восхожденіе на небо по мытарствамъ. Мытари, извѣстные и изъ Евангелія, были у евреевъ лица, бравшія на откупъ у правительства собираніе податей. Они обычно стояли при таможняхъ, называемыхъ мытницами или мытарствами. По житію Василія, путь отъ земли къ небу представляетъ изъ себя какъ бы большую лѣстницу со ступенями; на каждой изъ этихъ ступеней бѣсы разставили свои мытницы. Всѣхъ мытарствъ 20: празднословія, лжи, осужденія и клеветы, чревоугодія, лѣности, татьбы, сребролюбія и скупости, лихвы, неправды, зависти, гордости, гнѣва и ярости, злобы, убійства, чарованій, блуда, прелюбодѣянія, содомскихъ грѣховъ, ересей, наконецъ, немилосердія и жестокосердія.

Мытари-бѣсы, сидящіе на мытарствахъ, иногда носятъ образъ того грѣха или того порока, который ими „истязуется“. Такъ, мытари чревоугодія „были весьма отвратительны видомъ своимъ, изображая собою всю мерзость чревоугодія и пьянства; при этомъ одни изъ нихъ держали блюда и сковороды съ яствами, другіе же—чаши и кружки съ питіемъ,—и я увидѣла, что пища та и питіе были подобны смердящему гною и нечистымъ испражненіямъ. Бѣсы же, держащіе и то и другое, имѣли видъ, пресыщенныхъ и пьяныхъ; они скакали съ различными гудками и дѣлали все, что обычно творятъ пьяницы и пирующіе“ [2]).

---

[1]) Ibid., стр. 534, 535, 536.
[2]) 539 стр.

Не достаетъ только вѣтокъ хмеля или кистей винограда, обвивающихъ тѣла пьяныхъ бѣсовъ, чтобы изъ нихъ получились Бахусъ и сопровождающіе его силены. На мытарствѣ содомскихъ грѣховъ, „князь этого мытарства имѣлъ весьма скверный и безобразный видъ и весь былъ покрытъ смраднымъ гноемъ; слуги его во всемъ были подобны ему: смрадъ ихъ былъ весьма нестерпимый, видъ мерзкій и страшный, ярость и лютость чрезмѣрная“ [1]).

На каждомъ мытарствѣ бѣсы встрѣчаютъ душу, сопровождаемую ангелами, и показываютъ свитки, исписанные ея злыми дѣлами по своему мытарству; ангелы противопоставляютъ грѣхамъ соотвѣтствующія добрыя дѣла, пополняя иногда недостатокъ ихъ изъ мѣшечка Василія. Послѣ нѣкоторыхъ мытарствъ Ѳеодора задаетъ ангеламъ вопросы. Такъ, она спрашиваетъ, почему злые духи знаютъ всѣ злые дѣла ея, даже тайныя? и ангелъ излагаетъ извѣстное намъ ученіе объ ангелѣ Божіемъ-хранителѣ и объ ангелѣ сатанинѣ, записывающихъ на хартіяхъ наши дѣла. Послѣ другого мытарства она спрашиваетъ, всѣ-ли такъ испытуются на мытарствахъ, и можно-ли пройти ихъ безъ страха? Ангелъ отвѣчаетъ, что—всѣ, но только души, чистосердечно покаявшіяся въ своихъ грѣхахъ, проходятъ ихъ безпрепятственно, такъ какъ ихъ грѣхи невидимо сглаживаетъ Духъ Св. Миновавъ благополучно мытарства, Ѳеодора съ ангелами подошла ко вратамъ царства небеснаго [2]).

Житіе Василія Новаго вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими памятниками [3]) оказали большое вліяніе на др.—русскую литературу. Оно пользовалось очень большой популярностью, извѣстно во множествѣ списковъ, украшенныхъ миніатюрами („довольно эстетическій мотивъ во внѣшней характеристикѣ грѣха или порока, который они (бѣсы) представляли“, былъ не такъ то новъ въ XVII вѣкѣ, какъ

---

[1]) 546 стр.

[2]) Четьи-Минеи, Мартъ, 537—547 стр.

[3]) напр., „Вопросы І. Богослова о живыхъ и мертвыхъ“, гдѣ читаемъ, напр.: „чадо, грѣшную душу 9 дней держатъ ангели у собя, глаголющи; негли кто помянетъ ю въ молитвахъ; аще ли не будетъ памяти, то паки держатъ ю до 40 днiй у собя, глаголющи: негли кто помянетъ ю, будетъ кого накормила или одѣла, или попове въ молитвахъ помянутъ ю. Изыдоша же 40 днiй, да иже до милостыни ниоткудуже и рекутъ ей: иди, убогая душе.

думаетъ Буслаевъ), но и вызвало къ жизни русскія произведенія съ такими же представленіями.

Подъ вліяніемъ житія Василія Новаго сложилось „слово о небесныхъ силахъ".

Здѣсь мы встрѣчаемъ, какъ изображеніе смерти согласно съ житіемъ Василія. такъ и—мытарствъ. „Егда же отъ тѣла исходятъ тѣхъ человѣкъ души, прежде бо пріидуть по нея бѣси и представять ей вся злая дѣла ея, яже согрѣшила будеть во вся дни житія своего отъ юности своея даже и до старости. и отвивающе ей харатейные свитцы, и начнуть обличати ону душу, исповѣдающе ей грѣхи ея, яже содѣлала въ житіи своемъ. И глаголютъ ей бѣси: ты, душе. забыла насъ, но мы не забыхомъ тебе" и пр. [1]). Послѣ смерти слѣдуетъ хожденіе по мытарствамъ.

Порядокъ ихъ нѣсколько иной, встрѣчаются и чисто русскія мытарства. Такъ, „7. мытарство буесловіе, и празнословіе, и срамословіе, и ина безстыдная словеса, и плясаніе въ пирѣх и на свадьбахъ и ввечеряхъ и на игрищахъ, и на улицахъ, и басни бающе, и кощуны творяще, и всякія позорныя игры сопѣли сатонинскія, и плесканіе ручное, и скаканіе ногами и всякіе повѣстные зоры испытаемы ту суть"; „11. мытарство безстыдное піанство, елико есмя на земли жиша, по вся дни и до обѣда запивалися черезъ силу свою. яко же вси наши запойства и чаши изочтени суть. отъ бѣсовъ и написани"; „15 мытарство кумирослуженіе и всяка ересь (т. е. волшебство). что мы жили на земли и вѣровали въ встрѣчу, и въ чохъ, и в'полазъ и въ птичей грай, и въ ворожбу. и во всякую тварь, и во отреченныя вещи" [2]). Но не всѣ проходятъ мытарства. „И потомъ (послѣ смерти) восхитима душа та (грѣшная) лукавыми бѣсы, и биема люте, и не дадуще ей и перваго мытарства проити. И потомъ затворима бываетъ во адѣ и во тмѣ и сѣни смертнѣй, идѣже суть души грѣшныхъ отъ вѣка затворени, и ту сидяще плачущеся до дне суднаго и страшнаго" [3]).

Изображеніе смерти съ участіемъ бѣсовъ и ангеловъ по частямъ встрѣчается и въ русской агіографіи, напр.,

---

[1]) Ч. О. И. Д. Р., 1847, № 8, стр. 6—7.
[2]) Ч. О. И. Д. Р., 6—7 стр.
[3]) Тамъ же, стр. 17.

въ житіи пр. Арефы [1]), Трифона Вятскаго [2]), Антонія Галечанина и др.

Въ житіи Антонія читаемъ, что предъ смертью „пріидоша къ нему дѣмони, издалеча яко саженей за десять— инъ стояше яко древо высота его, подперся палицею великою а инъ стоя кричаше яко свинія, иніи же пріидоша близъ его глаголюще между собою показующе другъ другу оружіа своя, инъ удицы, а инъ клещи, а инъ пилы малыя, а инъ рожны, а инъ шила, а инъ бритвы, а инъ глаголя разопремъ его, да и паки сошьемъ, а инъ чашу въ руцѣ держитъ, а инъ стоя понужаетъ держащаго чашу веляше ему глаголя дай ему пити, сладко-ли ему будетъ, а инъ держитъ пилу великую и глаголетъ претремъ его на полы, а на бедрѣ у коегождо у иного брусъ, а инаго ѳела, и сѣдше остряху кождо свое оружіе, а иныя токмо брячатъ, и гремятъ своими оружіи, а инъ прискоча зъ бритвою, у обоихъ рукъ задки обрѣза и смясомъ, а инъ держитъ доску велику мѣдяну и глаголетъ верземъ на его и онъ умретъ, а инъ вельми страшенъ держитъ въ рукахъ въ своихъ трезубецъ, устрашая мя вельми, а другій глаголетъ, удари его въ гортань и изми изъ него душу, и всего того изрещи исказати подробно немощно, но сихъ же всѣхъ страшныхъ призрачій пріиде на нихъ нѣкая сила Божія, яко и мѣсту тому подрожати, яко великъ вихорь сильный или грозная буря на легкій прахъ сильно пріиде, и по всему воздуху разсѣявъ ихъ: иного несе вверхъ ногами, а внизъ главою, а иного поперлъ и всѣхъ по воздуху безвезтно разнесе и мечтаніе ихъ погибе и ничтоже бысть“ [3]). Изображеніе смерти съ неизбѣжными персонажами-бѣсами и ангелами и мытарствъ еще болѣе распространено въ древне-русской иконографіи [4]).

Грѣшники, по Евангелію, идутъ въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его (Мѳ. 25, 41). Въ др.-русской иконографіи широко разработанъ мотивъ разнообразнаго мученія грѣшниковъ бѣсами во адѣ соотвѣтственно грѣхамъ, что часто сбивается на сатиру и карри-

[1]) Яковлевъ, стр. 107. [2]) Ж. Тр. Вятск. Казань, 1868, стр. 30—31.

[3]) Цит. по Рук. д. с. паст., 1867, 592—593 стр.: здѣсь смерть превратилась въ одного изъ бѣсовъ.

[4]) См., напр., Буслаева. Историч. Очерки, т. 1, иллюстраціи къ стр. 435, 629 (б), 629 (в), 629 (8).

катуру. Такихъ изображеній много въ нижней части картинъ страшнаго суда и въ миніатюрахъ др.-русскихъ синодиковъ. Рѣдко, но этотъ мотивъ встрѣчается и въ др.-русскихъ житіяхъ. Въ Волоколамскомъ патерикѣ разсказывается сл. видѣніе: „о витофте кралѣ. Видѣ тамо во огни чл҃ка велика суща въ здѣшнеи славѣ. латыньскія вѣры суща, именемъ витовта и мурина страшна стояща и емлюща руками изо огня златица и в'ротъ мѣчуща ему и глаголюща сие. насытися окаянне" [1]. Тамъ же есть эсхатологическое видѣніе огненной рѣки, заграждающей грѣшникамъ входъ въ рай: „чрезъ рѣку огненную мостъ. а на немъ искусъ. грѣшніи же на томъ искусѣ удержаны бываху отъ бѣсовъ. и во огненную рѣку пометаеми" [2].

Но дьяволъ играетъ роль не только въ частной эсхатологіи. Ему принадлежитъ роль и въ грядущемъ концѣ человѣческой исторіи. Тогда же будетъ рѣшена и его судьба. Скажемъ объ этомъ въ самыхъ краткихъ чертахъ.

По ученію Библіи, предъ вторымъ пришествіемъ Христа явится антихристъ. Греческое слово ἀντίχριστος означаетъ противника Христа и лже—христа. Это нарицательное названіе соотвѣтствуетъ его нравственной сущности—богоборчеству (2 Ѳесс. 2, 4; Іоан. 5, 43; Мѳ. 24, 24). Кромѣ этого названія, антихристу даются и другія описательныя имена: „человѣкъ беззаконія", „сынъ погибели", „беззаконникъ" (2 Ѳесс. 2, 3, 8) и пр., но собственное его имя не открыто открыто лишь число имени его: 666. Но какъ бы разнообразно нарицательно ни назывался антихристъ, все таки это—опредѣленное лицо, человѣкъ и—родится, какъ человѣкъ. Но отъ людей онъ будетъ отличаться тѣмъ, что его пришестіе будетъ по дѣйству сатаны (2 Ѳесс. 2, 9), котораго онъ будетъ живымъ воплощеніемъ. На основаніи Быт. 49, 17—16, издавна считали, что антихристъ произойдетъ отъ евреевъ и именно изъ колѣна Данова, а на основаніи наименованія его „человѣкомъ беззаконія" производили его отъ незаконной связи. Пришествіе антихриста будетъ предъ вторымъ пришествіемъ, а такъ какъ день этого пришествія неизвѣстенъ, то неизвѣстно и явленіе антихриста, хотя указаны признаки этого пришествія: отступленіе или апостасія—упадокъ

[1]) Сб. И. филологич. о-ва при Нѣжинскомъ И-тѣ. т. 2., стр. 135.
[2]) Тамъ же, стр. 131.

вѣры и нравственности, необычайная сила боговраждебности, взятіе отъ среды „удерживающаго“ и „держащаго“ (2 Өесс. 2, 5), пришествіе обличителей антихриста—Иліи (Малах. 4, 5—6) и Еноха (Іуд. 14, 15 ст.).

Характеръ царствованія антихриста изображенъ подробно въ посланіи къ Өессалоникійцамъ, въ Апокалипсисѣ и въ кн. пр. Даніила (7 гл.). Антихристъ будетъ обладать большими дарованіями, но употребитъ ихъ лишь на зло и обольщеніе людей. „Его пришествіе будетъ со всякою силою и знаменіями и чудесами ложными“ (2 Өесс. 2, 9): напр., онъ будетъ раненъ, но исцѣлѣетъ, такъ что удивится вся земля (Апок. 13, 3). Чудеса его названы ложными по своей нравственной цѣли, но ихъ совершеніе едва ли будетъ возможно безъ знанія тайнъ природы; впрочемъ, онъ будетъ совершать ихъ силою дьявола, который дастъ ему „силу свою, и престолъ свой, и великую власть“ (Апок. 13, 2). Поэтому чудеса его будутъ очень злотворны. Онъ будетъ „вести войну со святыми и побѣдитъ ихъ“. Ему „дана будетъ власть надъ всякимъ колѣномъ и народомъ и языкомъ и племенемъ и поклонятся ему всѣ, живущіе на землѣ, которыхъ имена не написаны въ книгѣ у Агнца“ (Апок. 13, 3—4). Въ обольщеніи людей антихристу будетъ помогать звѣрь изъ земли или лжепророкъ, который будетъ низводить огонь съ неба и вложитъ „духъ во образъ звѣря, чтобы образъ звѣря и говорилъ, и дѣйствовалъ такъ, чтобы узнаваемъ былъ всякій, кто не будетъ поклоняться образу звѣря“. (Апок. 13, 15). Впрочемъ антихристъ обольститъ только „погибающихъ“ (2 Өесс. 2, 10). Съ сатанинскою гордостью антихристъ будетъ превозноситься выше Бога и святыни; попирая христіанство, онъ сядетъ въ храмѣ какъ Богъ (2 Өесс. 2, 4). Покланяться себѣ онъ заставитъ не только чудесами, но и насиліемъ: нельзя будетъ ничего ни продавать, ни покупать безъ печати антихриста на правой рукѣ или на челѣ (Апок. 13, 16, 17). Царствованіе антихриста продолжится три съ половиною года (Апок. 13, 5). Послѣ этого онъ будетъ уничтоженъ пришествіемъ Христа (1 Өесс. 2, 8.). І. Богословъ видѣлъ, что „схваченъ былъ звѣрь и съ нимъ лжепророкъ, производившій чудеса предъ нимъ...: оба живые брошены въ озеро огненное, горящее сѣрою“ (Апок. 19, 20). „А діаволъ, прельщавшій ихъ, вверженъ въ озеро огненное и сѣрное, гдѣ звѣрь и

лжепророкъ, и будутъ мучиться день и ночь во вѣки вѣковъ". (Апок. 20, 10 ср. Мѳ. 25, 41).

Ученіе Библіи объ антихристѣ дало жизнь нѣсколькимъ эсхатологическимъ апокрифамъ, какъ, напр., „прѣнію Господа съ діаволомъ". „вопросамъ Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской", „слову Меѳодія Патарскаго о царствіи языкъ послѣднихъ временъ". Посредникомъ между Библіей и этими апокрифами служили толкованія свв. отцовъ, какъ, напр., Иринея Ліонскаго, Ипполита Римскаго, Ефрема Сирина и др.

На Руси эсхатологическія вѣрованія объ антихристѣ ожили особенно предъ 1492 годомъ, когда исполнялось 7000 лѣтъ отъ сотворенія міра. Если развернуть такой, напр., памятникъ, какъ Волоколамскій патерикъ, то онъ окажется отъ первой до послѣдней страницы проникнутымъ страхомъ конца міра. Съ тѣхъ поръ ожиданіе конца не умирало и воскресало вновь съ особенною силою въ расколѣ. Эсхатологическая литература объ антихристѣ, производившая такую панику умовъ, была у насъ не оригинальна. Это было „слово св. Ипполита объ антихристѣ" [1]), „слово на пришествіе Господне, на скончаніе міра и на пришествіе антихристово" [2]) Ефрема Сирина, житіе св. Андрея Юродиваго [3]) и вышеназванные апокрифы. Только одно сочиненіе на эту тему можно считать оригинальнымъ— слово съ именемъ Ипполита Римскаго „о скончаніи міра, и о антихристѣхъ, и о второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа". напечатанное въ Москвѣ въ 1647 г. при патріархѣ Іосифѣ [4]). Отсылая къ соотвѣтствующей литературѣ предмета [5]), изложимъ лишь, какъ представляется личность антихриста, его царствованіе и, наконецъ, судьба дьявола по апокрифамъ.

Внѣшній видъ антихриста представляется въ совершенно фантастическихъ чертахъ. „Видѣніе лица его", читаемъ въ „вопросахъ І. Богослова", „мрачно. власи глави его остри. яко стрѣлы. видъ ему яко и дивьяку.

[1]) Изд. Невоструевымъ, Москва. 1868.
[2]) Тв. свв. оо., изд. М. Д. А-міи. т. XIV. 24—36 стр.
[3]) См. Ч. Минеи Макарія подъ 2 октября.
[4]) Невоструевъ, 189—218 стр.
[5]) Прот. Сахаровъ. Эсхатол. сочин. и сказан. въ др.-р. письменности. Тула, 1897.

око ему десное аки и звѣзда заутра восходящая а другая аки льву. уста ему локти. зубы ему пяди. персти ему аки и серпи. стопа ногу его пядію двою. и на лици его пишется антихрестъ [1]). Въ этомъ фантастическомъ образѣ понятны развѣ только „власи главы его остри, яко стрѣлы", какъ въ иконографіи бѣсовъ, да „персти ему аки и серпи". такъ какъ дьяволъ въ одномъ восточномъ житіи представляется съ серпомъ [2]).

Какъ фантастиченъ образъ антихриста, такъ легендарно и его рожденіе. Онъ будетъ происходить изъ колѣна Данова отъ жены-блудницы. „Въ томъ же Хоразинѣ будетъ черница дѣвою, дщи нѣкоего болярина. Сѣдящи въ келіи своей услышитъ въ випоградѣ своемъ птицу, поющую таковыя пѣсни, иже ни умъ человѣчъ возможетъ разумѣти. Она же открывши оконца и хотя обозрѣти птицу, птица же взлетѣвши и зашибет ея въ лице, черницы тоя, и въ томъ часу зачнется у нея сынъ пагубѣ, окаянный антихристъ" [3]). Черница „срама ради" отдастъ его на воспитаніе въ Виѳсаиду. Онъ придетъ на службу къ греческому царю Михаилу, у котораго выдвинется на службѣ, затѣмъ начнется его царство, въ которомъ не мало фантастическихъ чертъ.

Царство антихриста продолжится три съ половиною года, но „три лѣта сотворю аки три мѣсяца, а три мѣсяца сотворю аки три недили, а недилю сотворю аки день, а день сотворю аки часъ, а часъ аки черту" [4]). Антихристъ сначала покажетъ себя благодѣтелемъ человѣчества: онъ будетъ „кротокъ и смиренъ, богобоязникъ, нищелюбивъ, ненавидяй неправды, избавляяй обидимыя, ненавидя мзды, идолослуженія отвращаяся, писанія любя, священникъ стыдяся, сѣдины почитая, блуда не пріемля, обидимая сиротъ и вдовицъ заступая отъ всякаго насильства, также и чюдеса сотворитъ: прокаженныя очиститъ, разслабленныя воздвигнетъ, бѣси отгонитъ, сварящіяся человѣки премѣнитъ въ любовь: и речетъ: да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ твоемъ" [5]).

---

[1]) П. О. Р. Л-ры Тихонрав. II, 176 стр.; ср. 183 стр.; ср. 264 стр.
[2]) Патерик. др., 333 стр.; то же, Ч-Минеи, V, 603 стр.
[3]) П. О. Р. Л-ры Т-ва, 2 т., 262 стр.
[4]) П. С. Р. Л-ры, 3 т., 87 стр.; ср. П. О. Р. Л-ры, 2. 264 стр. и 176 стр.
[5]) П. О. Р. Л-ры, II т., 262—253 стр.; ср. Невоструева 203 стр.

За это его полюбятъ и изберутъ царемъ, но послѣ избранія нравъ его перемѣнится: „и иже кротокъ будетъ, будетъ жестокъ, иже любовь гоняй, будетъ немилостивъ“ и проч.[1]). Для прельщенія людей онъ сотворитъ дивныя чудеса: онъ скажетъ: „се предъ всѣми вами велю горѣ сей съ онаго полъ моря преити сѣмо, преидетъ и отъ гласа сего подвижется мѣсто оно, на немъ же народъ стояше“. И абіе подвигнется и потягнется гора та съ мѣста своего предъ всѣми людьми. И паки другой горѣ, стоящей во глубинѣ морѣ, и той повелитъ выступить изъ мѣста своего и стати на сушѣ. И со всея земли созоветъ единымъ словомъ всѣ гады и птицы и звѣри и по морстѣй безднѣ учнетъ ногами своими ходити, аки по суху“[2]). „Внидетъ бо сынъ погибельный въ Іерусалимъ, и сядетъ въ церкви Божіи равно Богу, человѣкъ сый плотянъ и изъ утробы женскія рожденъ“[3]). Въ это время небо не дастъ дождя и наступитъ голодъ. Антихристъ пошлетъ по всѣмъ мѣстамъ бѣсовъ чувственнымъ образомъ съ приглашеніемъ: „яко царь велій и явися всей земли, пріидите вси и видите крѣпость его и силу, сей бо животъ вамъ подастъ, и вино вамъ даруетъ“ и пр.[4]). Всѣ пойдутъ на поклоненіе къ нему. „И дастъ имъ знаменіе на руцѣ деснѣй и на челѣ, да никто же честный и животворящій крестъ сотворитъ десною своею рукою на челѣ“[5]). Онъ пошлетъ бѣсовъ въ горы и вертепы, насильно будетъ заставлять кланяться себѣ свв. и налагать на нихъ свою печать. Только въ такомъ случаѣ онъ будетъ давать „мало снѣди“. Но когда антихристъ не въ состояніи будетъ оправдать надежды голодныхъ, они горько разочаруются и восплачутся. При такомъ умноженіи скорби Господь „послетъ вскорѣ своя присныя угодникы, Еноха и Илію и Богослова на обличеніе сопостату предъ всѣми человѣкы“[6]), но антихристъ убьетъ ихъ.

Но царство антихриста кончится съ пришествіемъ Сына Человѣческаго. „Тогда явится знаменіе сына чело-

---

[1]) Невоструевъ, 204—205 стр.: ср. Тихонр. 2, 264 стр.
[2]) Тихонрав. 2, 264, ср. 225; Невоструевъ, 205 стр.
[3]) Тихонр. II, 226 стр.
[4]) Невостр. 206: ср. Тих. 265.
[5]) Тамъ же.
[6]) Тихонрав. 226: ср. 267; П. С. Р. Л-ры, 3, 87, 88.

вѣча съ небеси силою и славою многою, и тогда узритъ неправды дѣлатель съ слугами своими и воскрегчетъ вельми и устрашится съ бѣсы своими бѣжати и не возмогутъ. силою бо невидимою держими будутъ. и нелзѣ избѣжати... И тогда глаголютъ ему вси демони. гдѣ есть сила сатанина. и како ны прельсти и отпадохомъ славы Божія. и се грядетъ судія хотя судити всякой вещи и человѣчестей. и возглаголютъ о люте намъ яко послетъ ны во тьму кромѣшную, ея же и самъ трепещеши“ [1]).

Когда будутъ принесены книги, то, лишь будетъ сломана 7-я печать, „адъ откроется, и первые вопрошены будутъ дуси нечистіи съ антихристомъ. и послетъ ихъ Господь во тьму кромѣшную... глубина же ея дна не иматъ“ [2]). Такова судьба злыхъ духовъ. На картинахъ страшнаго суда въ гееннѣ сидитъ обыкновенно длиннобородый сатана и держитъ маленькаго Іуду съ кошелькомъ; въ сторонѣ отъ него направо выглядываетъ антихристъ, какъ бы его двойникъ, осужденный на вѣчную муку.

Мы, наконецъ, выполнили свой планъ, теперь можемъ отложить въ сторону перо и оглянуться на продѣланную нами работу, чтобы видѣть, къ какимъ результатамъ привело насъ наблюденіе надъ собраннымъ нами матерьяломъ.

Вопреки авторитетному заявленію Ѳ. И. Буслаева, что „въ византійскомъ и др.-русскомъ искусствѣ чёртъ, собственно говоря, мало интересенъ и довольно однообразенъ“, онъ оказался очень веселымъ типомъ, проникающимъ во многіе уголки древне-русскаго быта, и, во всякомъ случаѣ, научно интереснымъ.

Интересъ его въ тѣхъ наслоеніяхъ, которыя исторически накопились на др.-русской демонологіи. По этой части мы пришли къ слѣдующимъ тезисамъ:

1) Др.-русскій бѣсъ въ своей литературной первоосновѣ восходитъ къ Библіи и преимущественно къ книгамъ Новаго Завѣта; зависимость его отъ Библіи не столько логическая, сколько творчески-психологическая.

2) Библейская демонологія была зерномъ, изъ котораго развилась демонологія первохристіанская съ ея матеріа-

[1]) Тихонр. 2 т., 179 стр.; ср. 187, 267—268 стр.
[2]) Тихонр. 2 т., 180 стр., ср. 189.

лизаціей демоновъ и отождествленіемъ ихъ съ языческими богами. Вліяніе этой демонологіи на др.-русскую—болѣе косвенное.

3) Въ органической связи съ первохристіанской демонологіей стоитъ демонологія византійская. Ея вліяніе на др.-русскую прямое: большая часть демонологическихъ сказаній въ др.-русской литературѣ заимствована изъ византійской литературы.

4) Такъ какъ литературной посредницей между Византіей и Русью была Болгарія, то на др.-русской демонологіи оказалось еще богомильское наслоеніе[1]); оно есть лишь въ апокрифахъ и его нельзя преувеличивать.

5) Но въ др.-русской демонологіи есть и свои оригинальныя черты. Др.-русскіе бѣсы, какъ и въ первохристіанствѣ, представляютъ изъ себя не что иное, какъ „богомерзкую погань", т. е. славянскіе языческіе образы, перешедшіе въ бѣсовъ.

Точно также и содержаніемъ оригинальныхъ др.-русскихъ демонологическихъ вѣрованій являются вѣрованія др.-русскаго язычества. Это, какъ мы видѣли, вѣрованія въ оборотничество, въ чародѣйство, въ зелейничество и пр., характерныя для всякой анимистической религіи.

6) Наконецъ, съ XVII в. начинается вліяніе на др.-русскую демонологію демонологіи западной, съ одной стороны, а съ другой она принимаетъ своеобразныя черты въ раскольничьей литературѣ[2]). Эти вліянія мы только намѣтили.

Въ общемъ, демонологія въ др.-русской литературѣ есть отраженіе живой народной вѣры и, какъ отраженіе живой народной вѣры, изукрашена всѣми цвѣтами поэзіи.

Ѳ. Рязановскій.

---

[1]) Слѣды богомильства можно усматривать также и въ апокрифахъ, гдѣ дьяволъ заявляетъ, что земля принадлежитъ ему, какъ небо Богу.

[2]) Для примѣра см., напр., житіе инока Епифанія въ Хр. Чт. 1889 г. I, стр. 218—219 или стр. 216—217.